ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

10'89

Фотография А. КРУПНИКОВА.

Анна АХМАТОВА

Летний сад

Я к розам хочу,
в тот единственный сад,
Где лучшая в мире
стоит из оград,

Где статуи помнят
меня молодой,
А я их под невскою
помню водой.

В душистой тиши
между царственных лип
Мне мачт корабельных
мерещится скрип.

И лебедь, как прежде,
плывет сквозь века,
Любуясь красой
своего двойника.

И замертво спят
сотни тысяч шагов
Врагов и друзей,
друзей и врагов.

А шествию теней
не видно конца
От вазы гранитной
до двери дворца.

Там шепчутся
белые ночи мои
О чьей-то высокой
и тайной любви.

И все перламутром
и яшмой горит,
Но света источник
таинственно скрыт.

1959

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙ В ОКТЯБРЕ

Он с любопытством разглядывал галеон. С. 5.

С. 36.

С. 62.

ПЕРЕСТРОЙКА:
КТО ТАКОЙ? ЧТО ТАКОЕ?

НОВЫЙ СМЫСЛ СТАРИННОГО СЛОВА

Слово «демократия» — старинное. Но звучит сегодня по-новому. И многие люди спорят друг с другом, как его понимать. Буквально на русский язык оно переводится просто НАРОДОВЛАСТИЕ, власть народа. Но совсем не так просто понять, как осуществить народовластие на деле, в жизни людей. Ведь, казалось бы, при социализме народовластие — это все как бы «само собой разумеется». Кто же, если не народ, у нас у власти?

Но, оказывается, «само собой» не бывает ничего на свете. И у нас так случалось, что слова «народ у власти» часто оставались только на плакате. А в жизни все гораздо сложнее...

Так что давай разбираться, что же такое демократия, с самых простых примеров. Ну, скажем, возле вас где-то открылась новая школа. Экспериментальная. Разные классы будут учиться с усиленным изучением какого-то направления: будущие биологи, филологи, специалисты по информатике, спортсмены... Такие школы, впрочем, и раньше были, но тут тебе приспичило в новую эту школу, и все тут. Хочется усиленно изучать биологию! И тут вмешивается «семейный совет». Мама в плач: ты же, как наш дедушка, собирался в юристы! Предательство! Папа вообще слушать не хочет: «Признаю только технические профессии. Вопрос закрыт!» Да... А решения папы в семье не обсуждаются, так уж повелось. Как тут быть?

Когда решения не обсуждаются, а принимаются единолично, власть называют диктатурой. Ясно, что демократия на диктатуру не должна быть похожа. На что похожа демократия?

Многие думают, что демократия похожа на общее собрание, где каждый может высказать свою точку зрения, а потом за нее проголосовать: как решит большинство, так и будет. Но всегда ли получится справедливо? И главное: принадлежит ли на таком собрании власть ВСЕМ? Нет, конечно, власть будет принадлежать большинству, а меньшинство останется обиженным. К тому же если даже классное собрание собрать трудно, то собрать мнения АБСОЛЮТНО всех граждан нашей огромной страны далеко не так просто.

Приведем еще один пример. Представим себя пассажирами поезда.

Кому, на ваш взгляд, принадлежит власть в поезде? Пассажирам или машинисту? Ясное дело, ответите вы, машинисту — именно он управляет поездом! Но ответ ваш будет правильным лишь отчасти. Ведь машинист ведет поезд по рельсам, он вынужден следовать по расписанию, пропускать встречные поезда, делать остановки и вообще ехать туда, куда надо пассажирам, а не ему самому.

Если посмотреть на пример с поездом пристально, мы, может быть, лучше поймем, на что похожа демократия.

Демократия — это очень сложная система взаимоотношений людей. У нее свои правила, которые вырабатываются долгими годами. Свой график движения, который обязательно нужно соблюдать всем, иначе не избежать катастрофы. У демократии есть свои машинисты, ведущие поезд, но ее расписание и направление движения составляются так, чтобы всем пассажирам было удобно. На каждом, кто садится в поезд, лежит часть ответственности. Тот, кто нарушит правила, может выпасть из поезда или его высадят, или оштрафуют. При демократии обязательно учитывают права каждого, не только большинства. Даже если всего один пассажир хочет выйти на маленькой станции, поезд обязательно должен остановиться, как бы все остальные ни спешили.

Попробуем приложить это сравнение к работе первого Съезда народных депутатов. У всех ли депутатов была одинаковая цель? Конечно, нет! По-разному мыслились и конкретные маршруты движения. Каждый депутат при этом исходил из СВОЕГО представления об идеальном пути, из пожеланий СВОИХ избирателей. Наблюдая за Съездом, мы убедились, как трудно вырабатывается единое решение, когда точек зрения много. Как много внимания при этом уделяется выработке «расписания», или регламента, удобного для всех.

Не всегда депутаты были во всем согласны друг с другом. Большей частью их мнения расходились. Но сегодня СВОЕ ЛИЧНОЕ мнение можно высказывать открыто, его можно открыто обосновывать, и это — главное. Без этого никакое движение невозможно. Ни быстрое, ни медленное. Никакое!

Конечно, одни хотят скорее добраться до цели, другие предпочитают не спешить. Так всегда происходит в жизни. Кто-то всем доволен, а кто-то нет. Так и в оценке итогов Съезда люди расходятся. Академик Е. М. Примаков считает: «Огромное значение Съезда в нашей жизни определено тем, что он подвел к черте, за которой начинается подлинное народовластие. Вот в этом, мне кажется, самое главное. Посмотрите документы Съезда, его резолюцию... Съезд народных депутатов СССР берет на себя всю пол-

ноту власти». А академик А. Д. Сахаров придерживается другой точки зрения. Отдавая должное работе Съезда, он выражает сожаление, что итоговый документ содержит в себе больше призывов, чем реальных законодательных решений.

Конечно, полное безоговорочное народовластие — это большая мечта людей. Добиться ее осуществления очень трудно. В этом деле нельзя спешить. От спешки даже хорошие и искренние люди, желающие всем добра, часто становятся жестокими и несправедливыми. Начиная бороться за то, чтобы отдать власть народу, они берут власть себе, а потом им трудно с ней расстаться. Тогда они начинают обманывать других и даже самих себя: называют свою власть народной, хотя ни с кем не собираются ею делиться.

Машинист, который не интересуется, куда хотят ехать пассажиры, обязательно заедет в тупик. А машинист, который к тому же плохо умеет водить тепловоз, обязательно попадет в аварию. И тогда без общих усилий не спастись.

Мы рассказали лишь о небольшом числе проблем, связанных с простым словом «демократия». Подумайте, только ли о них может идти речь? Подумайте, как должны поступать люди, желающие демократии. Подумайте, потому что в народовластии главное — мысли каждого об общей цели.

Выработать такую ОБЩУЮ для всех цель совсем не просто. Потому-то так часто говорят у нас о необходимости учиться демократии. Учиться демократии совсем не значит взять с полки учебное пособие и внимательно его прочитать. Такого пособия не существует! Учиться демократии — значит на собственном опыте стараться вести себя терпимо и благородно, уживчиво и внимательно по отношению к другим. Уже в собственной семье, уже в школе можно учиться демократии. Можно смело сказать: чем лучше мы будем учиться демократии в семье, в школе, в собственном дворе, тем лучше будет жить все общество.

Алексей СЕРГЕЕВ,
обозреватель газеты «Семья» — специально для «Пионера».

Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. Это не аскетизм. Напротив того, личная жизнь обогащается благодаря такому слиянию, благодаря тому, что общее дело всех трудящихся становится личным делом.

Н. К. Крупская.

Горе земле, в которой подчиненные, начальники и суды, а не законы управляют гражданами и делами! Всякий из них считает себя мудрецом в высшей степени, и от сего «у семи нянек дитя без глазу».

М. И. Кутузов.

Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное.

Платон.

Умей подчиняться закону, дисциплине, порядку, нормам социалистического общежития. Умение подчиняться самым гуманным в мире законам — высшее выражение свободы.

В. А. Сухомлинский.

Свобода — это не праздность, а возможность свободно располагать своим временем и выбирать себе род занятий; короче говоря, быть свободным значит не предаваться безделью, а самолично решать, что делать и чего не делать.

Ж. Лабрюйер.

Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья.

А. П. Чехов.

Фотография И. КУЛИКОВА.

Григорий КРУЖКОВ

* * *

Есть в небе звездочка одна,
Какая — не скажу,
Но каждый вечер из окна
Я на нее гляжу.

Она мерцает ярко так!
А в море где-нибудь
Сейчас, наверное, моряк
По ней сверяет путь.

Она восходит над холмом,
Где пастухи не спят;
У телескопа астроном
В нее вперяет взгляд.

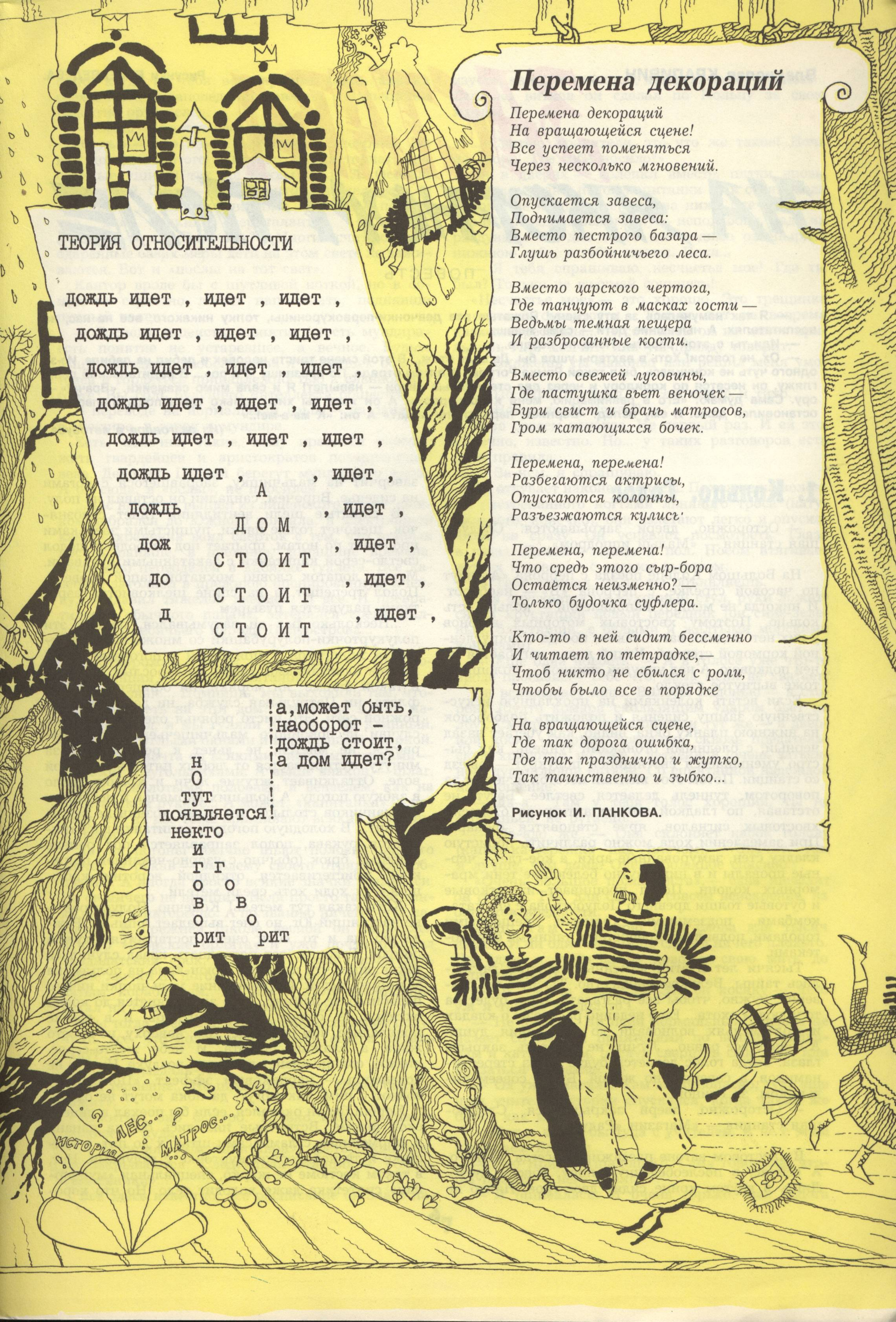
И на нее глядит сейчас
Кочевник средь степей;
И кучерявый папуас
Из хижины своей;

И Ленька, что вчера списать
Задачку мне не дал;
И Глеб Семеныч, что в тетрадь
Мне двойку закатал.

Его, наверно, мучит стыд,
Раскаянье грызет,
Он на звезду мою глядит
И горько слезы льет...

Дозорный человек

Там, за рекой,
где травы отцветали,
Стоял средь луга
на вершине горной
Дозорный человек
с трубой подзорной
И говорил он,
вглядываясь в дали,
Трубу
поочередно
приставляя
То к глазу,
то ко лбу,
а то и к уху,
И даже к носу,
отгоняя муху:
— Лети отсюда,
муха кочевая! —
И говорил он так:
— Я вижу глазом,
Как за рекою
вражий стяг маячит,
Полки щетинятся
«дикообразом»
И конница воинственная
скачет.—
И говорил он так:
— Я вижу ухом,
Как Черный Атаман
звенит доспехом,
На жеребце рассевшись
толстобрюхом
И разражается
зловещим смехом.
Я вижу носом,
как запахло дымом,
Как тянет гарью
от костров несчетных
И запахом беды
неотвратимым
От взмыленных коней
и седел потных.
Я вижу лбом,
что будет бой жестокий,
Что все решится
в этой смертной брани!..
И вижу я,
что прогулял уроки,—
Но как-то смутно,
вдалеке,
в тумане...

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , идет , идет ,
дождь идет , , идет ,
А
дождь , идет ,
Д О М
дож , идет ,
С Т О И Т
до , идет ,
С Т О И Т
д , идет ,
С Т О И Т

!а, может быть,
!наоборот –
!дождь стоит,
!а дом идет?
!

Н
О
тут
появляется
некто
и
г о
о в
в о
о
рит рит

Перемена декораций

Перемена декораций
На вращающейся сцене!
Все успеет поменяться
Через несколько мгновений.

Опускается завеса,
Поднимается завеса:
Вместо пестрого базара —
Глушь разбойничьего леса.

Вместо царского чертога,
Где танцуют в масках гости —
Ведьмы темная пещера
И разбросанные кости.

Вместо свежей луговины,
Где пастушка вьет веночек —
Бури свист и брань матросов,
Гром катающихся бочек.

Перемена, перемена!
Разбегаются актрисы,
Опускаются колонны,
Разъезжаются кулисы.

Перемена, перемена!
Что средь этого сыр-бора
Остается неизменно? —
Только будочка суфлера.

Кто-то в ней сидит бессменно
И читает по тетрадке,
Чтоб никто не сбился с роли,
Чтобы было все в порядке

На вращающейся сцене,
Где так дорога ошибка,
Где так празднично и жутко,
Так таинственно и зыбко…

Рисунок И. ПАНКОВА.

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ

ПОВЕСТЬ

...— Я так намучилась за эту смену! Вожатые все девчонки-первокурсницы, толку никакого, все на нас, на воспитателях. А нынешние дети — сама знаешь...

— Иди ты с этой работы. Пока не поздно...

— Ох, не говори! Хоть в вахтеры ушла бы. Да ведь стаж... В этой смене триста человек и дебил на дебиле. Из-за одного чуть не кончилась, был такой Ромка Рогулин в пятом отряде. По прозвищу «Ро-ро»... В родительский день, гляжу, он несется по коридору и через две стеклянные двери — навылет! Я и села мимо скамейки. «Врача!» — ору. Сама думаю: «Его в реанимацию, меня к прокурору». А он хоть бы хны, только щека поцарапалась. Не остановился даже. Я ему вслед: «Вернись, паразит, ты куда?» А он: «К ма-а-ме!..»

(Из разговора в автобусе.)

1. Кольцо. Голос

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Малый ипподром»...

На Большом Кольце поезда с перрона «А» идут по часовой стрелке, с перрона «Б» — наоборот. И никогда не меняют направлений — кольцо есть кольцо. Поэтому хвостовых моторных вагонов у них нет. Задний вагон такого поезда с закругленной кормовой стенкой. Узкий диван изгибается по ней подковою. А над упругой спинкой — сплошное, тоже выгнутое стекло.

Если встать коленками на прохладную искусственную замшу сиденья и положить подбородок на нижнюю планку окна, видно, как убегает назад черный, с бледными огоньками туннель, как быстро уменьшается светящийся полукруг — выезд со станции. Потом этот желтый ноготок исчезает за поворотом, туннель делается светлее. Бегут, не отставая, по гладкой полосе антиграва отблески хвостовых сигналов, ярче становятся фонари. При замедлении хода можно различить пористую кладку стен, замурованные арки, а кое-где — черные провалы и в них смутно белеющие тени мраморных колонн. Поезд прошивает известковые и бутовые толщи древнего Полуострова с его катакомбами, подземными храмами, пещерными городами, подвалами крепостей и тайными библиотеками.

Тысячи лет в этих каменных пластах гнездились тайны. Великое множество. Тысячи лет, наверно, нужно, чтобы все разгадать. Если будет на то у людей охота... Еще недавно рассказы о кладах и подземельях волновали до замирания души. А сейчас все равно... Лучше не смотреть, закрыть глаза. Тогда голос делается будто не из стереодинамиков, а совершенно живой. Будто совсем рядышком, за спиной:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Магазин «Радуга»...

В хвостовом вагоне пассажиров всегда немного. А сейчас, в послеобеденную пору, совсем пусто. Лишь в другом конце сидят двое-трое. Никто не заворчит на мальчишку, забравшегося с ногами на сиденье. Впрочем, сандалии он оставил на полу.

В скрытые щели вентиляции тянет сквознячок, щекочет голые пятки, пушистыми зверьками пробегает по ногам, прыгает под свободный подол светло-серой капитанки с закатанными рукавами. Между лопаток словно мохнатой лапой провели. Подол трепещет, а на спине шелковистая аэроткань надувается пузырем.

...Несколько раз он задумывался, почему эти полукурточки-полурубашки со множеством застежек и хлястиков, с пряжками и погонами называются капитанками. Никто из взрослых не ходит в такой форме: ни моряки, ни офицеры Космофлота, ни Патрульная служба, ни дежурные Дорожной сети. Это чисто ребячья одежда — на все случаи неспокойного мальчишечьего бытия. Не рвется, не мнется, не льнет к репейникам, за минуту отстирывается от любых пятен в холодной воде. Отталкивает жгучие лучи и хранит тепло в зябкую погоду. А больших карманов и потайных карманчиков столько, что и сам хозяин не всегда помнит... В холодную погоду у капитанки раскатываются рукава, подол заправляется под ремень длинных брюк (обычно с узорно-чеканной пряжкой), пристегивается откидной воротник-капюшон — и ходи хоть среди метели.

Хотя какая тут метель! Конечно, Полуостров — не настоящий Юг, но снег выпадает лишь на Рождество, да и то, если очень постарается Служба погоды. Говорят, лет пятнадцать назад случилась такая зима, что пролив у Грюн-капа на полмесяца затянуло льдом. Но нынешние мальчишки ничего подобного не помнят. Лето здесь тянется до конца октября. А сейчас лишь сентябрь, и в вагоне прохладнее, чем на улице. Там, наверху, не просто жара, а влажная духота. И небо желто-серое, низкое, солнце вязнет в липком воздухе. Ничего не поделаешь — парниковый эффект. «Погодники» воюют с ним, как могут, да пока могут не очень.

Хорош бы он оказался, если бы поехал в лицейской форме. Встречные пялились бы на пацана в форменных, с лампасами штанах до пят, в галстуке и тесной черной курточке с галунами. Нет, в таком костюме не жарко, специальная «мундирная» синтетика даже холодит тело. Но что хоро-

шего, когда на тебя все таращат глаза, как на сбежавшего из заповедника павлина, а мальчишки радостно орут вслед:

— Ослы — на тот свет послы!

«Ослы» — это из-за нарукавного шеврона. На нем концы золотого лаврового венка торчат, как ослиные уши, и тут же буквы: О С Л. Особый суперлицей. Супер — потому что учит человека от «нулевки» до высшего диплома. Особый — потому что для всяких сверхталантов. («Господи, а у меня-то какой талант?») Многие считают, что одаренные сверх меры дети на этом свете не заживаются. Вот и «послы на тот свет».

Кантор вроде бы с шутливой ноткой, но в общем-то серьезно любит напоминать, поднявши пухлый палец:

— Господа лицеисты, понятие «честь мундира» есть понятие не устаревшее, а вечное. Будьте выше праздного любопытства и насмешек обывателей и гордитесь принадлежностью к славной когорте. Вы соль будущего интеллекта общества...

В переводе на нормальный язык — на занятия в мундире, в город в мундире.

Есть, конечно, такие, кому нравится изображать гвардейцев и аристократов позапрошлого века. Дело их. Пускай берегут мундирную честь. А он сюда, в «ослы», не просился.

...Час назад он вышел из лицейского парка, пешком добрался до Южного вокзала, в электронной камере хранения взял сверток с тем, что привык носить раньше, в прежние, домашние времена. Бесшумно переоделся в кабинке туалета. Все казенное затолкал в прежнюю бронированную ячейку, придавил тяжелой дверцей. И все. И превратился в обычного пацана, затерялся среди миллионного ребячьего народа Полуострова...

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Дом Капитанов».

«Да, я знаю... Помнишь, мы выходили там, чтобы посмотреть на этот дом? Это когда я еще маленький был, и мы гуляли вдвоем... Он длинный, белый, с круглыми окнами и корабельной вышкой. На вышке мачта со всякими висячими знаками — шарами, треугольниками. А выше знаков — флаг. Синий, с золотыми полосами и вензелем, как на капитанском рукаве... А может, «капитанка» — потому, что на нее тоже пришивают всякие шевроны и знаки?»

Да, на погоны обычно шьют полоски разного цвета, на рукав — эмблему своего отряда или общества. А иногда просто всякие значки и надписи. Но он ничего не пришил. Если просто так, картинки — это неинтересно. А по званию ничего не полагается. В прежней школе весной он записался в клуб «Морские орлята» и уже почти прошел кандидатский срок, и должны были скоро дать синие лычки на погоны и нарукавный знак с крылатым корабликом. Но инструктор неожиданно уехал на стажировку в летное училище.

«Ты тогда утешала: «Не горюй, в сентябре получишь все, что полагается. Может, еще и медаль дадут...»

«За что медаль-то?»

«За терпение... Не шмыгай носом, время быстро бежит».

Бежит-то оно быстро. Только если бы знать заранее — куда...

— Станция «Дом Капитанов»... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Отель «Кочевники»...

Все здесь известно, все расписание он знает наизусть, каждую станцию, каждую нотку в голосе... Сколько витков он сделал по Кольцу за свою жизнь!

...«Святые Хранители, это что же такое! Ночь на дворе! Где тебя носило?»

Он в дверях — коленки вместе, пятки врозь, пальцы дергают подол капитанки. Так стоят люди виноватые и упрямые. Голова ниже плеч, волосы упали вперед. Чтобы глянуть исподлобья, надо их раздувать. Но для этого необходимо оттопырить нижнюю губу, а губы сжаты. Пока...

— Я тебя спрашиваю, несчастье мое! Где ты был? Только не вздумай сочинять!

«Несчастье мое» — это хорошо. Это трещинка в суровой сердитости... Только вот не вовремя намокли ресницы... А сочинять он не имеет привычки. Или молчит, или уж правду говорит.

— Скажешь ты наконец или решил меня уморить?

— По Кольцу ездил...— Это сипло и тихо.

— Новое дело! Зачем?

Дело совсем неновое. Не первый раз. И ей это, конечно, известно. Но... у таких разговоров есть свои правила.

— За-чем, я спрашиваю.

Он отдувает наконец волосы. Похожие на волокно растрепанного ногтями льняного троса (натурального, конечно), они взлетают легко и опускаются не сразу. Он успевает посмотреть. Глаза в глаза. Потом — опять в пол. Носом втягивает воздух и говорит с легким вызовом:

— Тебя слушал... Как ты объявляешь.

Она опускается на кухонный стул, руки ложатся на хрустящий новый передник (он сине-зеленый, блестящий, с белыми и желтыми морскими коньками).

— Еще одна новость...— А в голосе уже что-то вроде просьбы.— Тебе что, дома меня не хватает?

Он вскидывает лицо. Волосы ладонью — в сторону (будто комара скользящим ударом бьет на лбу). Смотрит ей в лицо опять и тут же — в дверной косяк. Говорит сумрачно, сквозь предательскую хрипотцу, но уже с затаенной (очень затаенной) дурашливой ноткой. Со спрятанной надеждой на прощение:

— Да-а... Там у тебя голос хороший, ты не сердишься, не ругаешь...

— На-адо же...— Она склоняет набок голову (капелька-сережка над плечом).— Значит, там я лучше, чем дома. Очень большое спасибо.

«Очень большое пожалуйста»,— едва шевелит он губами. Так, для себя. И совсем неискренне, из остатков вредности.

— Но т а м я говорю свои слова для тысяч людей. И ни один из них не сделал ничего плохого. Ни один, я уверена, не доводит свою мать до нервной икоты...

— Ох уж, до икоты...— Это он косяку.— Чего уж я такого сделал-то...

— Не бубни!.. Ни один нормальный человек не лазает со своими приятелями по всяким подвалам и катакомбам, рискуя свернуть себе шею или оказаться в завале...

— Ох уж, в завале! Там все безопасно, туда еще наш учитель истории спускался, когда такой же был... как мы.

— Вот и лазил бы туда с учителем. А не с этим шалопаем Яриком...

— Это Ярик-то шалопай?! Сама говорила, чтобы пример с него брал!

— Я ошибалась. И очень горько. Два сапога

пара, и обоих следует вздуть одинаково. Я вот позвоню его маме...

— Да знает она, знает. Тебе звонить обещала.

— Какое приятное известие!.. Археологи липовые...

Но это уже так. Это почти игра.

— Марш в ванную. Чучело, а не сын...

Ванная — это потом. А сперва... сперва потоптаться, посопеть у двери, потом побрести с опущенной головой, постоять, ткнуться носом в теплое плечо рядом с клеенчатой лямкой передника. Вздохнуть, получив невесомый хлопок по затылку. Снова посопеть, потереться о ее плечо лицом.

— Нечего об меня нос вытирать... Я тут чуть с ума не сошла: то днем исчез, то вечером...

— М-м...

— Подлиза.

— М-м...

— Не мычи, а говори, если хочешь что-то сказать...

Она знает, что он хочет сказать. Вечное, как мир, и самое непрочное мальчишечье обещание: «Больше не буду...» Но даже в полную ласки и раскаяния минуту он не может выдавить из себя эти слова. Такой характер.

Теплая ладонь с растопыренными пальцами ложится на его заросший затылок. Пальцы треплют, теребят пряди. Вроде бы сердито.

— До чего упрямый...

Он стыдливо хихикает:

— Сама придумала, что «Ежики».

...Прозвище, казалось бы, ну, совсем не для него. Вот у Ярика на темени две спиралью завитых макушки с жесткими хохолками — и правда, как ежики. Но Ярик — человек покладистый, «не то, что эта колючка».

Да какая он колючка! Просто повелось так с дошкольных еще времен. «Ты долго будешь с книжкой сидеть?» — «Счас...» — «Не «счас», а спать. Кому сказала!» — «Ну, маленько еще...» — «Брысь в постель!» — Хвать его в охапку. «Следующая станция «Нос-в-подушку»!

Он, конечно, верещит и ногами дергает.

«Не ребенок, а ежики...»

«Ха-ха-ха, почему?»

«Потому! Чуть что — иголки наружу: не хочу-у...»

«Ха-ха-ха! Тогда уж один ежик!»

«Один — это мало. У одного хоть живот пушистый, а у тебя всюду колючки торчат... Куча ежат, все упрямо визжат...»

«Я никогда не визжу. Даже от щекотки... Ай, не надо! И-и-и!..»

«Вот так-то, Ежики... Спать».

Ежики так Ежики. И прожил с этим именем до одиннадцати с половиной лет.

И вот сейчас тоже:

— Эх ты, Ежики, колючки непутевые... Ладно, не сопи, иди мыться. Шагом марш!

Это уже совсем прощение. Он дурашливо марширует в холл, потом в кафельную кабину с ванной-бассейном. Весело командует, задвигая дверь:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — «Океанский пляж»!

— Я покажу тебе пляж! Не смей устраивать наводнение!

А за дверью уже: ш-ш-ш, буль-буль-буль, плюх-плюх!

— Ну, только выйди, будет тебе «плюх»!

Он выходит, важно кутаясь в длиннополый мохнатый халат, как в шкуру туземного вождя. Слипшиеся волосы торчат длинными сосульками.

— Хоть бы вытерся как следует. Чучело и есть чучело. Не ежики, а дикобраз...

Он шествует к похожему на присевшего бегемота креслу и погружается в его податливую мякоть. Говорит оттуда:

— А я знаю, почему твой голос записали... У вас там специальные дикторы есть, а ты вовсе и не диктор, а консультант, а для Кольца записали не их, а тебя. Потому что...

— Любопытно. Почему же?

Он вдруг теряется, прячет нос в махровый рукав.

— Ну, потому что он такой голос...

— Какой же? А? — Ей и правда интересно.

— Ну... как ты сама...

Голос и в самом деле вовсе не дикторский. Он слишком... домашний, что ли... И в словах, если очень прислушаться, есть неправильность — крошечная такая шепелявость. «Р» звучит мягко, «ж» похоже на «ш». И постоянное «осторожно» произносится с еле заметным ласковым пришептыванием — «осторёшно»... Нет, не так, разумеется, но с намеком на «ё» и «ш»...

Ежики сам видел не раз, как люди, услыхав этот голос, поднимают глаза к динамику и чуть улыбаются.

...И «Ежики» она тоже говорила мягко. Почти как «Ешики»... «Ешики», опять с ногами на сиденье? Ну-ка брысь!» (Бр'ись...)

Он вздыхает, сползает коленками с сиденья, садится, опустив ноги. По полу при стремительных поворотах вагона елозят туда-сюда расстегнутые и брошенные сандалии. Ежики сует в одну из них ногу, нагибается, чтобы прижать к металлическому язычку магнитную пряжку. На ноге сбоку, выше косточки, белый рубец с точками по краям — след шва. Конечно, можно было бы убрать его за два дня специальной мазью (называется «ре-ге-не-ра-ци-онная»). Да и без мази он сумел бы сгладить шрам за неделю. Но не хочет. Пусть... Хорошо он все-таки врезал тогда Кантору, жаль, что нога срикошетила...

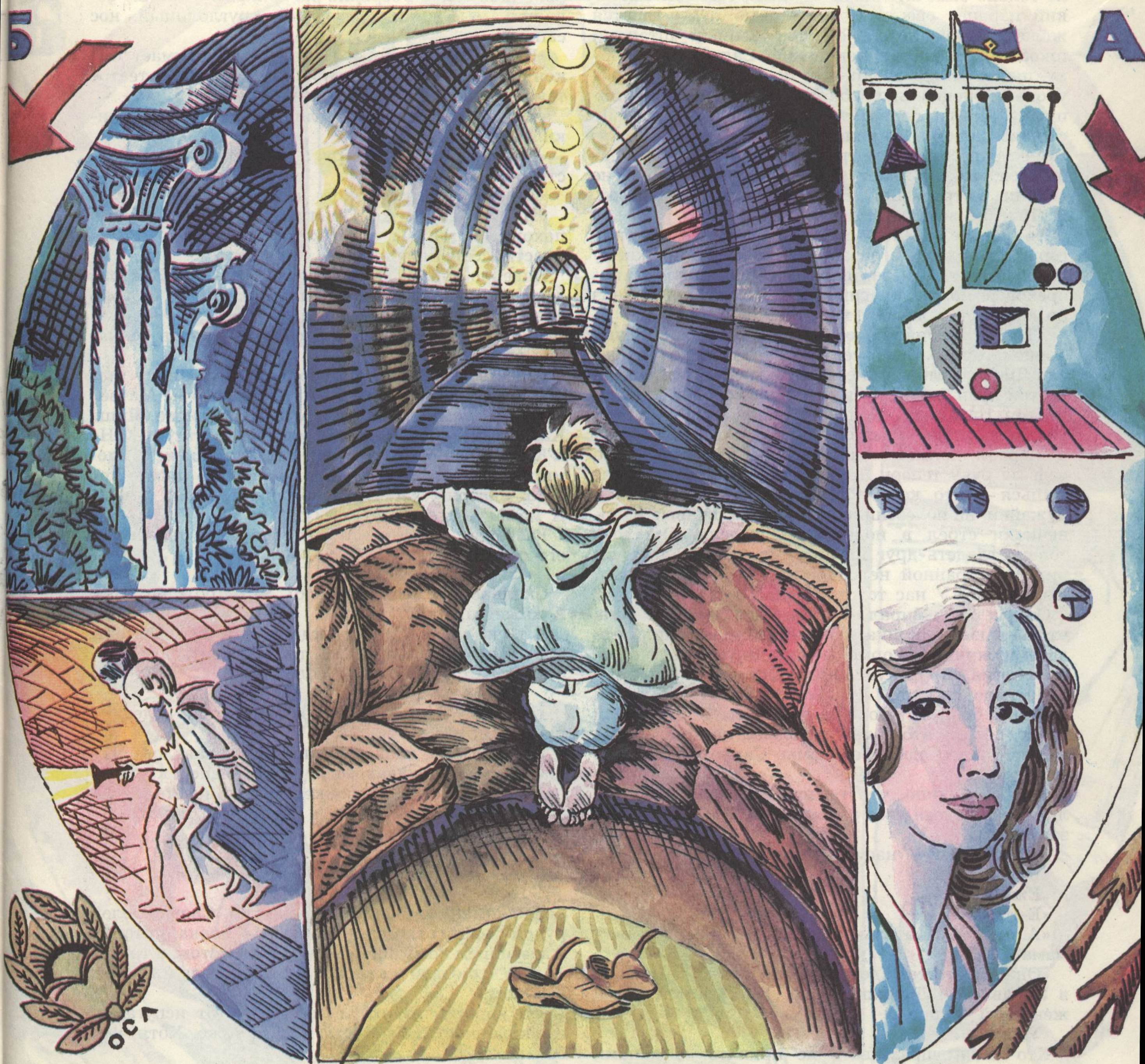
Ремешок с пряжкой — будто живой: дергается, хитрит, выскальзывает из пальцев. А тут еще опять поворот, и мягкая сила валит Ежики набок. Он сердито покоряется ей и так, лежа, дожидается шелестящего торможения и затем знакомых слов:

— Станция «Восточные ворота»... Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю. «Эстакада»...

Он придвигается к боковому окну. Поезд, набрав ход, вырывается из туннельного сумрака в громадное дымчато-желтое пространство. Неяркое, похожее на грейпфрут солнце невысоко висит во влажном воздухе, высвечивает море, обрывы Грюн-капа и бесконечные кварталы мегаполиса, что раскинулся почти на треть Полуострова. Кварталы эти — белые, стеклянные, разноцветные, убегающие в необозримые края по холмам и равнине — медленно поворачиваются за окном, словно за бортом аэробуса. А под полом, под тугой упругостью антигравитационной подушки, мягко гудит стальная эстакада. Она соединяет Крепостной холм, где стоят остатки тысячелетней цитадели, со склоном горы Эдуарда. А глубоко внизу курчавятся верхушки парковых массивов Посейдоновой балки.

Посреди эстакады стеклянный павильон станции. Последние два пассажира вышли здесь из вагона. Поедут, наверно, на лифте вниз, в парко-

вые дебри. А может, застрянут на смотровой площадке...

Ежики лбом прижимается к окну. Сквозь стекла вагона и станции виден склон горы Эдуарда, а левее — гребешок дальнего пологого холма, на котором щетинятся кипарисы — черные на желтом небе. За теми кипарисами есть скользкий от ракушек спуск садовых тропинок, а дальше — д о м. Его дом. Родной до каждой щелки на дереве старых перил, до последней царапинки на облицовочном пластике. Родной и... чужой... Нет, не надо сейчас о доме. А то не поможет и аутотренинг иттов...

Вон там, где торчит самый высокий кипарис, есть очень старая ракушечная лестница, она ведет к школе. На ней почему-то всегда любят играть первоклассники. Такую игру знают, наверно, только в этой школе: вроде классиков, но прыгать надо не по ровному месту, а по ступеням.

Две ступеньки,
Три ступеньки,
Жил-был рыжий кот у Сеньки...

«Сестра Анна, где вы? К вам опять очередь с разбитыми коленками!»

«Святая Дева, я не напасусь бактерицидки! Когда сроют эту окаянную лестницу!»

Попробуй срой! Все ребята крик подымут... Там

не только замечательные ступени, там еще широкий парапет сверху донизу, а по нему тянется желоб. Такой лоток, отполированный штанами школьников многих поколений. Садишься наверху, пятки вскидываешь — и пошел! Многие перед уроками специально забираются на верхнюю площадку, чтобы подкатить к школьному крыльцу с таким шиком. Но нельзя зевать в конце спуска: там есть выступ вроде трамплинчика. Если расслабишься, так хряпнет, что на первом уроке не сидишь, а страдаешь... Но Ежики никогда не зевал. И Ярик не зевал...

Поезд уже ушел с эстакады, вонзился в толщу горы Эдуарда, а в глазах у Ежики по-прежнему желтый свет. И небо, и зелень. И, вскинув темно-ореховые ноги в красных кроссовках, летит вниз по каменному желобу хохочущий Ярик...

...Точно говорят, что беда не приходит одна. Точно и горько. Ведь всего за две недели до черного дня Ярик с матерью и ее новым мужем улетели на другой край Земли. Туда, где пояс городов Золотого Рога. Насовсем... Конечно, в наши дни это не так уж далеко. Подумаешь, Золотой Рог, если даже с Марсом прямая связь (только без видео). Но ведь за руку теперь Ярика не возьмешь, не схватишься — кто кого повалит на траве Замковой лужайки, не полезешь с ним искать ржавые наконечники стрел в подвалах Цитадели. Осталось только глядеть друг на друга на экране да говорить со странной неловкостью: «У вас как там? Нормально? У нас тоже нормально...»

Он как раз набирал на пульте код Золотого Рога, чтобы вызвать Ярика к экрану, когда пришли эти двое: мужчина в форме летчика Внутреннего флота и тетка из Опекунской комиссии...

Не надо про это. Лучше про школу... Как он забавно боялся, что его не возьмут в первый класс, потому что болел и опоздал на два дня. Но все же пошел один, без мамы. Сам отыскал учительницу.

«Очень хорошо, что ты пришел, мы тебя ждали... Полное имя твое у меня записано, а как тебя зовут дома?»

Он сказал чуть насупленно:

«Ежики».

«Ежик?»

«Е-жи-ки».

«А... ну, замечательно. Скажи, Ежики, кто твоя мама?»

«Она... как кто? Где работает, что ли?.. Ну, она в Управлении Дорожной сети. Консультант в инженерной группе...»

«Умница».

Кто папа, спрашивать не принято. С папами в наши дни сложно. Многие пацаны ничего про них и не знают. У Ежики в этом отношении положение, пожалуй, лучше, чем у других. По крайней мере он точно, без выдумок и сказок, знает, кто был отец. Несколько раз они с мамой летали в Парк памяти. Там громадная стена из желтого пористого камня, а в ней ячейки, ячейки, закрытые мраморными плитками (чем-то похоже на вокзальную камеру хранения). И на одной плитке, в третьем снизу ряду, надпись:

Виктор Юлиус
РАДОМИР
Музыкант

Он был дирижер и автор музыки фильмов, которые идут иногда и сейчас. А еще чемпион Полуострова по теннису и фехтованию. Мама говорила, что он был высокий, черноусый, гибкий, как храбрый капитан д'Эбервиль из фильма «Третья эскадра». А Ежики — светлый, круглолицый, нос сапожком.

«Как у Петрушки.— И пальцем нажимает ему кончик носа.— Был в старинном кукольном театре такой персонаж, Петрушка-растрепа».

«Какой же Петрушка, если сама говоришь: Ежики...»

«Ежики — по характеру, а растрепа по наружности. И в кого такой?»

«А говорила, что похож на отца».

«Ну... не носом же. Прыгучестью да замашками похож... когда вы с Яриком друг друга вашими пластмассовыми шпагами тыкаете...»

Наверно, он и характером похож на Виктора Юлиуса Радомира. Хоть немного. Недаром столько времени продержался тогда в доме.

Ох, нет! Он же обещал себе не думать сейчас про это...

А все же недаром, видимо, перешло к нему второе имя отца — Юлиус. А полностью — Матвей Юлиус Радомир. Так его именуют в лицее. Лишь Кантор говорит иногда мягче: «Матиуш». Но и Кантор, скорее всего, не знает, что лицеист Радомир — Ежики. Никто здесь не знает. В школе про него, наверно, уже не вспоминают, Ярик далеко. А мамы нет, нет, нет...

Разве так бывает, что был человек и теперь нет его совсем?

— Значит, бывает...

Сколько времени прошло? Чуть больше года. А кажется — сто лет.

А тоска не уходит. И когда совсем уже невмочь, остается одно: бежать из лицея, садиться в хвостовой вагон и слушать Голос.

...— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

«Знаю, мама, знаю. «Площадь Карнавалов». Голос настоящий, знакомый до последней крошечной нотки. Но он не скажет ничего нового.

...— Следующая станция «Якорное... поле».

2. Игра в шары. Росток

Его тряхнуло — нервно и жестко. Словно голой рукой задел открытые контакты блока питания в домашнем комбайне «Уют». (Уют уютом, а трахает так, что озноб в каждой клеточке тела и волосы торчком.)

Он коротко вздохнул, замер. Не от испуга, от неожиданности. Но... и от испуга тоже. Хотя чего бояться?

Да, не было на Кольце такой станции. Ну и что? Значит, построили... Чего вздрагивать-то?.. А когда построили? И разве сумели бы так незаметно? Прошлый раз он ехал здесь неделю назад... А может, это какой-то временный объезд? Но такой станции никогда не было нигде... Какое там наверху может быть поле? Между станцией «Солнечные часы» и «Площадью Карнавалов»?.. А может, это какое-нибудь незаметное кафе с таким названием или кинотеатр?.. Ну да, разве стали бы называть их именем станцию!

И все-таки, что ты так подскочил... Ежики? Аж сердце колотится. Будто ночью, когда снится падение с Соборной башни и просыпаешься, хватая воздух... Так нельзя, не надо.

Нужно выйти и посмотреть, что это за новое явление на Большом Кольце. На дороге, к которой он привык настолько, что чувствовал себя

почти хозяином. Все было так знакомо, и вдруг...

Ну ладно, он успокоился. По крайней мере почти успокоился. Ехал и ждал. Не только станции. Вообще ждал...

Казалось, поезд увяз во времени. Ежики вскинул глаза на вагонные часы. Желтые цифры на круглом угольном табло менялись очень медленно, секунды как бы застревали в черном безвременье. Можно было не спеша сосчитать до десяти, пока одна сменит другую... Наконец замороженное время лопнуло, как тугая пленка. Желтые секунды замелькали, пневмотормоза плавно зашипели, мамин голос (будто не в динамике, а рядом, у плеча) сказал:

— Станция «Якорное... поле...»

Ощутимым, как теплое дыхание, живым было ее ласковое пришептывание. А после слова «Якорное» мама чуть запнулась, сделала маленький вдох.

Ежики метнулся с дивана, дверь отошла. Он шагнул на перрон... и остановился — будто носом о стенку.

Нет, стенки рядом не было, но теснота станции поражала. Не зал, не привычный яркий вестибюль, а небольшой подвал. Серая бетонная комната, голые, без плафонов трубки ламп. Ежики быстро оглянулся. Поезду не хватило места, он ушел головой в туннель, и только два последних вагона оказались у платформы.

«А как же выходят из остальных? А где же?..» Мысли отсек резкий шелест и стук задвинувшихся дверей — без объявления! Поезд взял с места сразу, так быстро, что воздух взвихрился, рванул капитанку, щекочуще закрутился у ног и задергал так и не застегнутые ремешки сандалий.

Ежики сел на корточки, машинально сцепил пряжки и, не вставая, осмотрелся опять. Вот что еще удивляло (и странно пугало даже): не было противоположного перрона, не было полотна для встречных поездов. В пяти шагах от Ежики плиточный пол смыкался со стеной. На ней — ни указателей, ни привычных стеклянных букв названия. Лишь белой краской — аккуратно, однако явно ручной кистью, даже без трафарета — на бетоне крупно выведено:

ЯКОРНОЕ ПОЛЕ

Яркость букв и сама необычность названия спорили с унылостью бетона. А кроме того, гнетущую придавленность и тесноту разбивало желтое окно. Большое, с переплетом в виде буквы Т, как в старых домах, оно не ярко, но празднично светилось в левой торцовой стене.

Ежики, привыкая к странности случившегося, тихо подошел. За окном была ниша с грубой облицовкой из песчаника. Там, за стеклами, под светом скрытых наверху ламп стояла метровая модель парусного корабля.

Судя по всему, это был старинный галеон — с высокой узорчатой кормой, с фигурой морской девы под крутым бушпритом, на котором подымалась тонкая вспомогательная мачта. А основных мачт было четыре — все в переплетении сеток и снастей, увешанных тяжелыми горошинами блоков.

Ежики когда-то любил рассматривать такие модели в музеях. И при этом он думал не столько о приключениях и дальних плаваниях, сколько о мастерах. О тех, живших в прошлые века людях, которые строили эти маленькие корабли. Как они в комнатах, заваленных толстыми кожаными книгами, с медным звездным глобусом в углу, при свете масляного фонаря плели хитроумный такелаж, резали из коричневого дуба узоры, клеили слюдяные окна кормовых надстроек. В песочных часах шуршала сухая струйка, за стенами, у близкого мола, вздыхало море, и стекла подрагивали в частых переплетах...

Люди эти были, конечно, старые капитаны — мудрые, много повидавшие на своем веку. Жаль, что их уже нет.

И эта модель, без сомненья, была очень старая. Тоже, наверно, из какого-то музея. Дерево от древности стало все одного, почти черного цвета. И снасти такие же. Материя туго скатанных, привязанных к реям парусов сделалась кофейно-бежевой. Лишь точеные столбики подставки светились новой лаковой древесиной. Нижними концами они уходили в толстый слой песка и мелких ракушек. Под этим слоем угадывалось тело небольшого якоря, а перед моделью, у самого стекла, торчала из песка треугольная красно-ржавая лапа...

Ежики смотрел на это, рассеянно отмечая, что на снастях кое-где серая пыль, что пушечные люки закрыты, в слюдяных фонарях на корме белеют крошечные, но, кажется, настоящие — наполовину сгоревшие — свечки, а в закрепленном на палубе баркасе лежит бочонок величиной с наперсток.

А среди мелких ракушек валяется сухая крабья клешня.

От якорной лапы Ежики опять скользнул взглядом по мачтам и вантам, вздохнул, слегка потянулся. Положил сцепленные пальцами ладони на темя — была у него такая привычка.

...Когда-нибудь Матвей Юлиус Радомир станет взрослым и, возможно, прочитает старинное сочинение под названием «Книга кораблей». И там ему попадутся слова капитан-командора Космофлота Элиота Красса д'Эспиносы — командира знаменитой «Терры»: «В тяжкие времена безотчетного страха и неясности судьбы я нашел простое и доступное всякому лекарство от душевной смуты: в Доме Капитанов я неспешно разглядывал судовые модели. Созерцание крошечных каравелл и фрегатов, где сочетались неторопливая мудрость, кропотливость мастеров с воспоминаниями о плаваниях вокруг неоткрытого мира, успокаивает человека, возвращая ему равновесие духа, ясное сознание и надежду...»

Сейчас ничего этого Ежики не знал. Но успокоенность уже пришла к нему. Он с ровным, неторопливым любопытством разглядывал галеон, покачивая разведенными в стороны локтями и трогая коленом холодную цепь ограждения.

Провисшая цепь была натянута у окна между низкими чугунными столбиками. Приглядевшись, Ежики понял, что это старые корабельные пушки. Они были врыты в пол вниз дульными срезами. Цепь, несомненно, тоже была с корабля: якорная, массивная, с поперечинками в каждом звене. Ежики еще раз толкнул тяжелые кольца коленом, сел на цепь боком к окну, покачался.

Осмотрелся опять.

Теперь тесный бетонный подвал не был унылым и гнетущим. Окно с моделью сделало его каким-то домашним. Уютно щелкали часы над темной аркой туннеля. Они показывали, что прошло уже семь с половиной минут, а следующего поезда все не было. Странно... Эта странность, однако, не тревожила Ежики. Даже тихо радовала. Так же как и то, что не было на станции ни одного человека. Громадный город, казалось, остался далеко-далеко — с его колоссальными коробками домов, вокзалами, миллионами людей, с лицеем, с Кантором... с несчастьями. Сидеть бы здесь, качаться бы вот так долго-долго...

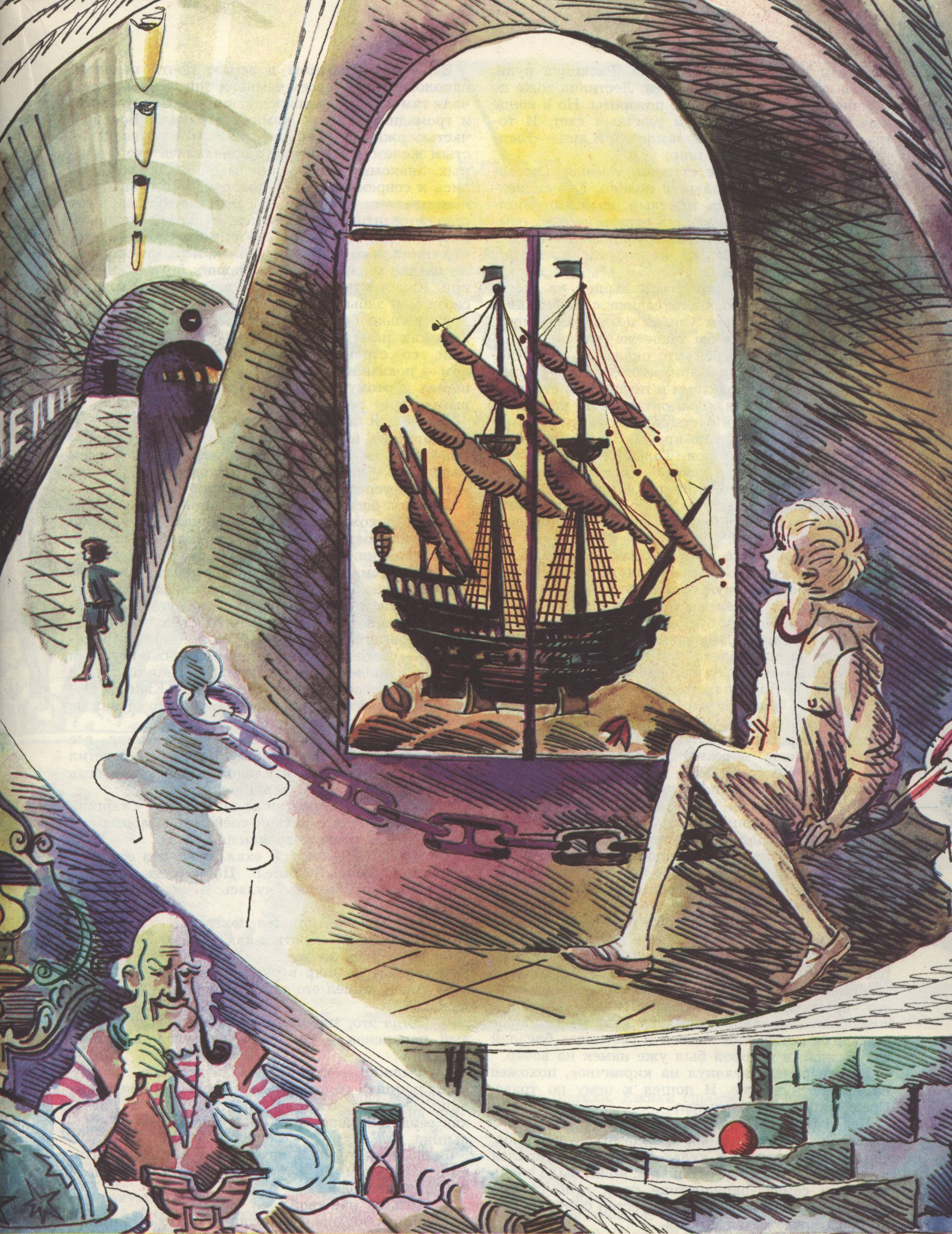
Но все-таки надо было узнать, что за Якорное поле там, наверху...

Ежики встал. И только сейчас понял: со станции нет выхода.

Ой, нет, выход, кажется, был. Только тоже очень странный. В противоположной торцовой стене, слева от туннеля, чернел узкий пустой прямоугольник.

Оглянувшись еще на окно с галеоном, Ежики протопал через подвал и шагнул в темноту.

Темнота была лишь несколько шагов. Потом за плавным поворотом коридора засветилась под потолком лампочка. За ней еще, еще. Закругляясь, коридор пошел вверх, началась крутая лестница. Никаких тебе эскалаторов. Стертые ступени, стены из бугристого камня. Скорее всего это был остаток древнего крепостного подземелья, к которому прилепилась станция.

Ежики поднимался не спеша. Раскинув руки, трогал неровности теплых стен. Лестница тоже не торопилась, делая округлые повороты. Но в конце концов забрезжил впереди уличный свет. И тогда — в смешанном свете лампочки и дня — Ежики увидел на лестнице шар.

Он лежал в выемке ступени, темный, блестящий, размером с небольшое яблоко. Ежики поднял его. Шар оказался тяжелый, из литого вишневого стекла. Ежики глянул сквозь него на лампочку — в стекле забрезжил рубиновый огонек.

Перекладывая находку из ладони в ладонь, Ежики поднялся к выходу...

Если бы он однажды утром вышел из своего дома и вместо привычного садика с кафельным бассейном и фонтаном увидел незнакомый двор, то, наверно, испытал бы такое же чувство.

Сейчас он был уверен, что окажется где-то неподалеку от площади Карнавалов, увидит башню старой ратуши с курантами и гигантский стеклянный карандаш отеля «Трамонтана». Но увидел он обширный бугристый пустырь. С пологими холмами и купами деревьев по краям. За деревьями не было и намека на город. Только в двух сотнях шагов раскинулось угловатой подковой приземистое здание красного кирпича. Длинное, с тремя рядами узких черных окон. Посреди его стояла широкая квадратная башня с зубцами и покосившимся флагштоком.

Ежики растерянно глянул назад. Оказалось, он вышел из каменного домика, похожего на старинную трансформаторную будку, какие иногда попадаются еще на окраинных улицах. Но города не было и здесь. Позади будки тянулся прямой и неширокий канал, облицованный серым гранитом. Справа и слева, далеко, он уходил в нависшие деревья. Ежики вышел на берег. Здесь на низких каменных постаментах лежали два адмиралтейских якоря. Ржавые, трехметровые. Они были положены наклонно, упирались в плиты деревянными поперечинами-штоками. Дубовые штоки были изъедены морским червем, их железные оковки кое-где лопнули.

Ежики задумчиво потрогал якорную лапу. Он почти не удивлялся. Так не удивляются странностям во сне. Он глянул вниз. У берега к вделанному в гранит кольцу была привязана лодка. В ней тоже лежал якорь, но маленький и новый. Лодка была неподвижна, потому что не двигалась и темная гладкая вода. «Холодная»,— понял Ежики и даже передернул плечами.

Впрочем, зябкости в воздухе не ощущалось. Но не было и липкой духоты, как в городе. Все здесь оказалось *не так*. Воздух стал ясным, в нем растворялась прохлада с еле заметным запахом северных тополей. В небе исчезла желтизна. Часть его укрывали серовато-белые, с пасмурным налетом облака, и солнце пряталось за ними. Но половина неба оставалась чистой и светилась бледной голубизной, в которой был уже намек на вечер.

Ежики опять взглянул на кирпичное, похожее на крепость здание. И пошел к нему по траве. Среди тишины и безлюдья.

Невысокая трава казалась седой от множества отцветших и опушенных семенами одуванчиков. Они были крупные, с кулак Ежики. Он старался не задевать пушистые эти шары, но их было очень много, и семена-парашютики то и дело стаями взлетали до колен. Тогда он перестал смотреть под ноги и снова глянул кругом.

И увидел то, что раньше не бросилось в глаза. Всюду были якоря.

Заросшие, ушедшие в землю почти целиком, наполовину или совсем немного, они лежали и торчали там и тут. Маленькие, как в лодке, и крупные, и громадные, как на камнях у канала. Большей частью ржавые, но были такие, что темнели чистым железом. Чаще всего попадались якоря старых, знакомых по картинкам форм, но встречались и современные — с поворотными и выдвижными лапами, хитрыми скобами, изогнутыми и составными штоками... В общем, куда ни глянешь — якорь. Видимо, сюда их свозили отовсюду — и те, что снимали со старых кораблей, и те, что находили на дне моря, на местах давних битв и крушений. Как в музей под открытым небом. Свозили, свозили и забывали...

Несколько больших якорей стояли на пригорках, как памятники. Один из них — четырехлапый, со странно выгнутым туловищем-веретеном — показался Ежики особенно интересным. Он пошел к этому якорю, а навстречу, из-за бугра, вышли трое ребят.

Девочка и двое мальчишек.

Старшему было лет четырнадцать, девочка — наверно, ровесница Ежики, а младший — совсем пацаненок, лет восьми. Подходили медленно, и Ежики успел разглядеть каждого.

Малыш босиком, в голубой полинялой майке и серых, похожих на юбочку штанах: они забавно болтались вокруг бедер. Большеголовый он был и чумазый, или такой чернявый, что просто казался неумытым. Девочка в бледно-желтом клетчатом платьице, а поверх него — замшевая курточка без рукавов и со шнурками вместо пуговиц. Старший в зеленой рубашке и пятнистых, как у десантников из кино, брюках-комбинезоне. Он и девочка — светлоголовые, с тонкими, даже острыми лицами и спокойными глазами. Они шли шеренгой (малыш посередине) и смотрели на Ежики. Похорошему смотрели, он сразу понял, что от них не будет ни обиды, ни насмешки.

— Здравствуй,— сказал старший, когда все остановились. И Ежики поймал себя, что ответил лицейским коротким наклоном головы (вот ведь въелось все-таки!). И торопливо сказал:

— Здрасте...— Замигал от неловкости. Старший мальчик спросил с ноткой тревожной заботы:

— Скажи, ты кого-то ищешь?

— Я... нет. Не знаю. Я ехал, и тут эта станция. Раньше не было. Я пошел... Посмотреть...

Девочка слегка улыбнулась и сказала участливо:

— Ты, наверно, пришел поиграть?

— Не знаю. Поиграть... как?

— Ну, у тебя же вот...— Она острым подбородком указала на шар в руке у Ежики.

— А... Я нашел его там, на лестнице. Иду, а он лежит...

— Тогда это, значит, мой! — подпрыгнул чумазый пацаненок.— Он вчера укатился, а мы не нашли!..

— Филипп! — строго сказала девочка.

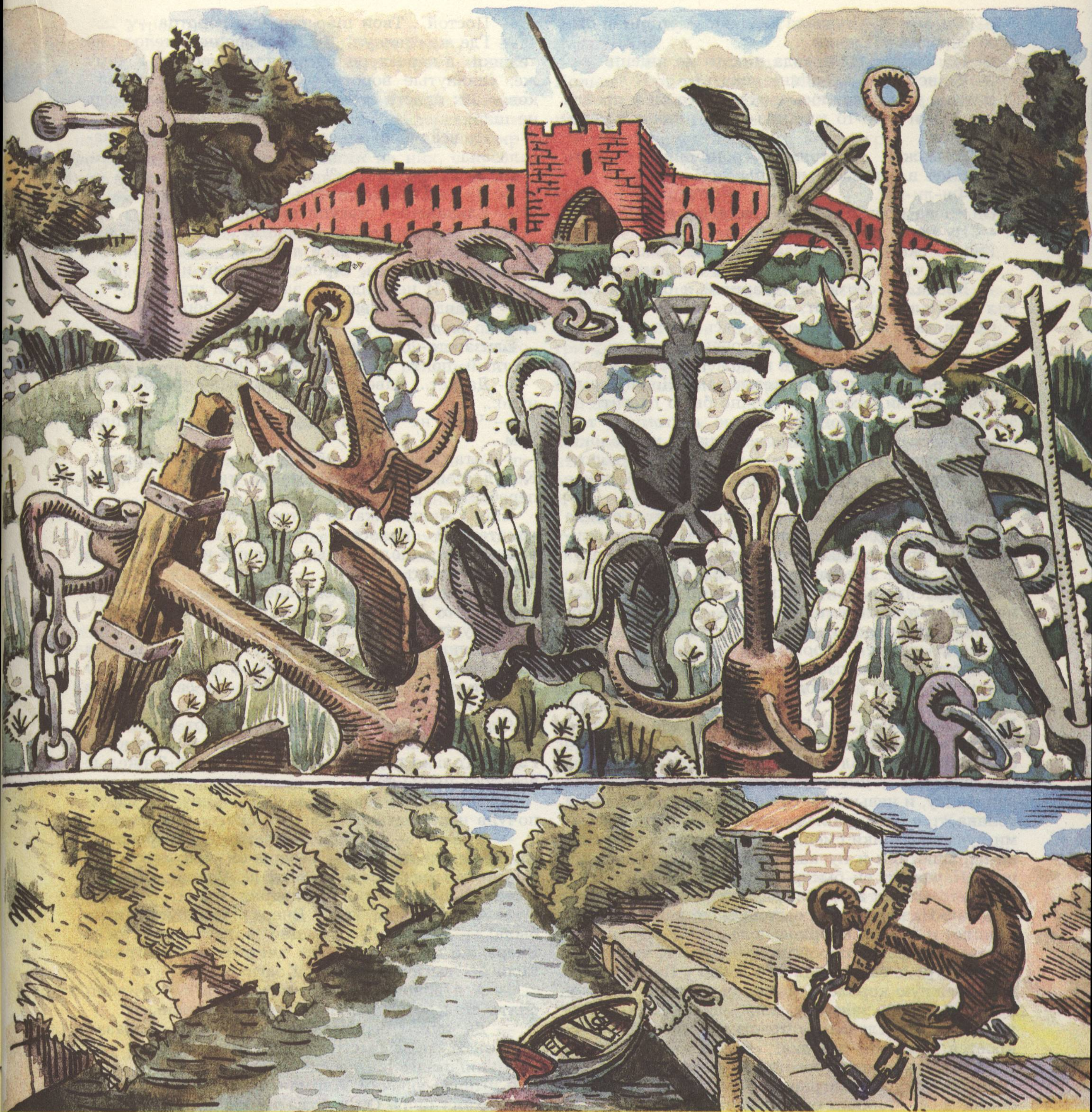
Мальчишка со странным взрослым именем Филипп дернулся, отвернулся. Глянул из-за плеча, как сердитый вороненок из-за приподнятого крылышка.

Было немного жаль находку, но как препираться с маленьким. Да к тому же, это и в самом деле его шар, наверное...

— Возьми, раз твой...

Филипп обрадованно потянул руку, а старший сказал мягко, но решительно:

— Так ведь нельзя. Кто нашел — того и шар.

А хочешь, чтобы снова твой был, надо выиграть.

— Ну, тогда давайте играть,— потребовал Филипп громко и со слезинкой.

— А правда,— примирительно проговорила девочка.— Пошли играть в шары.

— А... как это? — Ежики никогда не слышал про такую игру.

— Да просто это. Любой сразу поймет,— сказал старший мальчик.— Пошли, площадка тут рядом...

Пока шагали, Ежики спросил наконец:

— А что здесь такое? Ну, вокруг, вот это...

Старший мальчик (он шел впереди) ответил сразу, но со спрятанной неохотой:

— Так, заповедник. Старый...

— Музей?

— Ну... вроде...

— А еще застава,— сунулся сбоку Филипп.— Видишь кронверк! — Он махнул в сторону красного дома.— Там раньше пушки стояли, а теперь...

— Фи-ли-пп,— сказала девочка. А старший быстро спросил у Ежики:

— Но скажи: ты правда никого не ищешь?

— Да нет же... Кого мне искать?

В душе уже появилось чувство, что он и правда хочет найти кого-то или что-то. Но как скажешь о неясном?

— А может, ты тоже пограничник? — опять ввинтился в разговор малыш.

— Фи-ли-пп...

Он снова превратился в сердитого вороненка:

— Ну чего... Спросить нельзя.

Ежики сказал, чтобы замять размолвку:

— Это, что ли, игра такая — в пограничники?

— Вроде...— отозвался старший и быстро глянул на Филиппа.— Вот, пришли...

Среди мелких горок открылась хотя и заросшая, тоже в одуванчиках, но ровная поляна.

Игра в шары оказалась похожей сразу на крокет, бильярд, гольф и кегельбан. Но правила и правда были нехитрые. Нужно было пустить по земле свой шар, попасть им по другому и тот, другой, загнать в лунку или воротца из проволоки. Лунка — три очка, воротца — пять, а через воротца в лунку — сразу пятнадцать. Кто сто очков набрал, тот и победитель.

Тяжелые, из небьющегося сплошного стекла шары без задержки летели сквозь траву, стряхивали одуванчики. Рикошетно стукались друг о друга — чак, чак... Все одного размера, блестящие, но такого красивого, как у Ежики, вишневого, больше не было. Или белые, прозрачные, или бутылочно-зеленые, да еще два лимонных...

Ежики увлекся игрой. Он купался в веселой беззаботности: как птаха, удравшая из клетки. Все вокруг было так непохоже на недавнюю жизнь, на лицей, на громады и многолюдье мегаполиса. И дышалось так... ну, будто долго-долго сидел он в духоте липкой желтой палатки, и вдруг кто-то с размаху распорол тканевый полог. И оказалось, что снаружи — чистота и свежесть... Он сбросил капитанку, и невысокое солнце, выбравшись из-за облака, трогало ему плечи пушистыми осторожными лучами. Ежики смеялся, отдувал от лица семена-парашютики и пускал сквозь траву скользкий шар. Научился он быстро...

Где-то позади азарта и радости в памяти у него сидело: «Надо все-таки выяснить до конца, откуда станция и что за Якорное поле...» Но шары притягивали к себе, и порой казалось даже, что это не совсем игра, а еще и задача. Словно у Кая в сказке про Снежную королеву, когда он должен был сложить из льдин заветное слово. Если Ежики выиграет, может случиться что-то хорошее. Или раскроется какая-то загадка. «Какая?» — облачком набегала секундная тревога. И улетала...

Никто пока не выигрывал. У всех почти поровну очков, даже Филипп отстал ненамного.

— Филипп, у тебя совесть-то есть? Опять шар пяткой подталкиваешь?

— Я?! Подталкиваю?! Рэм, ну чего она!.. Мне камешек под пятку попал, нога и дернулась! А шар и не двинулся...

— Не ходил бы босиком, не попадались бы камешки,— снисходительно сказал старший мальчик.

В ребячьих компаниях, когда собираются для игры, не принято знакомиться специально. Имена узнают между делом, в считалках, в перекличках... Итак, Филипп и Рэм. Девочку же окликали коротко: «Лис!» А полное имя Ежики узнал, когда поспорил. Она сказала:

— Постой... Твой шар сдвинул воротца.

— Где же сдвинул! — Ссориться не хотелось, но «ежики» в характере ощетинили колючки. К тому же, сдвинутые воротца — это минус десять очков.— Их просто стеблем качнуло. А стебель ведь не шар!

— Но все равно же сдвинулись,— спокойно сказала она.

— Но я-то при чем?!

— Но они же даже чуть не опрокинулись...

— Елизавета,— насупленно сказал Рэм.

«Лис» лучше, чем «Елизавета»,— подумал Ежики и быстро глянул ей в лицо. И встретился с ее глазами: светлыми, серовато-синими и чуть обиженными. И неожиданно затеплели уши.

— Правда... сдвинулись,— пробормотал он. И тихо выдохнул: — Извини.

Елизавета-Лис прикусила губу, дернула себя за светлый, почти белый локон у щеки.

— Да нет... наверно, в самом деле травой качнуло...

— Чтоб не спорить, пусть перебьет,— решил Рэм.

— Ага, как же! — обиженно взвыл Филипп.— Как для моего шара подставка, так сразу «пусть перебьет»!

Шар Ежики лежал в метре от лунки на ровной, накатанной полосе — прямо сам просился в ямку. Бить должен был Филипп и, конечно, не хотел упускать момент.

— Ладно уж, бей,— сказала Лис, неловко отвернувшись от Ежики.— Пусть он бьет, мальчики...

— Пусть...— прошептал Ежики.

Филипп деловито подтянул штаны и пустил свой белый шар. Он ударился о вишневый, тот подкатился к лунке. Но нехотя. И сантиметрах в десяти замер.

Стало понятно, что Филипп вот-вот заревет.

— Он очень метко бьет,— утешительно заметил Рэм.— Только силы немного не хватает. Тяжелые все-таки шары-то...

А вишневый шар полежал, качнулся вдруг, почуяв неприметный уклон, и скатился в лунку.

— Ура-а!! — Филипп выхватил его, перекинул из ладони в ладонь.— Теперь он мой насовсем! Я его три раза подряд загнал! Вчера два раза и сейчас! Если третий раз подряд, значит, совсем...

— Филипп, ты что! Вчера же другая игра была! — как-то беспомощно возмутился Рэм.— Вчера же мы без... ну, не вчетвером же играли! Если бы ты вчера трижды загнал...

— А я виноват, что он потерялся?! — Филипп опять стал рассерженным птенцом вороны.

— Да пусть берет... Бери насовсем,— сказал Ежики. И снова быстро глянул на Лис.

Филипп засопел победно, затолкал шар в карман штанов-юбочки. Карман отдулся, штаны сразу поехали вниз. Он подхватил их, подозрительно глянул: не смеются ли? Никто не смеялся. Тогда он засмеялся сам, вытащил опять шар. Поморщился:

— Царапается...— Затолкал в карман полруки и достал что-то спрятанное в кулаке. Протянул кулачок Ежики, разжал: — На... Это тебе за шар...

На ладони лежал черный якорек. Такой маленький, что можно было бы спрятать в грецкий орех. Славный такой.

Ежики оглянулся на Лис и Рэма: «Можно взять?» Лис кивнула, якорек упал к Ежики на ладонь, и все склонились над ним.

— Кроха какая,— ласково усмехнулась Лис.— Где взял, Филипп?

— Утром, под лопухами...

— Ишь какой пророс,— заметил Рэм.

«Пророс?.. Что они, растут здесь разве?.. А ведь и правда — Якорное поле...»

Якорь-росток был в точности как настоящий — адмиралтейской формы, с деревянным, набранным из крошечных реек штоком, с ювелирно-тонкими скобками-бугельями на них, с кусочком якорной цепи... Зацарапался у Ежики какой-то намек на догадку...

— Спасибо, Филипп...

— Ага... А тебя как звать-то? — Филипп, он без лишних церемоний. Взял да и спросил.

Как ответить? «Ежики»? Но это не для случайных знакомых.

Пускай они хорошие, но ведь не мама, не Ярик... Сказать «Матвей»? Но он не терпит, когда так зовут его, это отдает лицеем... И он растерянно сказал свое второе имя, которое раньше лишь писалось в документах:

— Юлиус... Юлеш...

— Или Юлек? — спросила Лис.

— Ага...

Пускай он будет для них Юлеком. Не все ли равно? И все-таки он чувствовал неловкость, как от обмана. И поэтому слишком пристально смотрел на якорек.

Такой крошечный... Конечно, это шутка, что он вырос здесь. Наверно, от какой-то модели. От маленькой... Если прикинуть к тому галеону, то годится он там лишь для палубного баркаса...

Галеон в желтом окне вспомнился отчетливо. Как-то сразу. И так же сразу, резким толчком вернулась тревога: «Где я? Что же все э т о?»

Он дернул на бедре клапан бокового кармана, сунул туда якорек, суетливо, почти испуганно оглянулся.

— Ребята. А... какой это заповедник? Откуда он тут взялся?

— Всегда здесь был,— сказала Лис.— Он старый... Видишь, кронверк,— она махнула белым хвостиком волос,— это остатки крепости. Сейчас там ничего нет...

— А почему не видно города?

— Холмы же,— быстро сказал Рэм.— И деревья. Если забраться на башню, все видно. И город...

— А станция... Откуда она взялась?

— Ну, откуда берутся станции...— чуть улыбнулась Лис.

— Но ее же никогда не было! Она где? На Кольце? Или это радиус? Может, тупик какой-то?

Филипп, который был занят шаром, вдруг поднял голову и сказал солидно:

— Скорее уж не тупик, а тамбур...

Рэм п о с м о т р е л на него.

— Наверно, она на Кольце, Юлеш... Ты ведь ехал по Кольцу? Ну, вот...

Обращение «Юлеш» царапнуло Ежики, но это была мелочь.

— Почему же я раньше здесь не проезжал? Я знаю все Кольцо.

— А раньше станции и не было,— как-то нарочито легко отозвалась Лис.— То есть была, но... не станция. А теперь приспособили. Поезда-то пошли три дня назад... Да, Рэм?

— Да,— нахмуренно согласился он.— Первый поезд пустили позавчера. А до того никто и не пытался.

— Да, но как же...— И Ежики замолчал. Все вопросы стали неважными. Кроме одного. Того, что беспокойно и неосознанно зрел в нем и теперь взорвался — короткими слезами и вскриком. И нестерпимой, как боль, надеждой!

Он бросился с поляны к будке, где вход на станцию! Кажется, ребята что-то кричали вслед. Он мчался, рвались под ногами стебли, сквозь подкладку кармана больно царапал кожу якорек. Липли к мокрым щекам седые семена... Вход, лестница... Вниз, вниз! На стремительном повороте он чиркнул плечом о камень, вырвал клок из короткого рукава майки... Вот и подвал, желтое окно с черным кораблем! Не до него сейчас! У перрона блестит стеклами хвостовой вагон.

Пусто в вагоне...

Ежики боком повалился на замшевый диван. Дернул из-за пояска подол майки, отер лицо... Отдышаться бы...

— Осторожно, двери закрываются...

«Мама!»

— ...Следующая станция — «Площадь Карнавалов».

Значит, все-таки Кольцо!

За «Площадью Карнавалов» — станция «Большой Маяк». На ней главный диспетчерский пункт Кольца. Там, конечно, знают все! Должны знать...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Леонид ЯХНИН

Шаги навстречу

Пропавший рисунок

Я перевернул весь дом. На свет белый из забвения появились совершенно немыслимые вещи. Они вытаскивались из-за шкафа, с антресолей, из чулана. Гигантский намордник, хотя собачка у меня крохотная. Мой школьный дневник, который я, вероятно, припрятал лет тридцать тому назад. Запыленный магнит с прилипшими к нему намертво булавками и гайками. Несколько разрозненных перчаток и варежек. Горсть медных монет, выметенных из-под дивана. Окаменевшая ириска. И рулоны, рулоны, рулоны. Это мои давние студенческие работы. Рисунки гипсовых голов античных богов и героев.

Я разворачивал рулоны один за другим. Но того, что искал, так и не нашел. А искал я свой ученический рисунок со сделанными на полях уверенными набросками Александра Александровича Дейнеки. Профессор кафедры рисунка архитектурного института Дейнека появлялся у нас раз в неделю. Быстро обходил ряды мольбертов. Неизменная папироса в углу рта. Жестко очерченный тяжелый подбородок. Размашистый шаг. Именно таким был в моем представлении Маяковский, которого, кстати, хорошо знал Дейнека.

Александр Александрович останавливался за спиной рисующего студента. Минуту молча смотрел. Затем выхватывал карандаш. Никогда он не касался самого рисунка. Его наброски-замечания появлялись на полях. Это были как бы комментарии к работе. Несколько штрихов, и ты с ужасом замечал, что твой рисунок «разваливается», ухо героя потекло, нос скособочился, один глаз больше другого. Удивительное умение Дейнеки мгновенно «выстраивать» рисунок рождалось из его абсолютного чувства композиции.

Парашютисты в метро

Когда я попадаю на станцию метро «Маяковская», тут же задираю голову и без конца разглядываю цветные мозаики в круглых плафонах потолка.

Мозаики эти делались по рисунку Александра Дейнеки.

Вот где сказалось его композиционное мастерство. Сюжеты мозаик рассчитаны на взгляд снизу. Самолеты. Облака. Голуби. Стратостат. Купола парашютов. Художник не замкнулся на своих мозаиках, он ощутил все пространство станции, увеличил его, распахнул в небесные просторы. Потолок растворился, исчез, и в подземный вестибюль станции словно бы ворвался свежий летний воздух. Кажется, будто стремительные ребристые колонны подпирают небо.

Я люблю лежать в летнем лесу на сухом бугорке, устремив глаза в небо. Верхушки деревьев сходятся где-то в вышине, кружатся стволы, стремительно улетая вверх, и вдруг ощущаешь, что и ты летишь вместе с бегущими в небе облаками. Уносишься в самый центр небесного купола. Такое же чувство полета рождается на станции «Маяковская» под летящими мозаиками Александра Дейнеки.

Застывшее движение

Как нарисовать сражение? Можно изобразить битву, огонь, взрывы, окопы, пушки, бегущих в атаку солдат. Короче, развернуть перед зрителями целую панораму боя.

На картине Александра Дейнеки «Оборона Петрограда» ничего этого нет. И все же мы совершенно явственно представляем трагическую битву времен гражданской войны так, будто слышим звуки сражения. И достигнуто это строгой композицией, то есть точным соотношением частей и планов изображения.

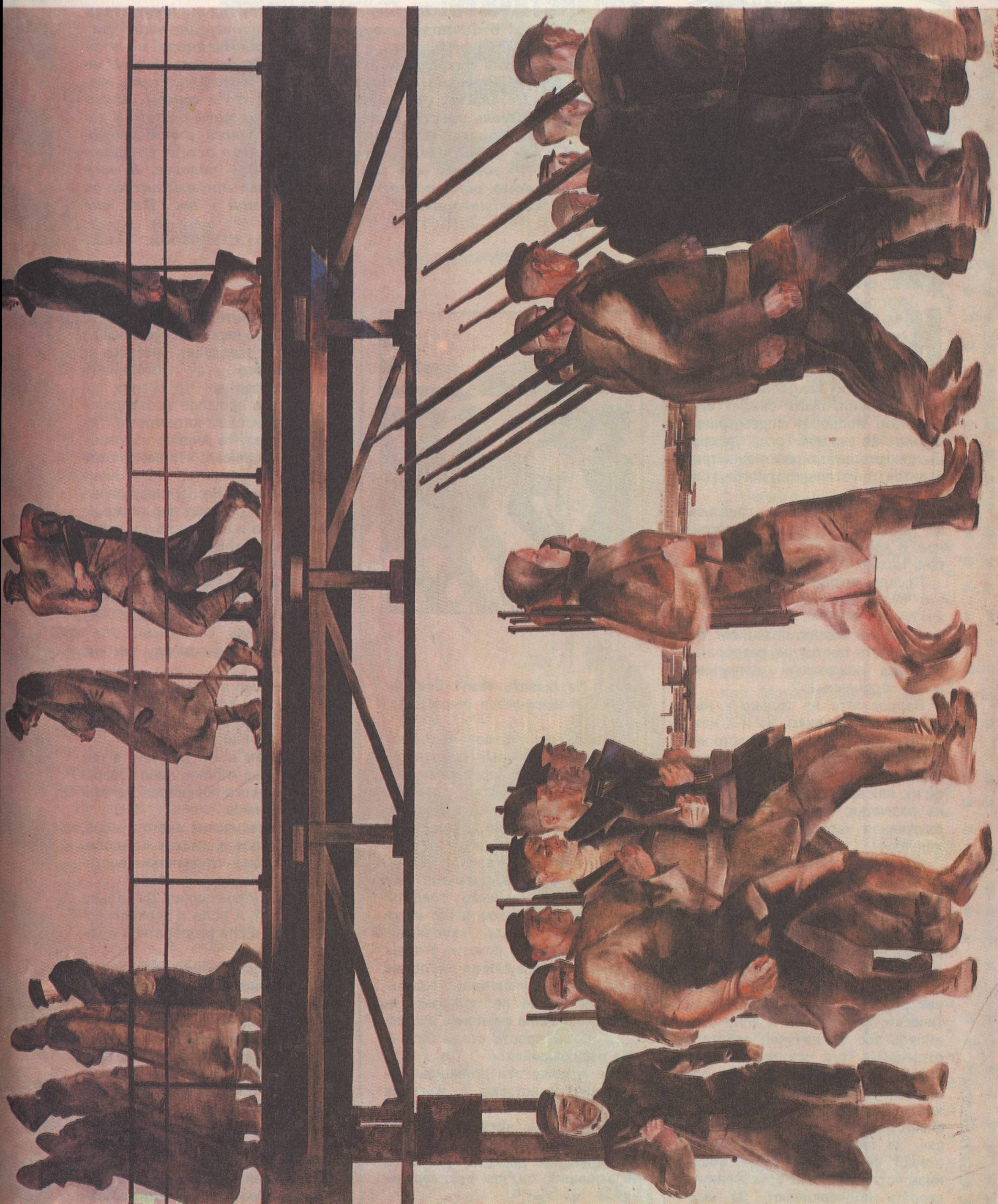
В картине два плана. На переднем — стремительный шаг отрядов Красной Армии, идущих в бой. На втором — медленное шествие раненых бойцов, выходящих из кровавой битвы. Этим двойным, встречным движением художник создает двойственное впечатление — героического порыва и тревожности, горечи трагического события в истории страны.

Звучат как бы две мелодии. Одна — оптимистический, мажорный марш и другая, наполненная звуками реквиема. Два ритма. Стремительный, ровный шаг отрядов, идущих на фронт, и тяжелые, медленные шаги раненых бойцов.

И совсем не случайно художник на передний план выдвинул идущих в бой, а на второй, дальний отодвинул цепочку тянущихся с передовой раненых и усталых людей. Благодаря такому композиционному строю становится ясной главная мысль картины — силы революции неисчерпаемы. Но взгляд наш скользит дальше, в глубь картины, и возникает щемящее чувство, горестное сознание того, что никакая победа не достигается легко, без многих и многих жертв.

Это эпическое, многомерное содержание картины достигнуто простыми и точными средствами композиции — гармонической организацией пространства живописного полотна.

Картина словно бы обрезана рамой. И оттого бесконечными кажутся эти встречные потоки людей. Идут, идут они. Годы. Десятилетия. Поколение за поколением.

А. Дейнека. «ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА».

ЗЕЛ СВЯЗИ

ЖИЗНЬ НА ТРОЙКУ

Здравствуйте! *В номере пятом за этот год вы напечатали статью «Кто их, отличников, разберет?». Я опровергаю вашу статью. Моя жизнь нелегка, хоть я и отличница. Извините, но я за пятерками в жизни никогда не гонялась и жить без них могу. Я не зубрила, просто у меня слуховая память. Может, к тому же я усидчивая. Но знаете, мне кажется иногда, что я совсем ничего не знаю. Как? Очень просто. Учителя завышают мне отметки. Я же этого терпеть не могу. Или спрашивают у класса какой-нибудь вопрос. Я у них — последняя надежда: ведь никто ответа не знает. «И даже ты?» — говорят они. Да! И я тоже. Я — человек. Я могу ошибаться и всего знать не могу. И не знаю, как мне избавиться от «отличнического» авторитета? Я прошу помощи у вас. Как мне быть?*

Анна СУЛИМОВА, Москва

Как быть Ане, я не знаю. По-моему, ей только одно надо сделать: если она чувствует, что на самом деле ей какую-нибудь отметку какой-нибудь учитель завысил, пусть скажет ему об этом, попросит справедливо оценить ее знания. Тогда, думаю, настоящего авторитета у Ани прибавится, а «отличнического» убавится.

Потому что, конечно, гоняться за пятерками — дело недостойное. И прожить без них, без пятерок, можно.

Правда, возникает вопрос: что это будет за жизнь «на троечку»?

А другой вопрос возникает такой: неужто так трудно разобраться, где настоящий отличник, а где «сделанный»?

Вопрос этот не только к нынешним школьникам, но и к нам, взрослым. Мы ведь тоже часто настороженно относимся к своим, взрослым «отличникам», называем их, как правило, карьеристами, не различая, где настоящая, заслуженная карьера, а где «сделанная».

Нас десятилетиями воспитывали на принципах равенства, а мы и не осознавали, что равенство в принципе подменено уравниловкой. Все должны были быть равны, никто не должен был «высовываться» из общего строя. Хорошо ли, плохо ли делал человек работу — оценка была практически одинаковая. А если кто-нибудь все же начинал работать отлично — тут же становился «карьеристом». Равняли-то общий строй по средним, по сереньким. Средние же, серенькие, очень не любят «высовывающихся», не любят потому, что чувствуют: самим своим существованием «отличники» их собственную серость подчеркивают. Да еще и тайная зависть гложет: как это так, думает такой серенький, «карьерист» получает больше

меня? Не бывать тому! Все мы равны! И начинается выравнивание...

И ведь до сих пор пытаемся выравнивать. Ученый сделал открытие, которое перевернет технологию производства, даст новое качество продукции, а десятки экспертов годами доказывают, что он вообще ничего не открыл. Крестьянин взял в аренду ферму, вырастил бычков, затратив при этом намного меньше средств, чем соседний совхоз, а его окрестили для начала «кулаком», а потом и ферму сожгли. Ученик седьмого класса любил биологию и литературу и знал намного больше, чем нужно по программе,— над ним сначала смеялись в классе, а потом просто стали бить — «Не высовывайся!»

До чего же эти принципы равенства-уравниловки въелись в наши души. Стоит теперь человеку хотя бы чуть-чуть «высунуться», как он уже сам себя оправдывает: дескать, он вовсе не отличник, он, как все, серенький.

Вот, например, прислал в редакцию Андрей Никашкин из Саратова письмо-гипотезу о Тунгусском метеорите. Он считает, что из будущего через вакуум прошел в 1908 год звездолет, спасаясь от выпущенного его противником ядерного заряда. Но снаряд последовал в прошлое за звездолетом, и произошла катастрофа. Так вот, гипотезу-то Андрей изложил, но еще и написал: «Только, пожалуйста, не думайте, что я пишу ради карьеры. Нет. Я пишу от чистого сердца. Прошу вас также не думать, что я какой-нибудь слишком умный отличник. Нет. Я перешел в шестой класс только с двумя пятерками. Остальные оценки — 3 и 4». Ну и что тут скажешь? Человек сам себе говорит: «Не высовывайся».

А живем-то мы между тем «на троечку».

Произошел взрыв на продуктопроводе под Уфой, погибли сотни людей. Катастрофа эта случилась из-за «троечников».

Приходим мы в магазин, а там либо пустые «полки, либо товары очень плохого качества. Делали их «троечники».

Во дворах наших много мусора, а дороги все в ямах и колдобинах. Это тоже «троечники» постарались.

Кругом «троечники»! Да только ли кругом? А если в зеркало посмотреть? Если разобраться в самом себе?

Я по двору прохожу, мусор вижу, а убирать не хочется. Я домашние задания делаю, подумать бы чуть-чуть, да и решить примеры, а думать не хочется. Пуговица у меня на пальто оторвалась, пришить бы, а пришивать не хочется. Сойдет и так. И на троечку прожить можно...

Да нет, нельзя. Потому что с троечки легко и на двойку скатиться...

Нам, всей нашей стране, ох как нужны, просто жизненно необходимы отличники.

Только отличники настоящие.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЕД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

10/89

Учите тому, что пригодится в жизни

Учусь в шестом классе казанской школы № 28. Расскажу о волнующем меня и моих подруг.

В начале года у нас, девочек, была кулинария (мне кажется, это очень хорошо). Далее шитье (тоже прекрасно), но затем изучение электроэнергии, всяких розеток, лампочек, вилок — то, что скорее надо знать мальчишкам. Хорошо, научили нас лампочки в патрон вкручивать. Так нет, дальше мы стали делать электромагнит: накручивать проволоку на гвоздь!

Ну зачем, зачем это нам? Не лучше ли продлить изучение кулинарии и шитья? Ведь это так пригодится в жизни. Но учительница сказала: «Ко мне никаких претензий. Пишите в Москву. Там программу составляли».

Вот я и написала вам.

Мария Ачкинази, г. Казань.

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Здравствуйте, Маша и Машины подруги!

Написали вы по совету учительницы в Москву. А Москва (то есть юнкоровская газета «Вперед») вам отвечает.

Вот кое-кто из нас (из московских) не умеет чинить бытовые приборы, розетки менять, гвозди вбивать — и что же? Приходится звонить, вызывать мастеров, нервничать... А мастера приходят и говорят: «Вас небось в школе только шить и стряпать учили?.. С такими недоделками сегодня даже второклашка справиться может». И так стыдно становится.

Маша и Машины подруги! Не хотите, чтобы вам в будущем так же стыдно было? Тогда копите знания и умения. Москва вам тут не поможет.

ЕСЛИ БЫ МИНИСТРОМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЫЛ Я...

В прошлом выпуске журнала «Пионер» председатель Государственного комитета СССР по народному образованию Г. А. ЯГОДИН предложил ученикам подумать, что бы они сделали для школы, если бы были... министрами.

И вот первые предложения.

50 копеек, 80, рубль...

Я предлагаю провести один важный эксперимент.

Почему бы не сделать так: за полученную пятерку тебе платят, к примеру, 80 копеек, за четверку — 50 копеек. А за тройку уже платят твои родители (или ты сам) по 80 копеек, за двойку и единицу — по 1 рублю. А?! Как? Вот когда все двоечники и призадумаются, а точнее — их родители. Ну, а отличникам и хорошистам школа будет платить из «доходов», полученных от двоечников.

Или можно это как наказание использовать.

Подтянулась успеваемость в школе — убрать «стимул», опять упала — ввести «стимул».

Ну, как идейка?

Максим Труфанов, школа № 14, г. Старый Оскол, Белгородская область.

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Спорная идейка. А если родители не только призадумаются, но и начнут лупить? Может, лучше вместе с учителями подумать, что сделать, чтобы учиться было ИНТЕРЕСНО?

Как такая идейка?

Про тех, у кого нет ни воображения, ни слуха

Есть в нашей школе ребята, которые учатся хорошо, но не имеют способностей к рисованию. Чтобы хорошо рисовать, нужно какое-то воображение, талант. А ребятам ставят тройки, и у них отпадает интерес к рисованию. Ребята не хотят идти на уроки рисования.

Музыка. Тоже проблема. Представьте, поет хор учеников. Потом каждому в отдельности ставят оценки в журнал. Учитель же не слышит, как кто поет. И ставит оценки по такому принципу: если ученик учится хорошо, ему ставят пять или четыре, а если учится плохо — тройки.

Я предлагаю отменить оценки по рисованию и музыке!

И вообще учитывать способности ребят.

Катя Редзевская, 5 «В» класс, школа № 1, г. Бердск, Новосибирская область.

Око за око, звено — на звено!

У нас проходили выборы председателя совета отряда. Все голосовали за А. Ф., а я и еще несколько человек — против. На нашем сборе присутствовала председатель совета дружины Юля Мухамедзанова. После сбора она подошла ко мне и говорит: «Почему ты голосовала не как все?»

Я ей просто ответила, что, на мой взгляд, это не лучшая кандидатура. И с тех пор началось. Нашему звену, где я звеньевая, учителя запретили проводить День именинника. Учительница стала занижать нам отметки. Класс разделился. Мы — мое звено — остались одни, потому что голосовали не за того, за кого было нужно! Ну разве учитель может мстить нам за то, что мы высказали свое мнение?

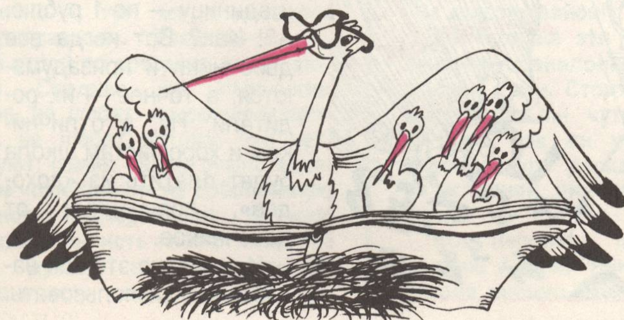
Анастасия Горчакова, звеньевая 1-го звена, 5-й класс, г. Первоуральск.

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Ждем дальнейших ваших предложений, товарищи «министры»! Самые оригинальные мы опубликуем в журнале. Самые интересные передадим в Комитет по народному образованию. И ко всем отнесемся с большим вниманием. На конверте пишите: «ЕСЛИ БЫ МИНИСТРОМ БЫЛ Я...»

РОСТОК

Варвара Яковлевна — молодец!

Раньше мы нехотя плелись на уроки белорусского языка и литературы. Теперь, когда у нас преподает Варвара Яковлевна Король, мы мчимся на них как на крыльях. Это не уроки, а увлекательная, познавательная игра.

А еще мы в школе проводим концерты, на которых звучат белорусские песни, стихи, исполняются белорусские народные танцы. У нас есть клуб, где проходят встречи с известными писателями, редакторами белорусских газет и журналов.

Варвара Яковлевна, хотя и ведет у нас белорусский язык и литературу недавно, уже многим ученикам помогла полюбить этот предмет.

Мы поняли, что в нашей республике стал погибать родной язык. А что представляет народ без культуры, истории, своего родного языка?

Павел Черноглаз, 13 лет. г. Минск.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Всегда ли виноваты учителя?

Зачастую мы, ребята, думаем, что во всех школьных недоразумениях виноваты только учителя. Когда-то я тоже так считала. Но любую проблему нужно рассматривать с разных углов и с разных точек зрения. Вот, например, в нашей школе был такой случай.

Уроки основ производства никто у нас не любил. Постоянно на них опаздывали, назло учительнице. И вели себя на уроках ужасно. Казалось, у нас, учеников, одно было на уме: «Как бы побалдеть да поиздеваться?»

Как-то терпению нашей учительницы пришел конец, и она отругала нас всех. И мы из урока в урок стали выводить ее из себя, хотя прекрасно знали, что у нее больное сердце и малюсенькая дочка.

Один 7-й класс написал заявление директору, дескать, предмет — основы производства — им не нужен. В конце письма — 30 подписей!

Этот вопрос рассматривался на школьном совете. И теперь у нас больше нет основ производства. А недавно наша местная газета рассказала в искаженном виде, как учитель не смог справиться с учениками.

Представляю, как сейчас обидно О. И.!

Нет, все-таки не все вопросы можно решить голосованием.

Оля Гойденко,
7 «Б» класс,
г. Белово.
Кемеровская область.

ОТ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Ситуация ясная: тридцать на одного. И дело не в том, что тридцать «бедненьких» учеников борются с одним «кровожадным» учителем, ищут любыми средствами и способами правды, хотят во что бы то ни стало победить. Просто тридцать на одного — подло. Вот такое наше мнение. А ваше?

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

В прошлом выпуске газеты «Вперед» мы предложили своим читателям рассказать, как были созданы советы в их школах, какие проблемы они решают.

Первым на наш призыв откликнулся *Саша Федоров из Москвы.* Он встретился с председателем совета школы № 558 учителем Татьяной Васильевной Сорокиной и взял у нее интервью.

Школьный совет: сомнения и надежды

— Татьяна Васильевна, когда появился в вашей школе совет?

— В апреле прошлого учебного года. Выборы были очень бурными. По всей школе висели плакаты с призывами в поддержку того или иного кандидата. Многие ученики впервые узнавали биографии учителей, смогли обсудить их программы и программы своих товарищей. Каждому избирателю выдавалось по два бюллетеня: один — за школьника, другой — за учителя. Ребята могли выбрать того, кого хотели. У нас в совете равное количество учеников и учителей. А еще входят шефы, родители, инспектор детской комнаты милиции. Всего — 31 человек.

— А права членов совета равны?

— Да. Директор школы имеет такие же права, как и обычный ученик. И от позиции того и другого будет очень многое зависеть.

— А какой был самый первый вопрос, рассмотренный советом?

— Вопрос о школьной форме. Очень уж он волнует ребят. Сначала мы решили провести десятидневный эксперимент: разрешили ученикам старших и средних классов ходить в школу в обычной одежде. И ничего — мир не рухнул, дисциплина не изменилась, успеваемость не ухудшилась ... В общем, эксперимент прошел удачно. Так что форму мы отменили, ее пока носят только в младших классах.

— Скажите, а если учитель будет грубо обращаться с учениками?

— Раньше школьнику, которого обидели, пожаловаться было некуда. А сейчас совет имеет право наказать виновного учителя и заставить его извиниться перед учеником.

— Как вы считаете, не превратится ли совет в формальную организацию, будет ли он и дальше защищать интересы ребят?

— Многое зависит от самих ребят, особенно от тех, кто входит в совет.

— А над чем сейчас работает совет?

— Разрабатываем устав нашей школы. Обобщаем мнения и учеников, и учителей. И надеемся, что в дальнейшем ни один вопрос в школе не будет решаться без обсуждения в совете.

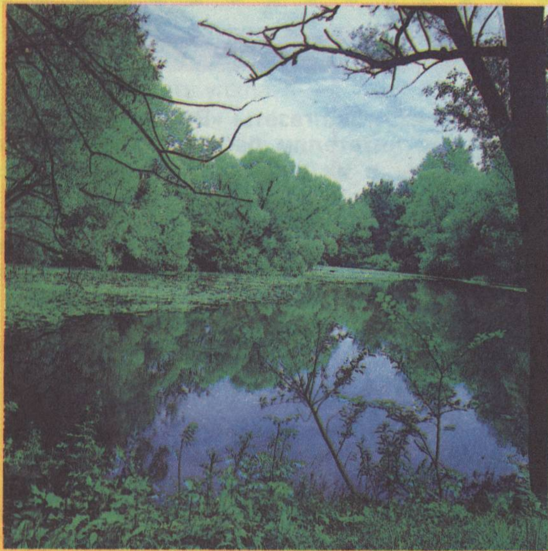
— Спасибо, Татьяна Васильевна. Желаем совету школы № 558 успехов.

Выпуск газеты «Вперед» по вашим письмам, юнкоры, подготовили Саша ФЕДОРОВ и Костя СТЕПАНОВ из Москвы.

Вперёд

Оформление Ю. ПАКА.

«Но я люблю — за что, не знаю сам...»

«Не плачь, дитя...»

За всю мою школьную жизнь у меня случилась только одна крупная неприятность. С приглашением родителей. С неслыханной в женской школе (были такие — недоброй памяти! — заведения в послевоенное время!) двойкой по поведению. С разбором на классном часе и комсомольском собрании. С ядовитой заметкой в стенной газете.

Не знаю, по какой причине бывают неприятности у мальчиков из старших классов. Но у девочек в эту пору самые серьезные огорчения, как, впрочем, и самые серьезные радости, возникают на почве любви. Я не была исключением. До двойки по поведению довела меня самозабвенная, безоглядная и безответная любовь. К Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

Влюбилась я в него между седьмым и восьмым классом, в летние каникулы. По случаю окончания занятий отец подарил мне четыре томика — собрание сочинений Лермонтова. Каждый том открывался портретом. Один из них был мною варварски выдран, заключен в самодельную рамку и с тех пор красовался на письменном столе. Вслед за книгой, уже в сентябре, пострадала школьная парта: инициалы МЮЛ были процарапаны перочинным ножом на откидной крышке изнутри, так, чтобы чужие глаза не касались дорогого имени. Все четыре тома прочитала я от доски до доски, включая незаконченные произведения, варианты и примечания. Перечитала воспоминания о Лермонтове, какие только удалось достать, и возненавидела его современников: за то, что не сумели его оценить при жизни, за то, что не сумели сберечь (предполагалось, что для меня).

Стихи Лермонтова не приходилось учить: они сами собой укладывались в памяти. Их хотелось читать вслух. Это меня и погубило.

Дело в том, что в своей любви я чувствовала себя как-то одиноко. Она получалась очень уж книжной. Хотелось приблизить ее к жизни, что ли. Включить в наши школьные будни.

В зимние каникулы осенила меня несчастная мысль: открыть глаза одноклассницам. Пусть весь восьмой «Б» влюбится в Лермонтова! Тогда они станут слушать его стихи и мои о нем рассказы. А то на переменах трещат о мальчишках из соседней школы да читают их записочки: всякие глупости без запятых с орфографическими ошибками. Ну что могут написать мальчишки?! А Лермонтов написал «Демона», «Мцыри» и «Героя нашего времени».

Моя железная логика на восьмой «Б» не произвела никакого впечатления. Девочки по-прежнему предпочитали записки с ошибками творениям великого поэта. Хуже того. Они подняли меня на смех и усомнились в искренности моих чувств. А заодно в знании предмета, то есть сочинений самого Михаила Юрьевича. В запальчивости я пообещала прочитать наизусть любое его стихотворение — пусть только скажут первую строчку!

Запальчивость до добра не доводит. Хвастать — глупо и стыдно. Не давши слова — крепись, а давши — держись. Слово не воробей... Все эти мудрые правила пришли на память слишком поздно: девочки мчались в библиотеку. Перед звонком они притащили в класс внушительных размеров том. Весь следующий урок за моей спиной шуршали страницами и шушукались: выбирали строку «на засыпку». На перемене никто из класса не ушел. Меня окружили, и та, которую я считала самой верной подругой, продекламировала с выражением:

Печальный Демон, дух изгнанья...

Я обмерла: зловредные девчонки выбрали самые длинные стихи, какие только нашлись в книге: поэму «Демон»! Отступать было поздно.

Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой,—

откликнулась я поначалу бойко.

Спасительным для всех школьников всегда был звонок с урока — сколько раз выручал он людей из беды! Меня же мог спасти только звонок на урок. Он прозвенел на очень печальном месте:

Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

Тут я замолчала и, всем видом показывая, что рада бы продолжать, да нельзя: дисциплина,— двинулась к своей парте. Не тут-то было! Девочки

разбежались по местам, а Лермонтова сунули моей соседке, наказав следить повнимательней и не давать подглядывать.

На словах:

Не плачь, дитя! не плачь напрасно!

(они прозвучали очень кстати и потому особенно искренне) — вошла учительница истории. Пришлось перейти на шепот.

И тогда текст «Демона» стал колдовским образом переплетаться с происходящим в классе. Первое замечание от учительницы с угрозой выгнать, если не замолчу, пришлось на строки:

Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.

«Может, он для меня писал?» — мелькнула шальная мысль, когда я добралась до строк:

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным оком.

Парта моя стояла у окошка, и только туда оставалось глядеть, чтобы не видеть злорадных ухмылок одноклассниц и укоризненного взора исторички.

Она же, вместо того чтобы выгнать меня, закрыла журнал, сказала, что не намерена мешать «художественной декламации», прекращает урок и уходит. Такого у нас не бывало. От неожиданности класс замер, и в тишине отчетливо прозвучал мой свистящий шепот:

Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю.

Учительница, на мгновение оцепенев от моей наглости, собрала со стола бумаги и ушла, услыхав на прощание отчаянный призыв:

Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?

Решительно Лермонтов ополчился против меня! Он заставлял меня вслух издеваться над дурацким своим положением:

По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья...

Явилась нянечка: вести преступницу к директору на расправу.

Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит,—

сообщила я ей, на что старушка с сомнением покачала головой.

Мы вышли в тишину пустого коридора, а делегация 8 «Б» тащилась сзади с раскрытой книжкой. Чтобы им было слышно, я стала читать громче, медленнее и более внятно. И тогда все переменилось. Школьный коридор, охваченные спортивным азартом подруги, сердобольная нянечка — нет, не исчезли, а как-то отступили в тень. Я шла под арестом, меня ждал нагоняй, неприятные разговоры дома, объяснение с историчкой, насмешки в классе — и все не имело значения, все уходило на задний план, побежденное силой лермонтовских строк.

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой...

В мире остались только стихи. Могучая волна поэзии захлестнула меня. Был единственный способ не захлебнуться: читать их как можно лучше, громче, выразительнее. Голос окреп, зазвенел.

Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!

Мы спустились на первый этаж, прошли канцелярию и остановились у двери, украшенной синей табличкой с надписью «ДИРЕКТОР ШКОЛЫ».

Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака...

От резкого толчка изнутри дверь распахнулась. Замолчать и тем изувечить монолог Демона было бы выше моих сил. Заключительные строки пришлось выпалить прямо в потемневшее от гнева лицо директора:

Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!..

Очень скоро выяснилось, что моя особа вызывала у него совсем другие чувства. Далекие от любви.

Встреча с прошлым

Вот тогда-то (не во время безобразия, учиненного мной в школе, а во время безоглядного увлечения Лермонтовым) вошло в мою жизнь красивое и непривычное слово — ТАРХАНЫ. Только поначалу оно связывалось с его кавказскими поэмами и повестями, и слышалось в нем имя грозного абрека хана Тара, и виделась цепь его подвигов и похождений... Велико было мое разочарование, когда оказалось, что никакого хана Тара не существовало, а название села в ста верстах от Пензы произошло от местного слова «тарханить», что означает: по мелочи торговать.

Простор и воля, воля и простор — вот что такое Тарханы. Лесов здесь мало, и ничто не загораживает дорогу взгляду. Насколько хватает глаза видишь поля, перерезанные оврагами, нивы, пышные луга. В летнюю пору тут изрядно печет. Спасительной прохладой веет от прудов, от деревьев старого парка, от тенистых садов, заросших понизу высокой, весь день влажной травой. Эти пруды, сады и парк, эта прохлада в царстве летнего зноя и сумрак посреди солнечного марева, трава под ногами и сплетенные ветви над головой да еще разноголосый неумолчный щебет и есть ТАРХАНЫ.

Михаил Юрьевич Лермонтов прожил в Тарханах не много и не мало — тринадцать лет. Не много, потому что для целой человеческой жизни срок этот хотя и заметный, но не такой уж огромный. Много, потому что для него он оказался полжизни.

Тарханское имение — создание воли и рук Арсеньевых, бабушки и деда поэта. Имение было дано

за Елизаветой Алексеевной в приданое, она почитала себя тут полновластной хозяйкой. Супруг ее в управление поместьем деликатно не вмешивался, однако неустанно его украшал: разбил сады, завел великолепный розарий, проложил аллеи. Скончался он задолго до рождения поэта: в минуту отчаяния принял смертельную дозу яда. Елизавета Алексеевна на похороны пожаловать не пожелала, однако облачилась в траур. И внука, которому уготовано было принятое в семействе Лермонтовых имя Петра или Юрия, настояла назвать в память деда Арсеньева — Михаилом.

Со временем предстояло ей вынести еще один сокрушительный — ее, однако, не сокрушивший — удар. Внуку не минуло и трех лет, когда мать его, единственная дочь Елизаветы Алексеевны, скончалась неполных двадцати двух лет от роду.

Елизавета Алексеевна разгневалась на дом: не иначе, как он приносит в семью несчастье за несчастьем. Дом был продан — с непременным условием: разобрать и вывезти прочь из имения до бревнышка, до щепки. На месте его приказала Арсеньева возвести в память покойной дочери домовую церковь, освятив ее именем Марии Египетской.

Новый дом, построенный поодаль, словно родился в трауре: без просторных помещений, пригодных для балов и танцев, для парадных приемов,— с весельем тут было покончено. Всего десять комнат — невысоких, тесноватых, соединенных широкими дверьми и узкими лестницами.

По нашим понятиям дом не так уж мал: вмещает сразу несколько экскурсий. Больше всего школьников: каникулы! Одна из групп загородила мне дорогу, я стала разглядывать ребят и неожиданно увидела... себя! Не себя сегодняшнюю, а ту, давнишнюю, влюбленную в Лермонтова девчонку.

Я ее сразу узнала. Она стояла чуть в стороне, одна. Она слегка шевелила губами, когда экскурсовод читал лермонтовские стихи,— подсказывала следующую строчку. Она не задавала вопросов, не изумлялась и не восхищалась. Всем своим видом она показывала, что ей все известно, что этот музей — как и тот, кому он посвящен,— имеет отношение в первую очередь к ней. А остальные посетители — так, посторонние.

Надо сказать, она мне не очень понравилась... Было в ней высокомерие всезнайки, и заносчивость, и пренебрежение к другим ребятам. И вид нелепый: одета, как в третьем классе одевают девочек, в какое-то совсем детское платьице, косички — «крысиные хвостики» торчат, давно пора их остричь, а она и не догадается... Мама тоже хороша — нет чтобы приукрасить дочку, радуется небось, что она у нее скромница. Даже жалко стало девчонку: застряла в своем выдуманном мире, а живая жизнь течет мимо! Вон одноклассницы какие — нарядные, красиво причесанные, уверенные в себе.

Девчонка словно услыхала мои мысли. Вздохнула, попятилась, скользнула в сад. Я последовала за ней.

Не сразу мне удалось ее найти. Она стояла на берегу пруда и пристально смотрела на его затянутую ряской поверхность. Теперь она не показалась мне нелепой. Она как-то вытянулась, стала прямее и выше, а на лице появилось необычное выражение — радости, смятения, любопытства... Что-то виделось ей, недоступное другим. Я проследила ее взгляд, и тогда что-то изменилось окрест. Поверхность пруда посветлела, очистилась и как бы затвердела на глазах. Берега обнажились, растаяла густая зелень, явились неведомо откуда подсевшие, мягкие сугробы, запетляли протоптанные в снегу дорожки. Ясный летний день обернулся предвесенним, пасмурным. По снегу мчится к пруду шумная стайка мальчишек.

— Мишель! — кричат они.— Мишель!

Тот, кого окликают, похоже, главный у них. Он и бежит, хотя со всеми, но — на особицу, не смешиваясь с товарищами, словно и среди толпы хочет быть в одиночестве. Вот остановился — вслед за ним замерли остальные. Зачерпнул, нагнувшись, пригоршню снега, помял, слепил ровный круглый снежок и ловко запустил в сторону пруда, норовя попасть в узкую щель полыньи. Снежок завис над щелью и послушно скользнул под лед. Мальчик распрямил плечи, оглянулся, довольный, на товарищей. Те загалдели одобрительно.

Сейчас можно его разглядеть — наружность его весьма примечательна. Он хорош и дурен в одно и то же время. Ростом невелик — другие мальчишки повыше и постройнее. А этот, что называется, нескладно скроен, да крепко сшит: голова велика несоразмерно, ноги кривоваты, но в плечах широк, быстр в движениях. И руки, судя по тому, как далеко метнул снежок, сильные... У него большие яркие глаза, необычайно выразительные, в темных длинных ресницах, соболиные брови, высокий лоб. Вот сдвинул на затылок шапку — и мы видим, что он меченый! Белый, как снег на древесном стволе, к которому он привалился, сияет в его черных волосах ослепительный клок.

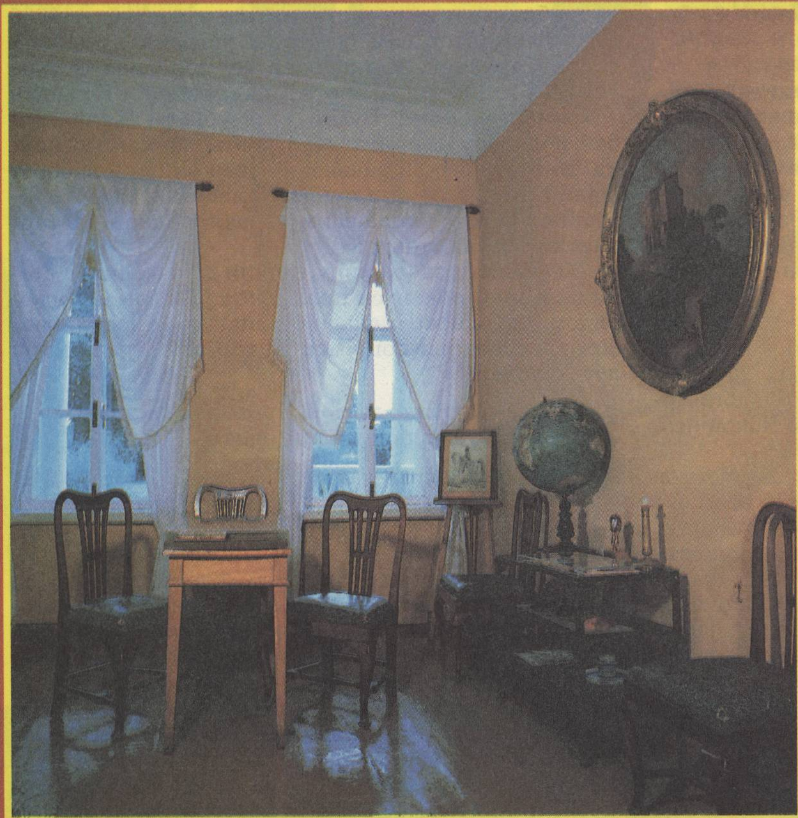
Странный мальчик: не разберешь, урод или красавец, брюнет или блондин...

А он тем временем не стоит смирно. Отоптал покрепче вокруг себя снег, получилась круглая полянка. С коры дерева набрал липкого снега, как для снежка, но бросать не стал, а покатил низом. Снежок забирал снег под ногами, толстел, на середину полянки прикатил большим шаром, там был оставлен.

— Фигура! — закричали мальчишки.— Мишель лепит фигуру!

Они закопошились в снегу, катали, трамбовали, тащили плотные глыбы его в середину, к Мишелю. А тот, серьезный, молчаливый, бесформенным кускам придавал вид человека. Фигура вырастала помалу, стала величиной со взрослого мужчину, полезла выше. Тут ее стало плохо видно, словно снег растаял в потеплевшем воздухе. Вслед за фигурой побледнели и растаяли мальчишки. Дольше всех можно было разглядеть коренастого Мишеля. Но вот его белый клок слился с белым снегом, шапка — с веткой дерева, и сам он неприметно растворился в ранних зимних сумерках. Вернулся на берег пруда летний день, а мальчишек и фигуры — как не бывало.

Вернулся летний день, да не тот, что сиял с утра в Тарханах. Не так густа зелень вокруг пруда, и деревья будто пониже... А на холме прорыты глубокие ходы-траншеи. Да там полно ребятишек! Давешний, с белым клоком в волосах, тут как тут — только помладше, лет эдак восьми. Одет по-чудному: старинный военный костюм на нем, мундирчик с золотым шитьем, в руке — шпага, а может быть, сабля: не разглядишь — так браво размахивает. По его приказу выскочили из траншей мальчишки — как горох посыпался. Наряжены тоже по-старинному, солдатами. Нет, это не те, что лепили с Мишелем фигуру: то были дворянские сынки, а эти попроще — ширкают облуп-

Тарханский дом, где Лермонтов прожил половину своей жизни, давно стал музеем. И сохраняет для нас память о поэте.

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

ленными носами, ловко сплевывают сквозь зубы, благо у каждого во рту по щербине — зубы у них меняются, такой возраст. Когда скажут что-нибудь, слышно, что речь у них деревенская. Но говорят только между собой, к Мишелю не обращаются — молча слушают его приказы. Держатся от него поодаль, смотрят с почтением. И то сказать: спуску он им не дает. Один высунулся не ко времени, командир так сверкнул глазами — солдатика и след простыл. Зато, когда поднял он их в атаку,— куда девалась робость: орлы! Промчались за своим полководцем солдатики — исчезли... Остались на холме пустые, ровной, несмятой травой заросшие траншеи.

А может, ничего и не было? Или мне передались девчонкины фантазии? Или все еще бродит по тарханской земле тень великого поэта, являясь тем, кто непременно жаждет увидеть его?..

Почти в открытую иду я за незнакомой школьницей. Ничего не знаю о ней: ни как ее зовут, ни из какого она города... Но уверена: мы думаем об одном и том же, мы вместе вспоминаем все, что нам известно о жизни в этих местах ее ровесника, мальчика, которого звали Михаилом Лермонтовым.

Он был единственным наследником значительного состояния, с ним обращались, как с принцем крови, как с отпрыском королевской семьи. Система прудов окружала его владения, превращая их в островное государство. Он, Мишель, этой страны повелитель: желание его — закон, воля его непререкаема.

Он щедро одарен природой: учение дается ему без труда, он много читает, рисует изрядно, превосходит ровесников умом и знаниями. Окруженный любовью и обожанием, в одном из чудеснейших уголков центральной России, он, казалось бы, должен чувствовать себя счастливым.

Но нет, он несчастлив.

Любовь к нему близких тяжела, ревнива и требовательна. Она душит мальчика, норовит поработить его, лишить воли. Родная бабка, мать его умершей матери, и родной отец ведут бесконечную тяжбу за право безраздельно царить в его сердце — и походя его сердце терзают. Распря родных — незатухающий огонь, постоянный источник боли. Шестнадцати лет сочинил он трагедию, которой дал звучное немецкое название «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»). Герой ее по имени Юрий, подобно Мишелю, стал яблоком раздора между бабушкой и отцом. Их интриги в буквальном смысле слова убивают молодого человека: он принимает роковое решение покончить жизнь самоубийством.

Юрий значительно старше, чем был Лермонтов в ту пору, когда написал драму. Похоже, что поэт заглядывал в будущее. Трагедия звучит предостережением: чрезмерные притязания на личность опасны смертельно.

Разлад в семье, разлад в душе, разлад в чувствах ребенка — не он ли стал причиной раздвоенности характера, противоречивости натуры замечательной личности и великого поэта?..

А за пределами островного государства Мишеля шла совсем другая жизнь, где беды и радости исчислялись иной мерой. Там жили тесно и грязно, в курных, по-черному топившихся избах, спали на лавках, всегда покрытых толстым слоем сажи. В холодную пору в избу приводили теленка или другую живность. Там тяжко трудились на земле: три дня на себя, три — на барыню, а случалось, что для себя оставалось одно только воскресенье — день, в который работать почиталось грехом. Из черных изб уводили сыновей на четверть века в солдаты, целые семьи продавались, как скотина.

Что за дело наследному принцу Тархан до горькой и грязной жизни, копошившейся за плетеной околицей?

Но он не был принцем. Он родился поэтом, душа его была открыта добру и злу, глаза остры и пристальны, слух чуток, а ум восприимчив. Он родился русским поэтом, и жизнь в богатом разнообразии усадьбы не сделала его чуждым чужому страданию, чужой радости. До нас дошли легенды о том, что только благодаря Михаилу Юрьевичу появились в Тарханах настоящие, с дымоходом и трубой печи: он упросил бабушку дать крестьянам кирпича на печки! Крепостных, доставшихся ему по наследству, Михаил Юрьевич отпускал на волю целыми семьями.

Лермонтов не раз сетовал, что не было у него русской нянькки, своей Арины Родионовны с ее песнями и сказками.

Но среди тарханских мужиков, по разным надобностям посещавших барскую усадьбу, ходивших по праздникам в церковь Святой Марии, хватало бывших солдат и ополченцев, участников войны 1812 года. Их рассказы, «бывальщины», значили для мальчика не меньше, чем сказки и песни Арины Родионовны для Пушкина. От них наслышался Мишель воспоминаний о горьком отступлении, о славной победе, о заграничном походе, а более всего — о Бородинской битве...

Мы с моей незнакомой спутницей миновали плотину. Это приметное место в Тарханах. Здесь сходились стена на стену биться «на кулачки». «Кулачки» — забава грубая, мужицкая, но господа не брезгают ее поглядеть. Уже взрослым, в 1836 году Лермонтов сам однажды устроил кулачный бой в Тарханах. Когда один из молодцов сильно осерчал и сбил с ног противника, Михаил Юрьевич закричал: «Будет! Будет, еще убьет». Кулачный бой волновал и притягивал поэта. До самого конца, до трагической развязки довел он его в воображении: в «Песне про купца Калашникова». И фамилию удалого купца заимствовал у одного из тарханских крепостных...

Мы вышли за околицу, дошли до часовни, в стенах которой покоится прах поэта. Теперь мы идем рядом и одновременно останавливаемся полюбоваться открывающимся видом на деревню, на луг и поле.

— Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,—

начинаю я вполголоса.

— И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез,—

откликается девочка. Наконец-то она смотрит не вдаль, не мимо, а прямо на меня. Смотрит и улыбается. Улыбка у нее хорошая — открытая и веселая.

— Это стихи о любви,— говорю я.

— О любви,— эхом повторяет она.

— Знаешь, какие слова здесь самые удивительные? «Но я люблю — **за что, не знаю сам».** Ни за что и за все сразу, не разбирая, за что, мы ведь любим только самое дорогое. Мать, отца, брата или сестру, сына или дочь.

Девочка молчит. Об этом она еще не думала. Это ей еще предстоит узнать.

С. БОГАТЫРЕВА

Легко ли быть «жирафом»?

«Смелость — это победа над страхом, а вовсе не отсутствие страха».

Марк Твен

Я допиваю чай из толстой кружки и вижу на донышке: «Высунь свою шею сегодня!». Так напутствует меня на подвиги американский проект «Жирафы».

Высунуть шею — значит перестать быть страусом, который живет, пряча голову в песок при малейшем признаке ненастья и опасности. Высунуть шею — значит не только сделать выбор между добром и злом, но и активно защищать свою позицию, нередко рискуя, что как раз по длинной шее-то и надают!

Сегодня в Америке около 350 «жирафов».

Ральф Флауэрс из Ассоциации защиты леса в Вашингтоне должен был охранять деревья от медведей, которые грызли кору и корни. Ему выдали ружье, чтобы «охрана» была надежной. Но Ральф подумал: «А может, медведи грызут деревья оттого, что они голодные?» Он предложил мишкам другое меню — из сахарной свеклы, и они отказались от древесной коры. Кормление медведей обошлось Ральфу Флауэрсу в двенадцать тысяч долларов. Несколько раз он был на грани полного разорения. Но потом ему стали помогать несколько разных фирм, и у Ральфа Флауэрса по крайней мере финансовых забот поубавилось...

Майкл Гринберг из Нью-Йорка каждую зиму ежедневно выходит на улицу и раздает перчатки людям, не имеющим постоянного пристанища. Перчатки он собирает, обходя жителей большого города, потом штопает их, стирает...

Двенадцатилетний Юстин Либо из Сэндлбрука, штат Нью-Джерси, чинит старые, сломанные велосипеды и отдает их детям.

— Когда мне было десять,— рассказывает Юстин,— я купил у одного приятеля старый велосипед и сам починил его в нашем гараже. Велосипед — мой хороший друг, и я всюду на нем разъезжаю! Но я ведь знаю полно ребят,

Рисунки А. БУХАРЕВА.

Энн Мэдлок и Джон Грэхэм — основатели проекта «Жирафы».

у которых нет такого «друга». И я решил, что буду ремонтировать старые велики и отдавать их тем, кто не может себе позволить купить новый велосипед.

Юстин Либо — не богач и не сын богача. На каждый велосипед он может потратить всего двадцать долларов и около десяти часов собственного труда. Юстин не только приводит в порядок двухколесную машину, но и заново красит ее.

— Первые два велосипеда я привез в детский дом, который расположен недалеко от места, где я живу,— говорит Юстин.— Ребята были так счастливы... Они не могли остановиться и все время говорили мне «спасибо». И тогда я понял: я должен подарить велосипед каждому ребенку из приюта.

Когда о деле Юстина Либо узнали горожане, они стали помогать ему инструментами, краской и даже деньгами. Но он по-прежнему ремонтирует велосипеды и находит, кому их отдать, сам.

А самыми первыми «жирафами» были Энн Мэдлок и Джон Грэхэм, которые-то и придумали проект «Жирафы».

— Все началось с моей старой пишущей машинки,— улыбается Энн Мэдлок, журналист, руководительница национального детского информационного агентства.— Однажды я подумала и напечатала на бумаге: «Слишком много в нашей жизни равнодушия и безразличия. А в жизни каждого человека обязательно наступает момент, когда он должен защитить слабого, поддержать справедливость, даже рискуя собственным благополучием. Большинство же людей исповедует принцип страуса. Надо как-то устроить, чтобы человек проникся чувством собственного достоинства и «распрямился».

Чтобы поддержать людей рискующих и выступающих за положительные перемены, чтобы вдохновить их примерами других, Энн Мэдлок и ее муж, бывший кадровый военный, Джон Грэхэм основали движение «жирафов».

В этом движении участвуют не только взрослые. Для ребят, желающих проверить себя на «длинную жирафью шею», Энн и Джон придумали специальные вопросы. Мы решили привести некоторые из них здесь.

1. В вашем классе есть девочка, ни на кого не похожая. Она одевается «неправильно», она не хохочет вместе со всеми, а ведет себя очень тихо и спокойно. Одноклассники вышучивают ее. Вы видите, что эта девочка вовсе не плохая, она даже симпатичная. Что вы сделаете?

А. Будете вместе со своими друзьями смеяться над ней, чтобы не потерять приятелей?

В. Убедите своих друзей, чтобы они себя прилично вели с этой девочкой?

С. Подружитесь с ней сами, не обращая внимания на мнения остальных?

2. Ваш лучший друг говорит о том, как угнетают его сложные домашние проблемы. Что вы сделаете?

А. Пожелаете другу удачи, но откажетесь разбираться в его проблемах?

В. Предложите другу помочь вместе разобраться в этих затруднениях?

С. Постараетесь убедить друга прекратить эти разбирательства и выйти из тяжелого психологического состояния?

3. Ваши приятели решили устроить нечто, что вам кажется неверным. Что вы сделаете?

А. Пойдете с ними, надеясь, что никто не заметит вашего участия в этом безобразии?

В. Поговорите с ними о том, как это нехорошо?

С. Скажете своим приятелям определенно, что вы думаете по этому поводу, и не будете участвовать ни в чем?

4. Приятели обсуждают любовные переживания. Вы не уверены, что все истории случались на самом деле, но вы чувствуете себя наивным и неопытным. Что вы сделаете?

А. Придумаете свою собственную историю, чтобы ничем не выделяться из общей массы?

В. Скажете, что могут участвовать другие, если они не столь искушены в предмете разговора?

С. Останетесь равнодушным?

5. Начинается важная контрольная работа, и девочка или мальчик, которые вам симпатичны, просят «поделиться» ответами. Что вы сделаете?

А. Согласитесь и предложите пойти потанцевать в пятницу?

В. Откажетесь и предложите вместе позаниматься по предмету?

С. Откажетесь дать списать, но попросите о свидании тем не менее?

Тем, кто выбрал ответы А, до «жирафов» еще предстоит расти очень и очень долго. Надо подумать о таких качествах, как решительность, смелость.

Ответы В предполагают в вас наличие каких-то качеств, позволяющих хорошо работать в коллективе. Если вы найдете себе единомышленников, ваш «жираф» скоро вытянет шею.

Ответы С показывают наличие собственной ответственности в момент выбора. Вы действуете самостоятельно, не ожидая ни от кого помощи.

Движение «жирафов» существует в основном за счет частных пожертвований. Деньги расходуются на издание небольшой газеты, выпуск маек, кружек с рекламой проекта. Джон Грэхэм также читает платные лекции для сотрудников разных компаний о том, как можно стать «жирафом». Ну, а сами «жирафы», кроме майки с эмблемой проекта и морального удовлетворения, ничего от признания их «жирафами» не получают. Зато они знают: их действия помогают хоть немножко изменить мир.

Энн Мэдлок и Джон Грэхэм, приехав в Советский Союз, убедились: и в России есть «жирафы». Они побывали в редакции «Пионера» и попросили нас поделиться с ними историями о советских маленьких «жирафах». Так что, если вы кого-то знаете, кто все время лезет как бы не в свое дело и чего-то требует, а главное, добивается положительных результатов не для себя лично, а для других, напишите нам о них. Чем больше станет на земле «жирафов», тем лучше будет жить всем нам.

Анна ЧЕРНЯХОВСКАЯ

НАМ ЭТОТ МИР ЗАВЕЩАНО БЕРЕЧЬ

Полвека назад, 1 сентября 1939 года, нападением фашистской Германии на Польшу началась вторая мировая война — самая разрушительная в истории человечества. Для советского народа она стала Великой Отечественной.

В будущем году мир отметит уже 45-ю годовщину Великой Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Но сколько бы лет ни прошло с той поры, люди с благодарностью будут помнить о подвиге солдат, известных и безымянных, которые защитили наше право на свободную жизнь. Памяти героев Великой Отечественной войны, борцов-антифашистов всех стран мы посвящаем викторину «Нам этот мир завещано беречь».

Викторина эта не совсем обычна. Ее проводят детские журналы пяти социалистических стран: советский «Пионер», болгарский «Пламъче — Чуден свят», чехословацкий «Пионир», монгольский «Залгамжлагч» и «Фрези» из ГДР. Нашим постоянным читателям эти названия наверняка знакомы: в течение последних трех лет эти журналы побывали в гостях у «Пионера», и благодаря им вы смогли лучше познакомиться с жизнью своих сверстников в других странах.

А теперь редакции пяти журналов решили сообща провести викторину, посвященную 45-летию Великой Победы. Ведь эта победа была общей победой народов, а мир, который она принесла,— наше общее достояние. Так кому, как не нам, и беречь его? Мы надеемся, что, участвуя в викторине, вы приобретете новых друзей, а победители смогут даже встретиться с ребятами из других стран в международных пионерских лагерях летом 1990 года. Но о наградах мы еще скажем. Сначала вопросы-задания.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

1 Чем дальше уходит в историю Великая Отечественная война, тем меньше среди нас остается ее живых свидетелей и участников. Тем большей заботы и внимания требуют они к себе, когда-то бравые и молодые, а нынче пожилые и нередко одинокие люди. Оглянитесь вокруг: может, они рядом с вами и им необходимы ваше участие и ваша помощь. Если вы не пришли к ним раньше, сделайте это сейчас, в канун 45-летия Победы. Добрые дела и поступки совершать никогда не поздно.

Мы хотели бы, чтобы вы рассказали, как ваше звено и ваш отряд дружат с ветеранами войны и еще о том, что лично каждый из вас сделал, чтобы им жилось легче.

2 В общей борьбе против фашизма во второй мировой войне объединились народы многих государств. Именно тогда родилась и крепкая дружба, которая связывает сегодня социалистические страны. Знакомы ли вам названия села Соколово под Харьковом и поселка Ленино в Белоруссии? Какие важные события произошли здесь в годы войны?

Что известно вам о группе «Красная капелла»?

Назовите европейские страны, в освобождении которых принимала участие Советская Армия. Где установлены памятники воинам-освободителям, изображенные на рисунках?

3 Митко, Роза, Детелина, Ценка, Цветанка и Надежда. Знакомы ли вам имена этих ребят? Когда и в какой стране они жили? Где проводятся международные пионерские соревнования, посвященные их памяти? Кого из юных борцов-антифашистов вы еще знаете?

4 Многие отряды и дружины, клубы интернациональной дружбы носят имена героев Великой Отечественной войны, борцов антифашистского сопротивления.

Что вы знаете о «своем» герое?

Какие традиции в вашем коллективе связаны с его именем?

5 Девизом нашей викторины стала строка из песни:

Для дружбы, для улыбок и для встреч
В наследство получили мы планету.
Нам этот мир завещано беречь
И Землю удивительную эту...

Назовите авторов музыки и слов этой песни.

Что вы знаете о пионерской эстафете «Нам этот мир завещано беречь»?

Когда она проходила?

Ребята из каких стран участвовали в ней?

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВИКТОРИНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТПРАВЛЕНЫ В РЕДАКЦИЮ НЕ ПОЗДНЕЕ 31 ДЕКАБРЯ 1989 ГОДА (ПО ПОЧТОВОМУ ШТЕМПЕЛЮ). На конверте не забудьте указать: «Нам этот мир завещано беречь».

Каждая из редакций — организаторов викторины подводит итоги самостоятельно. Советских участников ждут награды: по две путевки в международные пионерские лагеря НРБ, ГДР, ЧССР, МНР и две путевки во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Там победители встретятся с зарубежными участниками викторины и вместе устроят выставку о том, как пионеры наших стран готовились к 45-летию Победы.

Итоги викторины будут опубликованы в майском номере журнала «Пионер» в 1990 году.

ЕСЛИ ВЫ, ПОЛУЧИВ ЖУРНАЛ И ОЗНАКОМИВШИСЬ С УСЛОВИЯМИ ВИКТОРИНЫ, РЕШИТЕ УЧАСТВОВАТЬ В НЕЙ, ПРИНИМАЙТЕСЬ ЗА РАБОТУ СРАЗУ: ВРЕМЕНИ У ВАС НЕ ТАК УЖ МНОГО.

ЖЕЛАЕМ ВСЕМ УСПЕХА!

А в заключение — небольшой сюрприз. Редакции журналов — организаторов викторины готовы помочь любому читателю «Пионера», который хотел бы установить переписку с ребятами из НРБ, ГДР, МНР и ЧССР. Сообщаем адреса, по которым вы можете писать.

НРБ, София, 1000,
бульвар «Толбухин», 51,
редакция журнала
«Пламъче — Чуден свят»

МНР, г. Улан-Батор,
редакция журнала
«Залгамжлагч»

«Frösi»
Postschließfach, 37,
Berlin, 1056, DDR

Redakce Pionýr
Dum dětskèho
a mladežnického
tisku SSM
Radlická 61
150 02 Praha 5
ČSSR

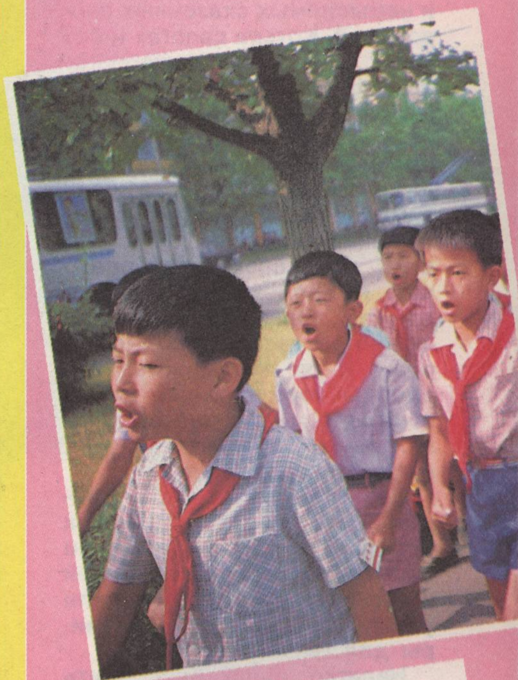

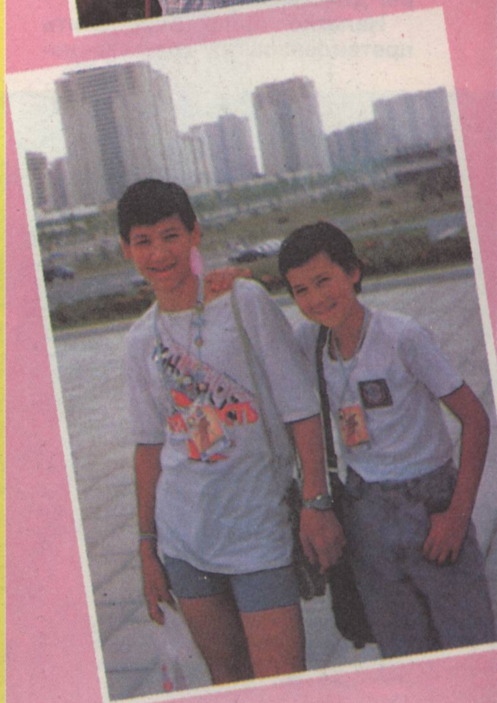
ДО СВИДАНИЯ, ПХЕНЬЯН!

Погас огонь XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Разъехались его участники по домам, но в их памяти еще долго будут жить восемь жарких июльских дней, когда столица КНДР принимала посланцев юности со всех концов планеты.

Фотографии В. СУХОМЛИНОВА.

СПАСИБО

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!

Представьте: вы открываете знакомую дверь и вдруг... попадаете в волшебное царство.

Гномы, драконы, карлсоны, чебурашки, мальвины и множество других мыслимых и немыслимых сказочных персонажей. Коты в сапогах и без сапог, а рядом миролюбивые псы всех мастей и беспечные мышата. Корова с ромашками на боку и ослик в зеленую клетку, какого не сыскать даже в Красной книге. Очень симпатичные сороконожки и какие-то хитрющие существа, у которых и имени-то нет. А сколько крылатых — одними совами из макраме можно бы заселить солидную рощу. И тут же миниатюрные дворцы из керамики, красивые поделки из глины, дерева, льна, бересты. Рисунки, аппликации, вышивки...

Все это можно было увидеть в одной из редакционных комнат, когда мы вскрыли сотни свертков, бандеролей и посылок, которые прислали участники операции «Сувениры для Пхеньяна».

Нелегко было определить претендентов на главные награды, которые были обещаны в 3-м номере журнала «Пионер» за 1989 год. Предпочтение было отдано, естественно, наиболее оригинальным работам, выполненным творчески, с выдумкой. Путевками в «Артек» награждены Наташа Арефьева из Воронежа (поделки из глины), Оля Томкович из поселка Кривичи Минской области (поделки из льна) и Марьяна Морозова из города Марганца Днепропетровской области (мягкая игрушка).

Почетными грамотами журнала «Пионер» отмечены коллективные работы ребят из кружка «Умелые руки» пионерского лагеря «Луч» Загорского района Московской области, КИДа «Дружба» средней школы № 6 из Кричева Могилевской области, студии детской керамики Златоустовского Дома пионеров, детского клуба «Ровесник» Вентспилсского морского торгового порта Латвийской ССР, клуба «Родина» из поселка Мишелевка Иркутской области, кружка «Сувенир» Дома пионеров Инты Коми АССР, КИДа «Планета» из Камышина Волгоградской области, изостудии «Радуга» Дома пионеров города Бельцы Молдавской ССР, КИДа «Дружба» житомирской школы № 12, кружка игрушек Норильской станции юных техников, из Дома пионеров города Шилуте Литовской ССР, Дома культуры «Факел» из Череповца, КИДа «Красная гвоздика» Дома пионеров города Броды Львовской области и школы-интерната села Петропавловка Омской области.

Грамоты журнала получили также Алла Черепанова из села Ольховки Курганской области, Вика Кислякова из Жлобина Гомельской области, Маша Емельянова из Москвы, Таня Корнелюк из Черкасс, Марина Пагуничева из Карачева Брянской области, Оля Бердинских из поселка Светлый Тюменской области, Юлия Романова из Дзержинска Горьковской области, Настя Комарова из Ленинграда, Таня Алейникова из Воронежа, Таня Суетина из Севастополя, Света Ларина из советской школы № 3 в Улан-Баторе (МНР), Ната Балабанова из Балашихи Московской области, Алена Лобан из Минска, Мохидил Косимова и Шохсинам Жуманазарова из совхоза имени Энгельса Кашкадарьинской области Узбекистана, Андрей Адаменко из Октябрьского Башкирской АССР, Вика Лесных из Нижневартовска Тюменской области, Стасик Денисов из Новомосковска Тульской области, Марина и Наташа Софроновы из поселка Заречный Свердловской области, Б. Кодеков из села Баскунчи Талды-Курганской области Казахстана.

Хотя и не все работы удостоились грамот, в этой операции не было проигравших. Каждый, кто с любовью шил, рисовал, выпиливал или лепил свой сувенир, может считать себя награжденным: его работу увез в Пхеньян делегат XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. И может, добрый гном попал в далекую Аргентину, северная сова залетела в жаркое Конго, а буренку занесло аж в Вануату, что покачивается на волнах Тихого океана...

И вместе с делегатами Всемирного фестиваля мы говорим от души спасибо всем, кто принял участие в операции «Сувениры для Пхеньяна»!

Это — тоже сувениры для Пхеньяна.

Тимуру ДЖАЛИЛОВУ 14 лет, он учится в московской школе № 1130, в 8-м классе «А».

Жизнь — вопрос очень сложный

Мерцанье звезд,
Полеты грез,
И где-то вдали
Спрятался дрозд.

Жизнь коротка —
Все надо успеть,
И жизнь сберечь,
И гордость сберечь.

* * *

Желтые листья на желтом
песке.
Пыльные книги о вечной
судьбе.
Старые двери к извечной
мечте.
Все мы седеем — мудреют
не все!

Наташа МУХА живет на Украине, в городе Чернигове, учится в школе № 3, в 8-м классе «Б».

Соло тишины

Еле слышно ночь играет
На златом рожке луны.
Звуки звезды зажигают,
Звуки нежности полны.

Ну а мы гадать вольны,
Коль на выдумку богаты:
Или это песнь заката,
Или ария волны,
Или соло тишины...

Саша ЗИНОВЬЕВА живет в Москве, учится в школе № 36.

Суздаль

Проплыли облака над колокольней,
Задев церковный золоченый шпиль.
Как на ладони город древний стольный,
Весь город стольный — церкви да ковыль.

Здесь инокини' в белых одеяньях
Покровы вышивали на алтарь.
И сумраком покрытые преданья
Скрываются в гробницах, как и встарь.

Все держится на прошлом. Все спокойно.
От низких окон и до тайников.
Здесь все спокойно, но над колокольней
Несется вереница облаков.

Тамань

1

На берегу никто не ждет.
Побойся лиха!
Отвяжем лодку — и вперед.
Кругом все тихо.

И, нарушая тишину,
Звучит команда.
С волны — и снова на волну
Летит шаланда.

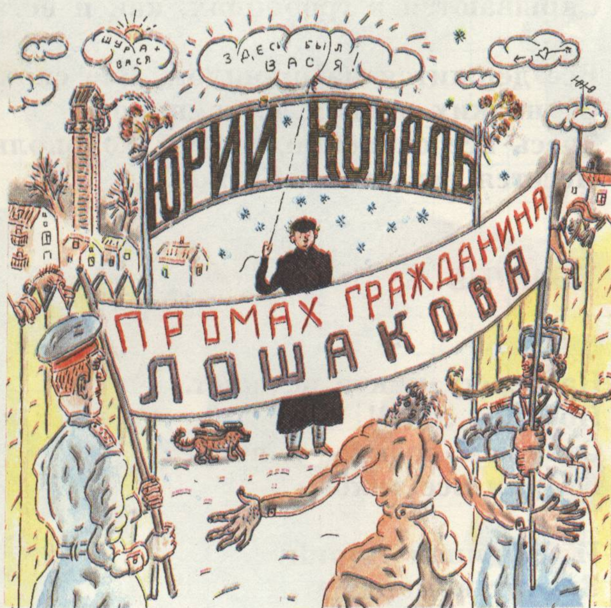
Зажглось поутру над водой
Зари монисто.
Исчезли в дали голубой
Контрабандисты.

2

Здесь забыты рыбачьи сети,
Пахнет рыбой, морской травою.
Размывается в утреннем свете
Горизонт, сливаясь с волною.

Здесь русалки живут веками,
Смотрят ночью в песок лиловый.
И, потеряна казаками,
Два столетья лежит подкова.

И, прибою спокойному вторя,
Звонят чаек печальные струны.
Говорят, поднимаются дюны,
Говорят, опускается море.

ЮРИЙ КОВАЛЬ
ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 9.

Гражданин Лошаков, заместитель председателя колхоза, ограблен по дороге в Курск, куда он ехал на базар продавать живность. По ошибке ограбленный гражданин Лошаков прибегает вместо Курска в город Карманов. Местная милиция, а с нею и Вася Куролесов арестовывают преступников. Затем милиция и Вася устраивают засаду в лесу, где кто-то грабит прохожих. Двое грабителей взяты с поличным, третий, Харьковский Пахан, уходит. Его преследует Вася Куролесов. Он попадает в бандитское логово, где Пахан, затолкав Васю в подпол, стреляет в Куролесова из пистолета. Пуля проходит мимо, но Пахан, думая, что Вася убит, заваливает его брюквой и вместе с хозяйкой «малины» Зинкой исчезает. По приметам, оставленным Васей во время преследования Пахана, милиционеры находят «малину». Ворвавшись в дом, они обнаруживают в шкафу странного гражданина по кличке Носкорвач.

ШУРА + ВАСЁК

ВЫ ПАХАН?

ПАХАН 15

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗДВОЕНИЕ ОБЛАКА

Глава 1. Поиски правды

Криво, друзья мои, криво и неласково складывалась в этой жизни судьба полузабытого нами гражданина Лошакова.

Ну, во-первых, баранов и гусей он так и не продал, да еще, вернувшись в родную деревню, сдуру принялся рассказывать о том, что вместо Курска попал в город Карманов.

— Какой еще Карманов? Да такого города на свете нет!

— Эдак вы скажете, что и города Картошина нет?! — пытался защищаться Лошаков.

— И Картошина нет! — уверяли его на правлении колхоза и даже подсовывали карту области, на которой и вправду два таких мощных пункта, как Карманов и Картошин, были почему-то опущены.

— Дайте карту мира! — требовал Лошаков, но такой карты ему не дали и дружно исключили из заместителей председателя. И, согласитесь, что это за заместитель, который бегает босиком по снегу в несуществующие города?

— Нам, председателям, такие заместители не нужны! — сказал председатель.

У Лошакова отобрали подведомственных гусей и баранов, увели кобылу Секунду, оставив только гусака Зобатыча.

— Нету, Зобатыч, правды на земле,— говорил гражданин Лошаков, глядя гусаку прямо в глаза,— нету.

Так с гусаком на коленях он просидел печально всю зиму, понимая, что правды нету. К весне, однако, стало ему казаться, что небольшое количество правды все еще находится в городе Курске в руководящих местах. И он решил, как только подсохнут дороги, бросить на время гусака, сесть на велосипед и двинуть в Курск отыскивать правду.

И вот подсохли дороги, Лошаков выехал на проселок, выбрался с проселка на шоссе и сразу увидел табличку:

«ДО КУРСКА 100 км»

Он твердо нажал на педаль, закрутились-засверкали серебряные спицы, и под вечер Лошаков подобрался к другой табличке:

«ДО КУРСКА 1 км»

Здесь он передохнул, закусил редиской, причесался, оправил на груди галстук, чувствуя, что правдой попахивает все сильнее и сильнее.

Так он проехал три километра, но никакого Курска нигде не встретил. Крайне обеспокоенный отсутствием Курска, Лошаков жал и жал на педали. Наконец вдали показались новостройки, и велосипед рванулся к ним. Возле новостроек топтался у столба какой-то прохожий.

— Товарищ! — задыхаясь, крикнул гражданин Лошаков.— Это что за город?

— Да это не город,— равнодушно ответил прохожий, продолжая топтаться у столба,— это пригороды города Карманова.

— Я это предчувствовал,— прошептал про себя Лошаков и пнул ботинком велосипед, который завез его неведомо куда.

Возле «Пельменной» гражданин продал неверный свой велосипед каким-то темным личностям за тридцатку и зашел в заведение.

«Нету правды,— нервно думал он,— нету!»

Пельмени между тем в городе Карманове оказались отличные — большие, сочные, ушастые.

Лошаков съел три порции, чувствуя, что какое-то количество правды появляется в его организме. Выйдя на улицу, он увидел надпись «Бутербродная», и, хотя после пельменей есть бутерброды казалось ему непростительной неправдой, он все-таки зашел и съел парочку с ветчиной и семужьим боком.

Когда же он вышел из «Бутербродной», ему бросилась в глаза совсем уж неправдивая вывеска — «Компотная». Но сухофрукты, из которых сварен был компот, оказались, однако, натуральными. Лошаков попил компотику и пошел дальше по кармановским заведениям, чувствуя, что правды в его душе прибывает.

Побывал он:

в «Чайной» и в «Кисельной»,
в «Арбузной» и в «Фужерной»,
в «Бульонной» и в «Винегретной»,
в «Кильковой» и в «Тюльковой»,
в «Парикмахерской» и в «Прачечной» — и, наконец, побритый и подстриженный, отстиранный и отглаженный, верящий в правду и совершенно, простите, обожравшийся, он оказался перед вывеской «Бильярдная».

И гражданину Лошакову захотелось сыграть.

Глава 2. Тяга к соленым огурцам

Царапалось и кусалось, отбиваясь от Васи, подземное существо.

— Отпусти, отпусти... я за огурцами... я за огурцами,— верещало оно.

— За огурцами? — удивился Вася и ослабил хватку.

Он пытался разглядеть, что же такое держит в руках, но его ночное подвальное почти телевизионное зрение отчего-то закончилось, очевидно, от слишком крупных подземных переживаний.

— Как ты сюда попало?

— Да через дверь в подклети. За огурцами я... Шурочка я.

Да, друзья, ни Вася, ни автор, ни Квадратный Пахан не знали и не слыхивали, что в подвале имеется потайная дверь, заваленная брюквой. Знала об этом только Зинка, у которой и была дочка Шурочка, проживающая в городе Картошине. Эта Шурочка и получила в один прекрасный момент телеграмму:

«УЕХАЛА НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ ПОЛЬЗУЙСЯ ОГУРЦАМИ ЧЕРЕЗ НИЗ ЦЕЛУЮ МАМА»

И Шурочка пожелала маминых огурцов, которые славились посолом, и поехала в Карманов.

И здесь автор и читатель должны быть потрясены. Как же так? Мама дает телеграмму об огурцах, совершенно забывая, что вместе с огурцами Шурочка найдет убитое тело мертвого человека. Автор не понимает, как это сделалось возможным. Очевидно, в голове у Зинки были только огурцы.

И вот теперь Шурочка сидела на полу погреба и плакала, а ее держал за локти Василий Куроле-

сов, который снова начинал обретать подземное зрение и угадывал в Шурочке девичьи приметы.

— Отпусти, не убегу,— сказала Шурочка.— Тебя как звать?

— Вася.

— Ты что? Тоже за огурцами?

— Да нет... я так... за брюквой... выведи меня на свет.

Они вылезли на свет, и Вася был совершенно ослеплен тусклыми лучами солнца, которые еле пробивались через крапиву и бурьян. Взор его никак не прояснялся. Ночное зрение не хотело уступать дорогу дневному.

Вася долго махал у носа пальцами, и наконец что-то кривое стало вырисовываться перед ним, и он различил крайне неприятную блондинку, которая, кстати, не показалась ему такой уж неприятной, как кажется автору.

Наоборот, блондинка Шурочка показалась ему более-менее сносной в смысле взора.

— Так ты что ж это? — спросил Вася.— Огурцы любишь?

— Дико люблю! — воскликнула Шурочка.— Соленые, чтоб хрустели.

— А помидоры соленые любишь?

Шурочка задумалась, прикидывая что-то в уме, и наконец толкнула Васю кулаком в грудь:

— Уй, ну ты что! Конечно, люблю!

Нет, она определенно нравилась Васе все больше и больше. Когда она говорила об огурцах, глаза у нее загорались. С помидорами такого не случилось, блеска не было, но все равно мелькало в глазах что-то очень осмысленное.

— Да откуда же ты тут взялась? — воскликнул Вася.

— Уй, Васьк, да что же ты говоришь? Я ведь Зинкина дочка.

Вася вздохнул и гулко подумал:

«Во как!»

Глава 3. Бильярд по-кармановски

Теплые желтые шары, вырезанные из мамонтовой кости, с номерами на слоновьих боках с грохотом сталкивались между собой, бились о тугие борта, мягко и тяжело катились по зеленому сукну. Изредка они падали в лузы, и вздрагивала тогда сеть, затягивающая лузу, вздувалась, поглощая шар.

Необыкновенно длинный, похожий на черного журавля человек держал в руках кий, тыркал им изредка в шары, приговаривая:

— По три рублика! По три рублика! Два шара форы!

Это разумное предложение не вызывало пока никакого отклика. Зрители жались к стенам. Они явно боялись играть с Журавлем.

— По три рублика! По три рублика! — приглашал Журавель, и, наконец, к бильярдному столу подошел сутулый и синеносый человек, в котором читатель с интересом и любовью узнал бы гражданина Лошакова.

— По три рублика! — сказал ему Журавель.

— Это — неавторитетно! — парировал гражданин Лошаков.

— И два шара форы!

— Это кто тут кому дает фору? — вопросил Лошаков, глядя в потолок.— Это вы мне даете фору, товарищ Журавлев? Так я ее не принимаю. Я предлагаю вам сыграть не на три рубля, а на сто.

Здесь автор должен отметить, что скромный, в сущности, гражданин Лошаков, наевшись, делался нескромным и даже нагловатым. Но сто рублей он действительно в потайном кармане на всякий случай имел. На всякий случай, если отыщет правду. Ему отчего-то казалось, что если правда вдруг найдется, сто рублей никак не помешают.

Черный Журавель между тем неуверенно вертел в воздухе кием. Он опешил. Он явно не ожидал от синеносого гражданина столь делового предложения.

— Моя фамилия Зябликов,— единственное, что он смог пока ответить гражданину Лошакову.

— Принимаешь вызов?

Журавель Зябликов смешался и замялся. Он явно не знал, что делать. Длинными тонкими пальцами перебирал он кий, на котором было написано «Зябликову от Кудасова»,— редчайший, доложу вам, кий, таких киев, подаренных великим бильярдистом Кудасовым, на свете почти нет.

Зрители у стен зашушукались. Журавлю надо было достойно ответить.

— Дайте мне мел! — торжественно сказал Зябликов, и Лошаков парировал:

— Бери!

Журавель Зябликов взял мел и ловко спиралью прокатился мелом по кию, а это означало на кармановском бильярдном языке, что вызов принят.

— Стольник! — сказал Лошаков, выхватил из кармана цельную сторублевку, помахал ею перед носом партнера и соперника и сунул деньги в среднюю лузу.— Остальные лузы пусты. Где ваши деньги, товарищ Журавлев?

— Моя фамилия Зябликов,— парировал Журавель и стал вынимать из кармана трешки. С грехом пополам их набралось на тридцатку. Тут он полез в глубоко потайные карманы и наскреб еще пару рублей.

— Маловато,— отметил Лошаков.

— Остальное под честное слово.

— Ну это уж нет. Оценим ваши носильные вещи. К примеру, часы. Это будет авторитетно.

Общество, стоящее у стен, оценило часы в тридцатку.

— Недостача,— сказал Лошаков,— нужно еще сорок рублей.

— Ставлю кий,— сказал Журавель, засовывая трешки и часы в угловые лузы.— Надеюсь, кий от самого Кудасова что-нибудь стоит?

— Кий — это палка,— сказал Лошаков.— Для меня он ничего не стоит. Ладно, играй, длиннорукий, прощаю тебе сорок рублей. Итак, сто против шестидесяти, но с одним условием: на эти сорок рублей мне позволяется хамство.

— Как так? — удивилось общество.

— Очень просто. Я ставлю сто, а он всего шестьдесят. И вот на эти сорок рублей я имею право ему хамить, а он должен разговаривать со мною на «вы» и называть меня «дорогой сэр».

— Но в нашем советском обществе не принято таких слов!

— А мне наплевать, приняты они или не приняты. Сорок рублей недостача, а вы еще толкуете? Сто против шестидесяти и хамство против «дорогого сэра»! Принимаешь вызов или нет?

Черный Зябликов побледнел, бильярдная гордость пронзила его, выпрямился с хрустом позвоночник.

— Ладно, вызов принят. Но поскольку игра еще не началась, я скажу, что вы хам, дорогой сэр! Я разбиваю!

— Валяй, дубина,— согласился Лошаков.

Пожалуй что как раз в этот момент, совершенно незамеченные, в бильярдную проникли капитан Болдырев и старшина Тараканов. Впереди них плелся Носкорвач.

— Вот,— тревожно шептал он,— вот где шарики катаются.

Глава 4. Утомление хрусталиков

Непонятно, что все-таки случилось с Васиным зрением?!

Лично я полагаю, что хрусталики его глаз чудовищно переутомились, искривили свои кристаллы и разные сетчатки, пытаясь овладеть ночным подвальным зрением.

Он сидел сейчас в зарослях бурьяна, в дебрях пустырника и глядел на Шурочку, как на исчадие некоторой красоты. Поверьте мне, опытному детскому писателю, никакой красоты в Шурочкиной внешности не обреталось. И в глазах ничего не было, кроме жажды огурцов. Но Васе она нравилась все больше и больше.

Куролесов понимал, что сейчас настало время объяснений, и лихорадочно обдумывал, кем назваться: трактористом или милиционером? Пожалуй, все-таки трактористом, а? Ей-богу, трактористом как-то проще, а?

— Ну, ты что сидишь? — сказал он, толкнув Шурочку локтем в бок.— Пришла за огурцами — валяй, набирай. Банка-то у тебя есть?

— Да они ведь в баке.

— Из бака они вывалились. Поняла? Во время рукопашной.

— Какой рукопашной?

— А ты что ж думала, в погреба попадают просто так? Туда попадают после рукопашной.

— Да? — туповато протянула Шурочка.— А ты кто?

— Я-то? Да я — тракторист.

Тут Вася почувствовал, что разговор пошел по идиотской дорожке, и решил свернуть на асфальтовый проспект разума.

Иди за огурцами,— сказал он и ткнул Шурочку локтем, пожалуй, так и не обнаружив пути на асфальт.

Шурочка послушно уползла в погреб, и Вася глянул ей вслед искривленным кристаллом хрусталика. И тут он увидел лодыжки ее ног. Они были необыкновенно прекрасны и тонки.

«Во лодыжки!» — гулко ахнул он про себя.

Пока Шурочка ползала, Вася обдумывал, как связно изложить присутствие тракториста в подвале после рукопашной, но голова и разум, заключенный в ней, отказывались помогать ему в этом деле.

Шурочка между тем выползла назад теми же лодыжками вперед. Она волокла за собою бак.

— Полбака огурцов осталось,— сказала она, оборачиваясь к Васе.

И тут опять хрусталики, опять кристаллики Васины возмутились в хорошую сторону. Очень хороша показалась ему Шурочка, бесовски хороша. И тут автор должен все-таки попытаться описать Шурочкину внешность, которую он охаял, не вдаваясь в подробности. Вдадимся же!

Итак, нос! Поверьте, маловато интересный. Ничего римского, ничего греческого. Ни на курочку, ни на уточку, ни хотя бы на свистульку он не был ни капельки похож. Такие носы, не похожие ни на что, произрастали только в городе Картошине. Впрочем, если читатель очень уж хочет, чтобы я с чем-то сравнил этот нос,— пожалуйста... Нет, не могу, стесняюсь. Перейду лучше к глазам, хотя и не тянет. Ой, не тянет! Ну ладно, глаза у Шурочки были цвета... Какого же? Ясно, что не морского и не бирюзового, они были цвета тряпочки, которая висела на заборе рядом с тем бурьяном,

в котором они сидели... Тьфу! Сдаюсь! Чтоб я еще раз взялся описывать женскую внешность!..

Ладно, перейду к описанию действий.

Действий, впрочем, никаких не было — Шурочка жевала огурец и глядела на Васю.

— Одного не пойму,— сказала она,— как же так? Ты тракторист и вдруг после рукопашной попал в подвал? Как? За что? Зачем?

Вася тревожно замер. Ответить на эти вопросы было, конечно, невозможно. Но тут в голове у него что-то сверкнуло, в глазах помутилось, и он ответил просто и гениально, снимая сразу все вопросы и размышления.

Он тронул Шурочку за лодыжку и сказал:

— Саша! Я вас люблю!

Глава 5. Бильярд по-кармановски (продолжение)

Шары скатили в средину бильярда, накрыли их деревянным треугольником, выравнивая пирамиду.

Журавель наточил мелом кий, сложил из кисти левой руки какую-то немыслимую дулю, сунул в дулю кий и тыркнул по шару.

Стремительно покатился шар по зеленому сукну и врезался в пирамиду. Она развалилась от удара, и два шара сразу провалились в лузы, забитые мятыми трехрублевками.

— Неплохо начал, куриный крючок! — сгрубил гражданин Лошаков.— Я и не думал, что такой пачкун на что-то способен. Бей дальше, но прежде скажи мне «дорогой сэр».

— Не скажу,— ответил Зябликов, сжав зубы.

— Тогда игра недействительна! Сейчас же выковыриваю из лузы сторублевку и иду пешком в город Курск. Говори, свинья двухмордая!

— Дорогой сэр,— скрипя сердцем и нервами, сказал Зябликов и снова ударил в шар. На этот раз удар не получился. «Двухмордая свинья» сделала свое черное дело. Шары бестолково потолкались друг о друга и стали по местам. Для Лошакова образовалась самая настоящая подставка! Бильярдисты меня понимают!

— Какой мелкий таракан! — приговаривал Лошаков, намусоливая мелом кий.— Пельмень с камнем! Дуб! Не понимаю Кудасова. Как он мог подарить кий такому мракобесу?!

Наевшись, Лошаков всегда обнаглевал до безумия.

— Смотри, свисток! — кричал он Зябликову с другой стороны бильярда.— Смотри, блокнот кооператора! Сейчас я ударю, и с твоей, с позволения сказать, «головы» посыпется прах! Только попрошу над бильярдом не сорить. Отойди в угол, к урне и сыпь прах там.

Так разговаривал гражданин Лошаков, обходя бильярдный стол со всех сторон, а бить по шару он никак не собирался. Наконец, все-таки приложился, прицелился основательно, вздохнул и сказал:

— Нет, не могу. Стыдно играть против такого млекопитающего настоящим кием. Дайте мне половую щетку.

И он схватил половую щетку, стоящую у стены, приложился и вмазал — и шар влетел в лузу.

Дикий рев раздался в бильярдной, и под этот рев Лошаков загнал щеткою в лузы еще два шара.

Зябликов омертвел.

— Не знаю, чем дальше бить,— жаловался Лошаков ревущим и стонущим зрителям.— Даже играть щеткой против этого паразита — роскошь. Дайте мне стул и оторвите от него ножку. Буду играть ножкой стула. Впрочем, не отрывайте, я буду играть цельным стулом.

И он взял стул и стал прикладываться к шару стулом.

— Ножки уж больно кривые,— рассказывал он зрителям.— А ничего не поделаешь, против этого натюрморда надо играть кривым предметом. Сейчас ударю, только пускай он снова скажет «дорогой сэр».

— Не скажу,— сжав зубы, пробормотал Зябликов.— Игра аннулирована!

— Э, нет, нет! — заорало общество, из которого Зябликов повынимал в свое время немало трехрублевок.— Сдался! Сдался!

— Если сдался — деньги мои! — сказал Лошаков.— А если играешь, говори «сэра». У, какие глаза! Как помоями налиты! Говори!

— Я не сдался, дорогой сэр,— сказал Зябликов.— Бейте!

— Сейчас вдарю! Вдарю стулом по твоим трехрублевым нервам! У тебя ведь и вся душа стоит три рубля! Не больше, никак не больше! Бью по трем рублям! Играю свояка!

С огромным стулом на плече Лошаков прицеливался особенно тщательно, да и шар-то был трудный, свояк.

— Тишина в павильоне,— приказал Лошаков.— Я готов! Замрите! Мотор!

Все замерли, и Лошаков легко катнул стулом шар. Шар с номером на боку 13 повлекся по зеленому сукну, стукнулся об шар с номером 8, отскочил от него и медленно провалился в лузу, где лежала лошаковская сторублевка.

Обвал воплей рухнул в бильярдной. Шара, забитого стулом, кармановцы еще не видывали. Они кинулись обнимать Лошакова, тискали его и целовали, требовали автограф, приглашали в театр. Многие просили подержаться за стул. Трогать понапрасну победный стул гражданин не позволил, сел на него, успокаивающе замахал ладонью:

— Должен передохнуть... нервное перенапряжение... Чем играть дальше — вот вопрос. Нет ли у кого зубной щетки?! Или урной попробовать? Дайте урну!

В этот момент триумфа и славы на плечо гражданина Лошакова легла тяжелая и властная рука и послышался хриплый стальной голос:

— Урны не надо! Ваши документы!

Глава 6. Звуки бака

— Когда же? — спросила Шурочка.

Она прижимала к груди эмалированный бак с огурцами и глядела на Васю.

— Чего когда?

— Когда полюбил?

— Да пока ты ползала взад-вперед. Нахлынуло.

— Тогда ползем вон туда,— сказала Шурочка, и, толкая перед собой бак с огурцами, она поползла на четвереньках в ту сторону, где бурьян был погуще. Вася тронулся за ней.

Вставать на ноги, подниматься во весь рост было неловко. Влюбленные, казалось им, должны ползти.

Забравшись в глубину бурьяна, девушка оглянулась.

— А я что тебе, понравилась, да? Хочешь огурца?

— Очень понравилась. Хочу.

— И ты мне понравился,— сказала Шурочка, выбирая огурец поукропистей.— Потом понравился, когда я выползла назад с баком. Ты так жутко на меня глядел.

Вася и сейчас глядел на нее самым неожиданным образом, и Шурочка глядела в ответ, а в воздухе над ними что-то происходило, что-то шевелилось, возникали какие-то запахи и дуновения, какая-то пыль, отблески и дрожь. Все это, взятое вместе, постепенно скалывалось в небольшое облако, которое все расширялось, расширялось. Скоро это было уже совершенно круглое облако, которое имело полтора метра в диаметре. Это было облако взаимной любви, которое и колебалось над бурьяном.

Когда облако окончательно сформировалось, Шурочка достала из бака еще один огурец, обдула его, обтерла, кокетливо поцеловала этот огурец и, хихикнув, протянула Васе. Куролесов схватил огурец, бешено откусил с хрустом, прожевал, проглотил и, чувствуя, что становится круглым болваном, поцеловал огрызок огурца и передал через бак даме. Прикрыв глаза, она многозначительно заглотила остатки поцелуев.

— А мама дала мне телеграмму: приезжай за огурцами. Ну, я и поехала, а ты там, в погребе, вот уж не ожидала.

— Да и я-то сижу, зрение в темноте тренирую, вижу — рука! Ну, думаю, надо кидаться! Кинулся, а это ты! Я и влюбился!

Тут Вася придвинулся к девушке поближе, хотел ее обнять, да бак с огурцами мешался. Он отодвинул бак, но Шурочка вернула бак на место. Тогда Вася обеими руками обхватил и Шурочку, и бак. Бака попалось в его объятия побольше. Куролесов изловчился и через бак поцеловал девушку в щеку.

— Убери бак,— сказал он.

— Ни за что.

— Так и будем разговаривать? Через бак?

— Ага,— хитрила Шурочка.

— Ну ладно, согласен,— сказал Вася, а сам хитроумно пополз вокруг бака к ней, но она уползла на другую сторону.

— Давай еще по огурчику,— сказала она.

Пыльные цветы бурьяна склоняли над ними свои буйные головы, и случайные прохожие никак не могли понять, что за звуки доносятся из придорожной канавы. А это был хруст огурцов и поцелуи. А уж редкие гулкие звуки — это были удары Васиной головы об бак.

Глава 7. Бильярд по-кармановски (окончание)

— Нет! Нет! Я требую урну! — кричал гражданин Лошаков, вырываясь из рук старшины Тараканова.— Я буду играть с ним урной.

Зрители в бильярдной в первую минуту не могли сообразить, что, собственно, происходит. Почему этот длиннорыжеусый схватил вдруг мастера ударить стулом по шару?

Первым сообразил дело Журавель Зябликов. Он вдруг нервно принялся выковыривать из луз свои часы с трешками.

— Кажется, облава! — прошептал кто-то.

— Облава, облава! — шепотом закричали зрители.— Берут всех подряд! — И зрители брызнули из бильярдной.

Зябликов кинулся к двери, но не смог пробиться сквозь человеческую пробку и, спотыкаясь об кий от Кудасова, выпрыгнул в окно.

— Стой! — орал вслед ему Лошаков.— Держи его! Да я его этажеркой обыграю! Умывальником!

— Спокойно, гражданин! Стоять! Руки! Руки! — Старшина быстро пробежал пальцами по пиджаку и другим карманам гражданина Лошакова.— Спокойно, гражданин, стоять!

— Стою, стою,— отвечал Лошаков.— Чего тебе надо?

Гражданин Лошаков совершенно ничего, что происходит, не понимал и сообразить не мог. И только тревожная мысль, что правды на свете нет, приходила ему в голову.

— Товарищи оперативники! — сказал Носкорвач, подойдя вплотную к Лошакову.— Это грабитель Пахан, я узнаю его.

— Молчи, цыц! — сказал капитан Болдырев, обходя и разглядывая Лошакова со всех сторон. Первым делом почему-то он оглядел его ботинки, вперился в глаза, и в них почудилось ему что-то родное.

— Так,— сказал капитан.— Дело об угоне кобылы и снятии сапогов. Гражданин Коровин?

— Лошаков,— сказал Лошаков.— Отдайте стольник.

— Эх, Носкорвач,— сказал капитан,— обманул, значит? Невинного нам подсунул? Так?

— Конечно, подсунул,— радостно засмеялся Носкорвач,— обманул. Обязательно обманул. Как же мне вас не обмануть-то, таких доверчивых? Оперативников обманывать — моя гордость, моя радость.

— Со следа свел? — вскричал Тараканов.

— Обязательно свел! — веселился Носкорвач.— Я ведь камикадзе. Знаете, у японцев были такие камикадзе? Их сажали в торпеду, и они мчались на корабль. Они корабль взрывали, но и сами, конечно, отдавали концы. Вот и я в конце концов взорвусь. Правда, я кармановский камикадзе, торпеды у меня нету — шкаф с носками.

Носкорвач размахивал рукавами, но тут в бильярдную быстро влетели два милиционера и увели его под крики: «Осторожно, взрываюсь!»

Капитан со старшиною кинулись на улицу, прыгнули в двустороннюю машину и помчались на улицу Сергеева-Ценского. Они ворвались в дом, рухнули в погреб, разбросали брюкву, выскочили на улицу через потайную дверь и остановились около бурьяна.

Над бурьяном висело странное облако. Абсолютно круглое и мутное, оно имело в диаметре около трех метров. Из-под облака, откуда-то снизу доносились гулкие, как удар колокола, звуки.

— Кто-то бьется головою в бак,— предположил Тараканов.

— Проверьте,— сказал капитан,— только осторожно.

Старшина вынул наган и двинулся к бурьяну...

А покинутый милицией гражданин Лошаков долго еще стоял у бильярдного стола, глядел на стул, которым забил немыслимого свояка, вспоминал минуты своей славы и триумфа.

Потом он покачал печально головой, прощаясь с бильярдной, вышел на улицу и отправился куда-то, вероятно, разыскивать все-таки город Курск.

«Хорошо хоть стольник вернули,— думал он.— Да и на сорок рублей удалось, пожалуй, нахамить. Одна «свинья двухмордая» червонца стоит».

Глава 8. Капитанский кашель

Облако, странное облако висело над бурьяном. То, казалось, в облаке этом мелькает радужная пыль, то вроде моль, то мыльные пузырьки или цветочки липы.

Но не было в облаке ни моли, ни пыли, в нем были только чувства. Это облако состояло из чистых человеческих чувств, прозрачных и нежных, в которых не было ничего мутного, ничего пыльного. Это было облако истинной и внезапной любви.

Обойдя облако слева, старшина Тараканов раздвинул бурьян и даже не понял поначалу, что он увидел. Он отпрянул и нервно взвел курок, а после снова сунул в бурьян усы. Приглядевшись, он сообразил, что видит двух человек, которые обнимают большой оцинкованный бак. И один из них, в котором старшина с трудом узнал Куролесова, бьется в бак головою, приговаривая:

— Но я же люблю, люблю!

Боком, боком старшина вывалился из бурьяна и обратился к старшему по званию.

— Разрешите доложить,— шепотом сказал он, убирая оружие.— Там Куролесов бьется головою в бак. С ним какая-то баба белого цвета.

— Что за белая баба? — вздрогнул капитан и решительно шагнул в бурьян. Довольно скоро, впрочем, он вышагнул обратно, зацепив известное нам облако правым плечом.

— Мда...— сказал он.— Непонятная история... неясно... неясно...

— Кажется, они борются за обладание баком,— предположил старшина.— Возможно, в баке находится что-то ценное, какая-нибудь важная улика. Вот Куролесов и вцепился в бак.

— Вряд ли,— сказал капитан.— Слышите? Они целуются!

— Фу, неловко-то как! — застыдился старшина.— Ой, как мне неудобно.

— Надо его оттуда как-то вызвать. Только поделикатней.

— Хотите, я его кашлем вызову?

— Как это?

— А вот так: кхе-кхе-кхе.— И старшина деликатненько закашлял.

Некоторое время они поджидали, какое впечатление произведет таракановское «кхе-кхе-кхе». Никакого эффекта не последовало, только раздался особенно гулкий удар в бак, от которого облако любви подпрыгнуло повыше.

— Чего тянуть и кашлять? — раздосадованно сказал старшина.— Пойду сейчас и арестую обоих, а бак отберу, как вещественное доказательство.

— Товарищ старшина, вы эти старые методы бросьте. Сейчас не те времена. Ладно, я сам кашляну, черт подери!

Капитан набрал в грудь воздуху и что есть силы кашлянул:

— Грррхххммм!

Через две, как потом подсчитали, секунды из бурьяна выкатился всклокоченный Куролесов. Он растерянно озирался, дожевывая очередной огурец.

— Товарищ капитан,— сразу, с ходу начал он,— нужно срочно в Глухово. Они ушли в Глухово к Хрипуну. Это ведь был сам Харьковский Пахан.

Глава 9. Раздвоение облака

Потягивая за собою бак, из бурьяна вскорости выбралась и Шурочка.

— Вась, это кто же? — изумленно спросила она.

— А это наш председатель колхоза,— сразу нашелся Куролесов, делая капитану бровями знаки-намеки,— а уж это бригадир — товарищ Тараканов.

— Уй, какие усы! — засмеялась Шурочка.— Вась, отрасти себе такие!

— А вас как звать-величать? — по-председательски строго спросил капитан.

— Шурочка я. Александра.

— Хорошее имя,— одобрил бригадир, довольный похвалою в адрес усов.— Бодрое имя! Как у Пушкина!

Шурочка потупилась в сторону бака.

— Где проживаете? — спросил председатель.

— В городе Картошине. Улица Сергеева-Ценского, 8.

— Позвольте-позвольте, это в Карманове улица Сергеева-Ценского.

— У нас тоже. Мы от Карманова не отстаем.

Старшине Тараканову хотелось задать какой-нибудь вопрос, желательно колхозно-бригадирский.

— А как у вас в Картошине с картошкой? — деловито осведомился он.

— Хорошо,— обрадовалась Шурочка.— Из Кашина привозят. Синеглазку. Ну, такую картошку с голубыми глазами.

— Вы любите синеглазку? — кокетничал старшина.

— Уй! Натурально!

— Да-да! — сказал капитан.— Синеглазка — хороший сорт, но нам сейчас не до картошки. Мы ведь по срочному делу.— И тут капитан хлопнул Васю по плечу.— Надо налаживать механизацию. Понял? Поехал в Карманов, а технику не отремонтировал? Нехорошо, товарищ!

— Да как же товарищ ка... председатель? Редуктор перебрал и гусеницы откувалдил.

— Многое, очень многое нам еще надо откувалдить, дорогой товарищ.

— Ты уж, Васьк, прости,— встрял и Тараканов,— но я как бригадир должен поддержать товарища ка... председателя. Кувалдить так кувалдить!

— Давай, давай, Вася, срочно прощайся с гражданкой... машина ждет. Вы уж простите, Александра, Вася у нас мастер, без него, как...

— Как без пассатижей! — подсказал старшина новую техническую мысль.

— Шура,— сказал Вася,— пойми... отойдем в бурьян.

Они отошли в сторону, и облако заколебалось, заволновалось.

— Ты, главное, не беспокойся,— говорил Вася.— Поезжай в Картошин и будь в Картошине. Я тебя найду. Только в Картошине будь. И оставь для меня в баке хоть пару огурцов.

— Обязательно, обязательно оставлю. Килограмма два, точно.

Вася оттолкнул бак, крепко обнял Шурочку и выбежал из бурьяна.

И облако немедленно разделилось на две части. Одна часть полетела за Куролесовым, а другая осталась на месте. Когда-нибудь они снова воссоединятся, найдут друг друга, сольются в одну большую грозовую тучу, и тогда разразится такая гроза, такой грохнет гром...

Отчего-то взгрустнулось Шурочке. Вася ведь ей и вправду понравился. Хороший все-таки, чувствуется, парень. Конечно, он все врет, никакой он не тракторист и в подвал попал неизвестно почему. А эти, конечно, не колхозники, а скорей всего оперативники, да ведь не в этом дело. Дело в том, что парень хороший.

— Ладно,— решила она,— поеду в Картошин и буду ждать.

И она поехала в город Картошин с остатками облака над головою и с огурцами в баке и терпеливо ждала. Ждала и ждала. Долго.

Глава 10. Хрипун

Шофер Басилов, дремавший в двусторонней машине под газетой «Вечерний Карманов», был мигом разбужен.

— Глухово! — крикнул старшина ему в ухо.

— Спокойнее,— поморщился капитан.— Глухово — тихое слово.

— Там был третий в кустах,— скороговоркой докладывал Куролесов.— Я — за ним. Он — меня в погреб. Я — прошу слова. Он — пистолет! Выстрел! Смерть!

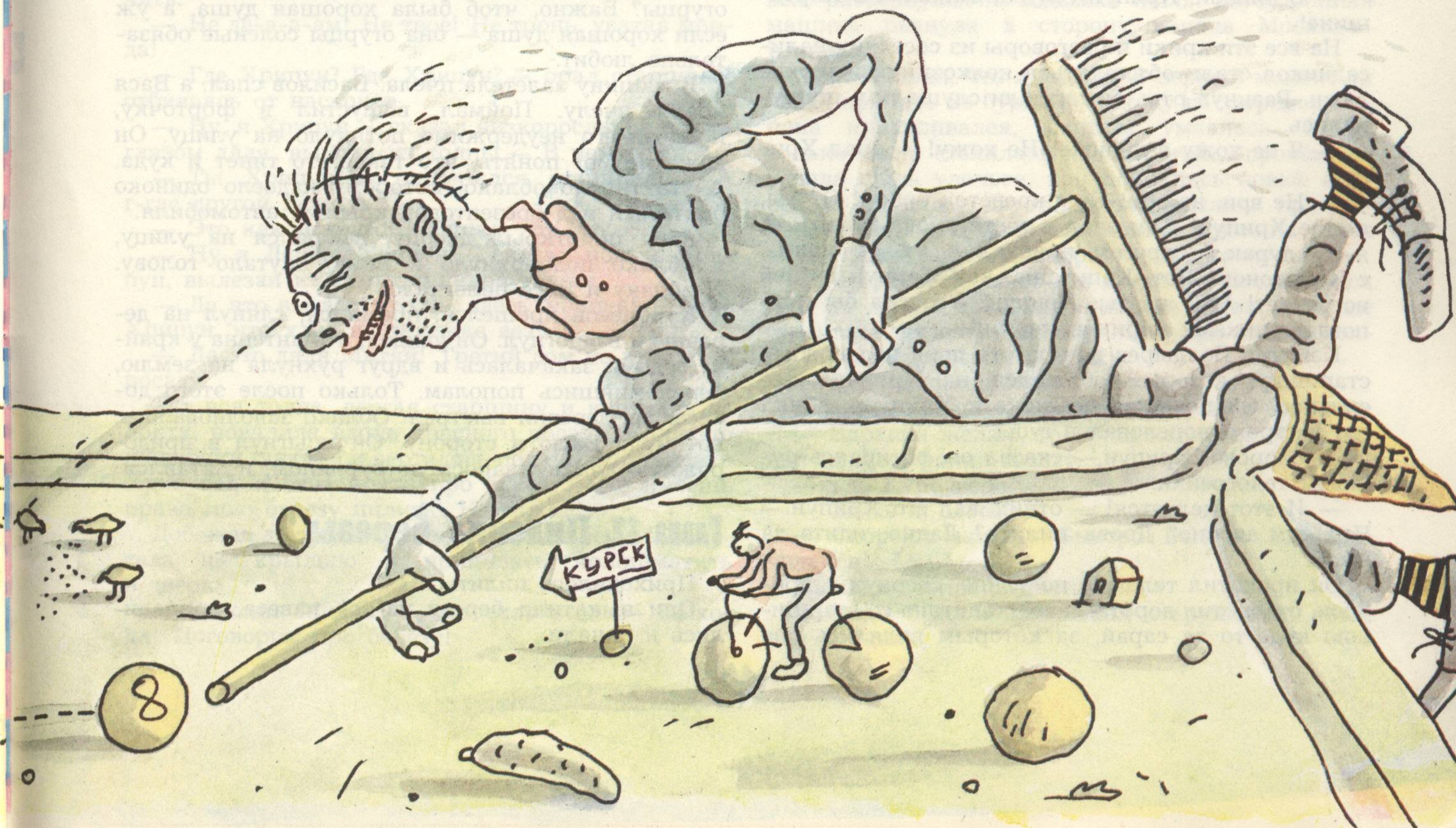
— Налево... направо...— командовал старшина,— проедем Спасское... вот и Глухово.

Машину повернули к деревне бортом «Спецобслуживание», а капитан и старшина стали переодеваться. Под задним сиденьем нашлись драные телогрейки, ржавый топор, пила. Переодевшись, помазав немного лбы свои машинным маслом, Болдырев и Тараканов превратились в людей совершенно неизвестной профессии. С такими лбами и инструментами они могли сойти за монтеров и за слесарей, за специалистов по устроительству колодцев, за разжалованных трактористов, за строителей придорожных коровников.

— Будем просто пильщиками,— сказал капитан Болдырев.

— Кому дрова пилить-колоть? — вскричал старшина, вылезая из машины.

Рисунки Л. ТИШКОВА.

С таким призывом вошли они и в деревню Глухово.

Призыв долго оставался без ответа.

— Эй, да что вы, радетели,— заметила бабуся, сидящая под рябиной,— у нас все дрова давно поколены.

— У меня самого пила «Дружба»,— добавил кнутовидный какой-то человек, который вез на тележке мешок с хлебом.— Очень вы нам нужны!

На это и делали свой тонкий расчет старшина с капитаном. Они вовсе не собирались пилить, пила и топор были маскировочным материалом.

— Извините, гражданин колхозник,— сказал старшина кнутовидному мужчине,— а нам один человек из вашей деревни, по прозвищу Хрипун, сказал, что наша работа нужна. Где он живет, Хрипун-то этот?

Так разумненько и осторожно старшина выведывал адрес Хрипуна. Кнутовидный остановил тележку, внимательно оглядел пильщика.

— Ах, вон ты чего, милок! Хрипуна ищешь? Так Хрипун-то — это я!

Капитан замер от ярости. Ему казалось, что старшина слишком уж прямо, слишком в лоб вел свои расспросы, и вот — на тебе! Попал в десятку. Капитан отвернулся в сторону, дескать, теперь уж, товарищ старшина, выпутывайтесь сами.

Старшина между тем ни секунды не растерялся. Он заулыбался, закрутил усы, закричал радостно:

— Хрипун! Хрипунище! Золотой ты мой человечище! Здорово! Как же я тебя раньше не признал? Да это все твоя кепка проклятая! Под кепкой я тебя и не признал! Хрипуша, золото мое! А я ведь приехал тебе дрова пилить, помнишь, ты прошлый год наказывал?

Тут старшина бросил пилу на землю и стал обнимать Хрипуна.

— Чего тебе надо? Чего надо? — отбивался Хрипун.— Первый раз вижу! Отойди, не целуй меня! Мне противно!

— Ах, вон ты как! — орал на всю деревню Тараканов.— Сам звал в гости, а теперь от ворот поворот?!

— Где? Где? Где? — отбивался Хрипун.— Где я тебя звал?

— В пивной, Хрипун-голуба, в пивной в Карташине!

На все эти крики и разговоры из соседних палисадников стали объявляться колхозники и чужие люди. Разинув рты, они издали слушали и шушукались.

— Я не хожу в пивные! Не хожу! — орал Хрипун.

— Не ври, не ври! Еще креветок брали! Эх ты, а еще Хрипун! Сам звал в гости дрова пилить. А я-то, дурак, с другом приехал с ка... с капи... с Капитоном! Вот, Капитоша, как Хрипун друзей встречает! Что же ты, Хрипун? Угостил бы хоть помидорчиками маринованными!

Капитан Болдырев понял, что пора поддержать старшину, который обижался на Хрипуна все сильнее. Он подошел поближе к Хрипуну, обнял его и строго поцеловал в губы.

— Здорово, Хрипун,— сказал он, обтираясь рукавом телогрейки.

— И этот целуется! — отпихивал его Хрипун.— Что вам нужно? Дрова пилить? Ладно, идите за мной.

Он прокатил тележку по улице, свернул в проулок, отворотил ворота, завел капитана со старшиною куда-то за сарай, за которым валялись два длинных и корявых березовых бревна.

— Дрова хотели пилить? — сказал он.— Вот вам дрова! Пилите, гады!

Глава 11. «Разрешаем открыть люк»

Не взяли Васю в деревню, не взяли.

— Да поймите же! — укорял капитана Куролесов.— Пахан меня увидит — с ума сойдет от ужаса. Он ведь меня убил, а я как новенький.

— Убьет во второй раз. И не дрогнет. Так что жди в машине. Надо будет — позовем.

Вася маялся на заднем сиденье. Басилов снова накрылся газетой и заснул. От его храпения газета приподнималась, и Вася тогда видел заголовок какой-то статьи: «Разрешаем открыть люк». Что это был за люк, прочитать не удавалось.

Из машины виднелась деревня и особенно крайний дом, над которым торчала такая длинная антенна, как будто хозяин принимал волны из Рио-де-Жанейро. Странно, что антенну до сих пор не сломал ветер.

Длина антенны нагоняла на Васю далекие мысли. Он снова вспоминал выстрел и погреб, особенно Шурочку. Часть облака, которую он увез с собой, маячила над машиной, но Вася облака не видел, он его только чувствовал.

— Какая хорошая девушка,— вспоминал Вася,— самостоятельная, огурцы соленые любит.

Вася долго еще думал о Шурочке, и все его мысли как-то крутились около фразы: «Самостоятельная, огурцы любит».

Вася вспомнил бурьян и поцелуи, снова чувствовал в своих объятиях приятный холодок эмалированного бака. Он мечтал, а шофер Басилов храпел, показывая время от времени крупные черные слова на газете: «Разрешаем открыть люк».

«Неизвестно, какой люк,— думал Вася,— но хорошо, что разрешают открыть. Но вообще-то жизнь — штука сложная, и куда тут открыть люк: в сторону милиции или тракторизма? Неясно».

Вася долго еще думал про люк личной жизни, потом хотел немного подумать, как Шурочка любит огурцы, но не стал, потому что при чем же здесь огурцы? Важно, чтоб была хорошая душа, а уж если хорошая душа — она огурцы соленые обязательно любит.

В машину залетела пчела. Басилов спал, а Вася ловил пчелу. Поймал, выпустил в форточку, и вдруг его неудержимо потянуло на улицу. Он даже не мог понять, что такое его тянет и куда. А это тянуло облако, которому надоело одиноко болтаться над брезентовой крышей автомобиля.

Вася приоткрыл дверцу, выбрался на улицу, и облако подпорхнуло к нему, окутало голову. И облаку и Васе полегчало.

Куролесов прошелся, промялся, глянул на деревню и вздрогнул. Он увидел, что антенна у крайнего дома закачалась и вдруг рухнула на землю, переломившись пополам. Только после этого донесся из деревни выстрел. Облако заволновалось, потянуло Васю в сторону. Он прыгнул в придорожную канаву, заросшую бурьяном, и затаился.

Глава 12. Пиление березы

Приходилось пилить.

Они выкатили березу из-под навеса, приладились и начали.

Хрипун с минуту поглядел на них, взял топор, потрогал большим пальцем лезвие и сказал:

— Туповат. Пойду на бруске поточу.

Он завернул за угол сарая с топором и тележкой, слышно было, как в доме хлопнула дверь.

— Точно попали,— сказал старшина.— Пойдем за ним, вроде бы воды попить.

— Чтоб воды попить — надо попилить немного, вспотеть.

— Я уже вспотел, пока с этим дубом целовался.

— Тьфу! Что за пила! Не пилит!

— Да вы не дергайте, товарищ капитан! А пила как пила — вещественное доказательство. Помните? Кража в хозмаге.

— Тупая! Неразведенная!

— Да вы не дергайте! Пилите мягче!

Из-за сарая между тем вышла какая-то баба и остановилась, глядя на пильщиков.

— Баба какая-то,— шепнул старшина.— Пилите, пилите, товарищ капитан! Баба смотрит! Да вы не дергайте!

— Сам не дергай! — сквозь зубы прошипел капитан.

— Извините, товарищ капитан. Не ругайтесь. Баба смотрит. Наверно, хозяйка Хрипуна.

Постояв минутку, баба скрылась за углом.

— Ей понравилось, как мы пилим,— сказал старшина.— Я видел на ее лице удовольствие. Ладно, хорош. Пошли воду пить. На месте сориентируемся. Главное, взять Пахана врасплох.

Однако ориентироваться им пришлось не сходя с места.

Из-за сарая снова вышла баба, на лице которой было написано удовольствие, а с нею другая. У другой на лице удовольствия не было.

Увидев пиление березы, она вдруг закричала:

— А-а-а! Кто? Не дам!

Тут она подлетела к старшине Тараканову и схватила его за усы.

— Не дам! Не твое! — как сумасшедшая орала она.— Не имеешь права! Ты ее сажал? Ты ее валил? Не твое! Не дам березу пилить!

На этот крик из-за сарая повалили мужики и бабы.

— Позволь, хозяйка! — орал старшина.— Нам хозяин велел пилить. Хрипун. Пошел топор точить.

— Не да-а-а-ам! Не твое! Не тронь, усатая морда!

— Где Хрипун? Где Хрипун? — орал старшина, отбиваясь от наскоков.

— Ну, я Хрипун,— сказал низкорослый с одним глазом дядя, выходя из толпы.— В чем дело?

— Ты Хрипун? — растерялся старшина.— А г-где другой Хрипун?

— Это какой другой? Лешка, что ли?

— Ну я Лешка Хрипун,— сказал новый Хрипун, вылезая из-за поломанной телеги.

— Да что вы все, что ль, здесь Хрипуны? А где Хрипун, что хлеб на тележке вез?

— Да это дядя Митяй! Третий дом по красному посаду.

Тут вся толпа, дергая старшину и капитана за локти, повалила вдоль красного посада. Какие-то шавчонки гавкали и вертелись под ногами, галдели Хрипуны, и баба орала про березу: «Не имеешь права мою березу пилить! Не сажал!»

Добежав до третьего дома, хозяйка березы взлетела на крыльцо и принялась колошматить в дверь.

— Выходи, Митяй! — колотилась она.— Выходи! Поговорим про березу!

Дверь распахнулась, и на крыльцо вылетела толстая тетка в галошах на босу ногу. Она скрестила руки на груди и закричала с места в карьер:

— А ты мне всю усадьбу истоптала!

И в этот момент, когда все внимание толпы переключилось на крыльцо, капитан дернул старшину за рукав, они нырнули в щель между баней и забором и тут же увидели за баней две фигуры, которые, крадучись, бежали к скотному двору.

— Стой! — крикнул капитан.

И тут одна фигура поворотила к ним Квадратную свою Будку, приложила к носу черную фигу. Из фиги блеснуло громом, грохнуло огнем, и раздался выстрел.

Пуля ударила в пилу. Пила взвизгнула, а пуля дьявольским рикошетом ринулась на край деревни и перешибла известную нам телевизионную антенну.

Глава 13. Басилов

Вася видел из бурьяна, как по дороге мчатся к машине два человека. Он сразу узнал Квадратную Будку, за которым скакала Зинка.

Шофер Басилов по-прежнему спал под разрешением открыть люк.

Добежав до машины, Пахан тут же принялся стучать в стекло. Басилов недовольно снял с носа газету:

— Чего такое?

— Подвези до парома! До парома подвези! Даю трешку!

— Сколько?

— Пятерку.

Басилов развернул газету и накрыл «люком» нос.

— Червонец даю, слышишь?

— А на бензин? — спросил Басилов из-под газеты.

— На бензин прибавим.

— Ну ладно, ладно,— сразу засуетился Басилов, скидывая газету.— Скорей, скорей, а то меня начальство заругает. Быстро! Ну!

Пахан, а за ним Зинка залезли, пихаясь, в машину, Басилов нажал на педаль, поддал газу, взревел, развернулся и, вздымая пыль, двусторонняя машина рванула в сторону канала Москва — Клязьма.

Вася не знал, что и делать. В первый момент он хотел прыгать из бурьяна Пахану на загривок, но, пока прицеливался, машина умчалась. Пыль, только пыль стелилась над дорогой. Впрочем, не успела пыль улечься, как поднялись новые клубы, и чудесная двусторонняя машина примчалась обратно. Басилов поставил ее точно на то же место, достал газету, накрыл нос и сразу заснул.

Со стороны деревни тем временем послышался гул. На дороге показались два человека, которые стремглав неслись к машине. За ними валила толпа народа, доносились крики:

— Держи пильщиков!

Капитан подлетел к машине, стукнул в стекло.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — вскричал шофер, роняя газету.

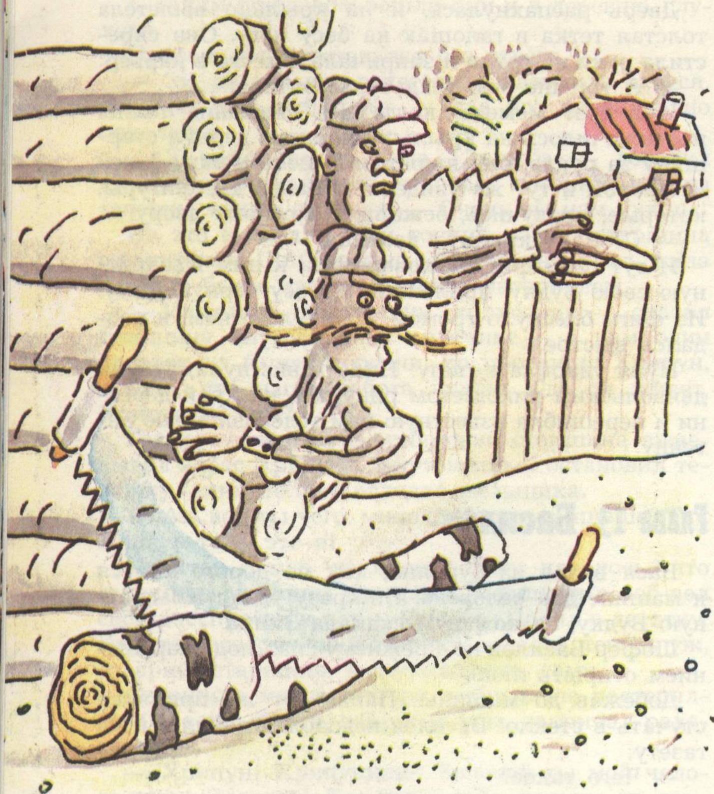
— Где Куролесов?

— Здесь я, здесь!

— Скорей в машину! Быстро! Быстро! Разворачивайся!

Пыльная толпа надвигалась.

Впереди бежала низенькая старушонка, которая кричала:

— Не дам березу пилить!

— Гони! — крикнул старшина, и двусторонняя машина прянула от толпы.

Надоедливая старушонка все-таки догнала машину, стукнула кулачком в заднее стекло.

— Ты ее сажал? — кричала она.

— Плохи дела, Вася,— задыхаясь, рассказывал капитан, пока Басилов с трудом отрывал машину от старушонки.— Упустили.

— Да я их видал,— сказал Вася.

— Где?

— Да тут неподалеку. Но не стал с ними связываться. Вы сами не велели.

— Куда же они делись?

— Куда-куда?! — зевнул Басилов.— Я их и подвез. Попросились до парома, вон до канала Москва — Клязьма, три километра.

— На госбензин? — вскричал Тараканов.— На госбензин бандитов возишь?!

— А мне что? Время у меня было. Пассажир есть пассажир, а на бензин они мне дали.

— Под суд пойдешь,— спокойно пояснил капитан Болдырев.— Гони! К парому!

— Под суд, под суд,— ворчал Басилов.— За что? У меня время свободное, почему бы и не подзаработать? Пассажир есть пассажир, лишь бы платил хорошо и на бензин добавлял. А чего мне, стреляться с ними? У меня и пистолета нет. У Васьки тоже.

— Гони! — кричал капитан.

— Пассажир есть пассажир,— бубнил Басилов.— Довез до парома, там и осадил. Ну, рассчитались все честь по чести, но и я лишнего не просил. Ну, на бензин добавили, стали парома ждать.

— Так они уже на другом берегу! — кричал Тараканов.

— Вряд ли,— сказал Басилов.— Я на всякий случай канат перегрыз.

— Какой канат?

— Паромный.

— Как перегрыз? Зубами, что ли?

— Зачем зубами? — обиделся Басилов.— Напильником.

Глава 14. Тело в канале

Про этот канал рассказывали, что его решил построить еще царь Петр Первый, который затеял снабдить Москву водою из Клязьмы, а уж Клязьму — московскими товарами.

Но все это было вранье и искажение исторической правды.

Строил этот канал действительно Петр, но не Первый, а Перлов — директор заготовительной конторы.

Строить его он начал собственными силами прямо от порога конторы. Налево канал шел к речке Клязьме, направо — к Москве.

К сожалению, канал не дотянулся ни до Москвы, ни до Клязьмы, Петра Перлова уволили, а кусок канала так и остался лежать на земле.

— Паромщик! Паромщик! — кричали два человека, бегая по бетонному берегу канала.

— Канат лопнул! — сварливо отвечал паромщик с того берега.— Ждите починки.

Когда зафырчал, заревел сзади «ГАЗон», Пахан и Зинка кинулись к машине, на которой приехали. Теперь только Басилов мог их выручить.

— Ложись! Все на дно! — приказал капитан.— Басилов, работай!

— Какая уж тут работа? — ворчал Басилов.— Сейчас кокнут — и вся работа. Зачем, дурак, канат перегрыз?

Машина стала, и Квадратная Будка подскакала к окошку.

— Четвертак! — задыхаясь, крикнул Пахан.— Четвертак до Картошина.

— Мало,— зевнул Басилов и прикрыл нос газетой.

— На бензин прибавим.

— Да что вы там прибавите? — твердил Басилов, не высовывая из-под газеты нос.— Прибавят рубль и уже орут: мы прибавили, мы прибавили. Мало. Ясно?

— Червонец добавим! — закричал Пахан.

— Деньги вперед,— сказал Басилов и откуда-то из-под газеты высунул стакан, который оказался почему-то у него под рукой.— Ложи в стакан.

Пахан полез в карман, достал какие-то рубли, стал пересчитывать, и тут капитан со старшиной выскочили из машины и навалились на него.

Вася замешкался. Ему надо было вывести из строя Зинку, но как это сделать? За руки, что ль, ее хватать?! К тому же свербила мысль, что это мамаша Шурочки.

— Ложись, Зинка! — крикнул он.— Ложись! Мы с Шурочкой обо всем договорились!

— Чего? — крикнула Зинка.— Кто?! Ты?

— Ложись! Не лезь в это дело!

Но Зинка в дело влезла немедленно. Она ударила Васе поддых, кинулась к капитану и укусила его за коленку. Капитан ослабил хватку, и Пахан вырвался. Не раздумывая ни секунды, одним махом прямо с бетонного берега он прыгнул в канал.

Его огромное черное тело упало в воду, как куб угля, и сразу пошло на дно.

Долетев до дна, Пахан коснулся его ногами и дико толкнулся вперед и вверх, вынырнул, глотнул воздуха и снова углем рухнул на дно. Он, оказывается, совсем не умел плавать и так, огромными прыжками, отталкиваясь ото дна, передвигался на другой берег.

Напрасно капитан и старшина пытались стрелять. Угадать, где в другой раз выпрыгнет он из воды, было невозможно. То там то сям выныривала вдруг моржовая рожа, фыркала и ухала на дно.

И тут новое тело, не раздеваясь, плюхнулось в канал. Это было тело Васи Куролесова.

Глава 15. Второе убийство

Мокрый и дрожащий, в пиджаке, с которого текло, босиком — ботинки остались на том берегу — Вася сидел в ольховом кусту, поджидая Пахана.

Моржовая будка допрыгала тем временем до берега. Чертыхаясь, на четвереньках Пахан пополз по бетонной плите наверх, к лесу. Он полз и полз прямо к тому кусту, в котором таился Куролесов.

И Вася выступил навстречу, подняв к небу мокрые кулаки.

— У-у-у-у...— дрожал он.— У-у-у-убийца! Это ты убил меня и завалил брюквой? Ты? Отдай мои часики!

— Чего? — потрясенно спросил Пахан, протирая ладонью нефтяные очи.— Кто убил?

— Ты, Пахан-собака, ты убил и брюквой завалил. Отдай мои часики! О, как мне холодно под брюквой, холодно мне... Отдай часы с музыкой!

Вася синел и зеленел прямо на глазах, только нос его оставался по-прежнему белым и лиловым. А над головой Куролесова маячило облако, которое тоже синело, зеленело и дрожало, пугая Пахана.

— Зачем ты убил меня, Пахан? Ведь я же хороший. Я ведь был от Фомича, а ты меня убил, и пуля попала в сердце. На, гляди, что ты наделал,— тут Вася задрал рубаху и показал свой синий живот и совершенно целое сердце.— У-у-у! Убийца ты, Пахан! Каин, зачем ты убил брата своего, Авеля?

У Васи, кажется, начинался настоящий бред.

— А потом пришел Мишка и сказал, что морковь слаще, а папа ударил Петю, потому что Басилов только думает на бензин, когда уже звездочки взошли...

Облако совершенно возмутилось. Оно в первый раз слышало про убийство, потому что зародилось немного позднее. Услышав такое, оно отодвинулось подальше, заволновалось, забурлило и, разогнавшись, изо всей силы въехало Пахану в лоб.

Пахан зашатался.

Удар получился не такой сильный, вроде как диванной подушкой, но сам факт — облако, бьющее по лбу,— потряс Пахана. И действительно видывали мы перистые облака, видывали кучевые. Облако дерущееся — это был первый случай в отечественном облаковедении.

— Облака на меня напускаешь? — прохрипел Пахан, признавая наконец Васю.— Я тебя убил один раз, но полагается дважды.

Он выхватил пистолет и... но пистолет не выхватился. Пахан шарил в мокром кармане.

— Где? Где пушка? — хватался он за пиджак.— Утопла? Пушка утопла!

Да, дорогие читатели, пушка утопла во время адских подводных прыжков, вывалилась из кармана и растворилась в солоноватых водах канала Москва — Клязьма.

— Холодно мне, Пахан,— говорил Вася, икая.— Дай мне горячей брюквы, согрей мне ноги шерстью барса. Спасибо, что ты меня убиваешь во второй раз, дай я обниму тебя.

И Вася пошел к нему, жалобно улыбаясь и протягивая скрюченные пальцы.

Пахан попятился.

В этот самый момент облако разогналось посильнее и только хотело ударить пыльной подушкой, как из кустов выскочила рыжая собачонка маленького роста. Это был Матрос, который вырвался наконец из тюремного заключения. Не раз-

думывая ни секунды, Матрос вцепился Пахану в зад, а облако грохнуло по макушке.

Отбиваясь от облака, стряхивая со штанов Матроса, Пахан пятился назад, к каналу, из вод которого торчали, между прочим, ещё четыре руки, в которых жители деревни Глухово легко опознали бы руки, пилившие березу.

Эпилог

До чего же надоел Куролесову преступный мир со всеми его засадами, погонями, выстрелами!

«Хватит,— думал Вася, отправляясь на электричке в деревню Сычи.— Останусь трактористом, женюсь на Шурочке, станем поросят держать».

Облако Васино летело за ним над электричкой и радовалось, что Вася решил остаться трактористом. Особенно почему-то нравилось облаку, что Вася с Шурочкой станут держать поросят.

Пару недель поработал Вася в колхозе и стал просить отгул. Отгула ему не дали, и Вася, тоскуя, стал писать в Картошин письмо:

«Здравствуй, дорогая Саша!

Отгула мне не дали. А как дадут, я сразу приеду. А сейчас отгула никак не дают. Когда дадут отгул, я сразу приеду, а без отгула приехать не могу, потому что нельзя ехать, раз отгула нету. Не дадим, говорят, отгула, и вот я все жду, а отгула все нет и нет. Если б был отгул, разве же б я сидел? Плохо мне, Саша, без отгула...»

Здесь Вася приостановился, задумался, о чем бы еще написать. Да чего писать, раз отгула нету? Надо кончать письмо и написать, что он ждет ответа. Но как он ждет? С какой силой? Он долго думал и так закончил: «Жду ответа, как темное царство луча света».

Вася отправил письмо, и не успело оно еще доехать до города Картошина, как ему дали отгул.

Вася взял отгул, захватил еще мешок картошки в подарок и поехал в город Картошин. За ним увязался Матрос и, конечно, облако.

Вася легко разыскал улицу Сергеева-Ценского, дом 8, стукнул в дверь.

— Саша! Здравствуй! Вот и я, наконец! А это тебе мешок картошки в подарок!

— Вася! — обрадовалась Шурочка.— Заходи! Заходи! Помнишь, как мы с тобой целовались?

— Конечно, помню,— сурово отвечал Куролесов.— Как такое забыть? Огурцы-то еще не все съела?

— Кажется, один огурец остался!

Вася прошел в комнату, и облако шмыгнуло за ним, а Матрос остался на крыльце.

В комнате было уютно, а на диване сидел человек в синих носках, который хрумкал каким-то огурцом. Облако заволновалось.

— Познакомься, Вася, это мой муж Николай Иванович, тоже огурцы любит. Кажется, он и съел последний огурец. Коль, ты что, последний съел?

— Слушай, Шурк,— сказал Николай Иванович,— жрать охота, а, кроме огурцов, в доме нет ничего.

— Как это нет?! Вон Вася мешок картошки привез!

— Неужто? — закричал Николай Иванович и подскочил от счастья на диване.— Давай сварим скорее в мундире! Вася, милый, садись на диван.

— Спасибо, спасибо,— солидно говорил Куролесов.— А я думаю: дай зайду, погляжу, как Шурочка живет, картошечки подброшу.

Пока Васю усаживали да варили картошку, облако поболталось по комнате, отыскивая свою вторую половину, но ничего не нашло и вылетело через форточку на улицу. Тут оно и улеглось на крыльце рядом с Матросом.

— Вася! Приезжай к нам еще! — требовал Николай Иванович, поедая уже сваренную картошку.— Мы с Шурочкой гостей любим.

— Слушай, Саша,— сказал Вася,— а как насчет облака? Ну, помнишь, которое раздвоилось?

— А я его засушила и положила в книгу. Вроде как цветок.

— В какую еще книгу?

— «Приключения Васи Куролесова». Читал?

— Просматривал. А мое облако еще дышит и летает.

— Ну, Васьк, ты тоже не прав. Я долго ждала, облако и засохло.

— Какое еще облако? — требовал пояснений Николай Иванович.— Ешьте картошку, черти! Вкусная!

— Синеглазка,— отвечал Вася.— Ну, я пошел, мне надо еще в магазин «Канцтовары».

Шурочка вышла проводить его на крыльцо.

— А нашу улицу переименовывают,— сказала она.— Вместо Сергеева-Ценского будет просто Сергеева, тоже писатель такой есть. Леонид.

— И в Карманове переименовывают,— сказал Вася.— Там будет просто Ценского. Правда, такого писателя, кажется, еще нету.

— Будет! — торжественно сказала Шурочка.

— А бак-то где? — спросил Вася.— Где бак из-под огурцов?

— А мы в нем теперь белье мочим.

— Вот здорово! — сказал Вася и засмеялся.

Так, смеясь над баком, он и расстался с Шурочкой и пошел по городу Картошину. Хороший был, между прочим, город. Акации! Шиповник! Каланча! Ого! Здесь можно жить!

Так и шел Вася по городу Картошину, а над ним плыло его облако, и бежал за пятками Матрос.

— А может, все-таки в милицию? — думал Куролесов.— Пойти и отдаться в руки капитану! Ладно, дай хоть загляну ненадолго в Карманов.

Вася вышел на дорогу, по которой мчались машины и велосипеды, и зашагал по обочине к городу Карманову, но, к удивлению, он попал под вечер в город Курск.

Чего никак не скажешь про нашего любимого гражданина Лошакова.

Он-то как раз подходил к городу Карманову, только с другой стороны.

Марина МОСКВИНА

КТО СОЧИНИЛ ПОВЕСТЬ?

Вот я и спрашиваю: повесть прочитали, а кто ее сочинил? Что за человек?

Иной пионер скажет:

— Братцы дорогие, какая разница? Была бы ВЕЩЬ! А там хоть трава не расти!..

А другой ответит:

— Писатель Юрий Коваль — личность небезызвестная. Читали, читали его повести и рассказы «Алый», «Чистый Дор», «Кепка с карасями», «Недопесок», «Пять похищенных монахов»... Да у вас же в журнале читали мы «Самую легкую лодку в мире» и «Полынные сказки»... И с Васей Куролесовым встречались в «Приключениях Васи Куролесова». Хотя с Васей так здорово-живешь — не встретишься. Уж очень он в библиотеках нарасхват. И как нельзя более кстати подоспели новые Васины приключения.

С неодобрением взглянем мы, друзья, на того пионера, который сказал «какая разница?». И с удовольствием взглянем на его товарища. Потому что, как говорится в древнем... кажется... греческом изречении: народ должен знать своего героя в лицо.

Не было у меня в детстве такого писателя — Юрия Коваля. И в переходном возрасте не было. А уж когда я выросла и взматерела, он появился. Случилось это в Москве в Доме учителя. Он там на вечере, посвященном самому себе, читал рассказ «Клеенка».

Волнуясь у магазина — в предвкушении клеенки,— возник в моей жизни дядя Зуй. Бушевала Мирониха — требовала пять метров. Молила о метре семидесяти тетка Ксения. Колька Дрождев, механизатор, прознав, что клеенка не с волчьими ягодами, а с васильками, прибрал без остатка остаток.

И только дядя Зуй — он больше всех ее хотел, он ею Нюрку собирался осчастливить, он, красотой этой клеенки ослепленный, весь свой отрез роздал — до последнего сантиметра.

В памяти всплыла рыба, которой Иисус Христос накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей.

Скромного куска дядизуевой клеенки хватило озарить целый Чистый Дор.

И вот недавно вышла толстая синяя книжка — «Избранное» Коваля. И там я встретила этот рассказ «Клеенка», как хорошего приятеля! Мы с ним не виделись лет восемь. А он не померк. Наоборот! В нем не пропали ядреный клееночный запах, чудесная странность, накал препирательств чистодорчан, и я снова обрадовалась, прочитав, что на прилавке край рулона «был открыт взглядам и горел ясно, будто кусок неба, увиденный со дна колодца».

Много больших и маленьких радостей на каждом шагу подстерегает нас в книжках Коваля. Наверное, и у него самого, когда он пишет, сердце радуется.

Вот радиоприемник. Оттуда доносятся музыка и пение. Дикарь посмотрит — подумает: тут сидит оркестр, живые люди. А человек цивилизованный откроет крышечку — там разные оловянные штучки и разноцветные проволочки. Видно, как мастер корпел, закручивал, паял.

Видно ли, как Юрий Коваль настраивает действие? Как он его сгущает, закручивает? Глядишь-то пристрастным глазом. Чем черт не шутит, вдруг уловишь: КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ...

То вроде покажется — вижу! А не ровен час вижу, что не вижу. Особенно где плачу или смеюсь.

— Эта книжка грустно кончилась,— сказал мой сын, прочитав «Алого». — Пес умер. А Кошкин не знал, что он умер, и говорил: «Погоди, вот посылку получим, коржики...» А я бы сделал так: вызвали САМОГО-САМОГО ЛУЧШЕГО ВРАЧА, и он Алого вылечил. Я дальше хочу — про его жизнь с Кошкиным!..

Какие проволочки, какие оловянные штучки? Живой Юрий Коваль сидит в радиоприемнике и берет аккорды слов на каком-то неведомом струнном.

«БИДОН ПАДАЛ В ПРОПАСТЬ, СЛОВНО ОГРОМНЫЙ СИЯЮЩИЙ СВИСТОК...» «Я ПЛЫЛ ПО ЯЛМЕ...» «КУМ ОКУЧИВАЛ КАРТОШКУ...» «ТОЛЬКО ОГНЕННЫЙ КАПИТАН КЛЮКВИН ВЕСЕЛИЛ ГЛАЗ...»

Он, что ли, камешки во рту перекатывает, когда пишет? Как слово КЛЮКВИН подлетает к небу, до чего оно славное на вид и заслуживающее внимания уха.

Говорят, Коваль в детской литературе был, как глоток свободы, когда он появился.

Перво-наперво он провозгласил, что человек человеку — племянник. ДОР — РОД человеческий, и Коваль говорит: он Чистый. «Если б инопланетяне прочитали Коваля,— сказала писатель Дина Рубина,— они бы прониклись симпатией к землянам!»

Он храбро заметил, что ЧУЖАЯ земля такая же, как наша, КОРИЧНЕВАЯ.

Его герои одержимы независимостью. О недопесок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех! Если б я, будучи подростком, узнала историю о Вашем дерзком побеге со зверофермы, как здорово поддержал бы меня Ваш нос, что б там ни было, точно обращенный на север.

Какая-то неподкупность на колбасу свойственна героям Коваля.

Да и сама мечта про тельняшку и зуб золотой, о бамбуковой лодке «Одуванчик», а не стать важным директором, намекает на то, что писатель Коваль и дошкольник Серпокрылов (спаситель недопеска) — из одной команды. Солдат ли он или генералиссимус, ни от кого, кроме Серпокрылова, не зависит.

Раз как-то Юрий Коваль показал мне монокулярчик. Ну, это вроде одноглазого бинокля. Красненький такой, изогнутой формы, на кожаном ремешке. В одну сторону повернешь — все вверх ногами, в другую — нормально и в то же самое время ненормально. Особенный вид открывается, непривычный.

С завистью разглядывала я его монокулярчик.

— Не завидуй,— сказал Юрий Коваль.— Когда тебе исполнится пятьдесят лет, я тебе тоже такой подарю...

О Орион! Взглянуть на Вас в монокулярчик Коваля — вот было бы дело! На таволгу, на дудник, на реку Сестру, на друга сердечного Леву Лебедева, на язей, на Цыпину гору и Серебряничный переулок!..

Автор крылатого выражения «Каждый сам Коваль своего счастья», критик и прозаик Леонид Бахнов однажды абсолютно в шутку заметил о знатоке всех звезд, созвездий и туманностей, возможно, даже «черных дыр» — Юрии Ковале:

— Шли мы под вечер, а Юра мне и говорит: «Видишь, Лень, созвездие? ЭТО БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА».

— Не может быть! — вскричал Коваль.— Я тогда показал ему, наверное, Гончих Псов или Волопаса!..

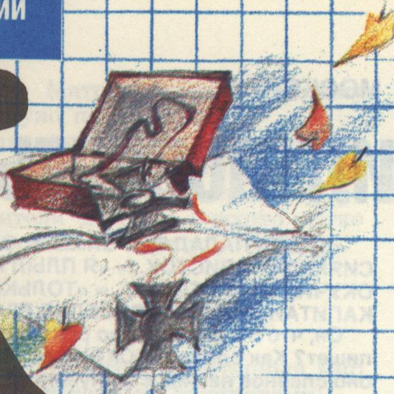
В Москве дули ветры с Деловитого океана. Юра стоял на юру, над ним нависла Большая Медведица. Казалось, он сейчас протянет руку и отодвинет ее от себя — за общеизвестность.

Есть вещи, над которыми не шутит даже Коваль.

— А теперь напиши о светлом наборе Коваля! — говорит тут мне под руку художник Леонид Тишков, тот самый, который нарисовал картинки к захватывающему детективу «Промах гражданина Лошакова».

— Текст лежит не кирпичом,— пояснил он свою мысль.— Преобладает белая бумага, а не черные буквы. Читать Коваля неутомительно для глаза. Начал предложение, а вот уже и конец. Только иногда, чтобы подчеркнуть поэтическую метафору, он удлиняет фразу, растягивает, как мехи гармони, а в конце дает щемящую, пронзительную ноту. И цитирует:

— «Зачем ты убил меня, Пахан? Ведь я же хороший. Я ведь был от Фомича, а ты меня убил, и пуля попала в сердце. На, гляди, что ты наделал.— Тут Вася задрал рубаху и показал свой синий живот и совершенно целое сердце».

КАПИТАН. О чем вы задумались, юнга?

ЮНГА. Виноват, капитан. Вы же помните — «взойдя на трепещущий мостик, вспоминаешь покинутый порт...»

КАПИТАН. Я вижу, вы запомнили наизусть стихотворение «Капитаны» Николая Степановича Гумилева, которое мы предложили ребятам в первом номере за этот год в качестве литературной загадки. Расскажите, как наши читатели справились с задачей? Угадали автора, разузнали о нем что-нибудь?

ЮНГА. Понимаете, капитан... Дело в том, что вслед за нашей «загадкой» в «Пионерке» появилось это же стихотворение с краткой биографией Николая Гумилева.

КАПИТАН. М-да, не знал, не знал...

ЮНГА. Очень многие просто дословно переписали заметку из газеты и прислали нам. А некоторые даже переписывать не стали, а вырезали и вложили в конверт.

КАПИТАН. Ну что ж, не вижу в этом ничего ужасного. Наоборот, хорошо, что стихи запомнились ребятам, загадка наша увлекла, и, быть может, не только простотой решения... А других ответов не было?

ЮНГА. Некоторым ребятам удалось достать книжку Гумилева, вышедшую в прошлом году в «Детской литературе», где более подробно рассказывается о поэте. Пожалуй, самые обширные познания в биографии Гумилева проявили Соня Каменнова из Волгограда и Катя Цецура из Кировабада. А Нина Жидкова из Кишинева рассказала нам, что давно уже читает Гумилева и что ее любимое стихотворение «Жираф».

КАПИТАН. О Гумилеве знают у нас пока немного, хотя он был фигурой легендарной и жизнь прожил яркую и необыкновенную. Я думаю, ребятам, которым стихи понравились и они захотели, как Илья Болтнев из Москвы, побольше узнать об их авторе, можно посоветовать взять в библиотеке книги Гумилева[1], а также прочесть некоторые статьи о нем, вышедшие в газетах и журналах[2].

ЮНГА. А я уже был в библиотеке, капитан. Книги Гумилева — большой дефицит, но мне удалось все-таки кое-что прочесть. Знаете, какое стихотворение мне понравилось? «Жираф» из книги поэта «Романтические цветы». Помните?

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

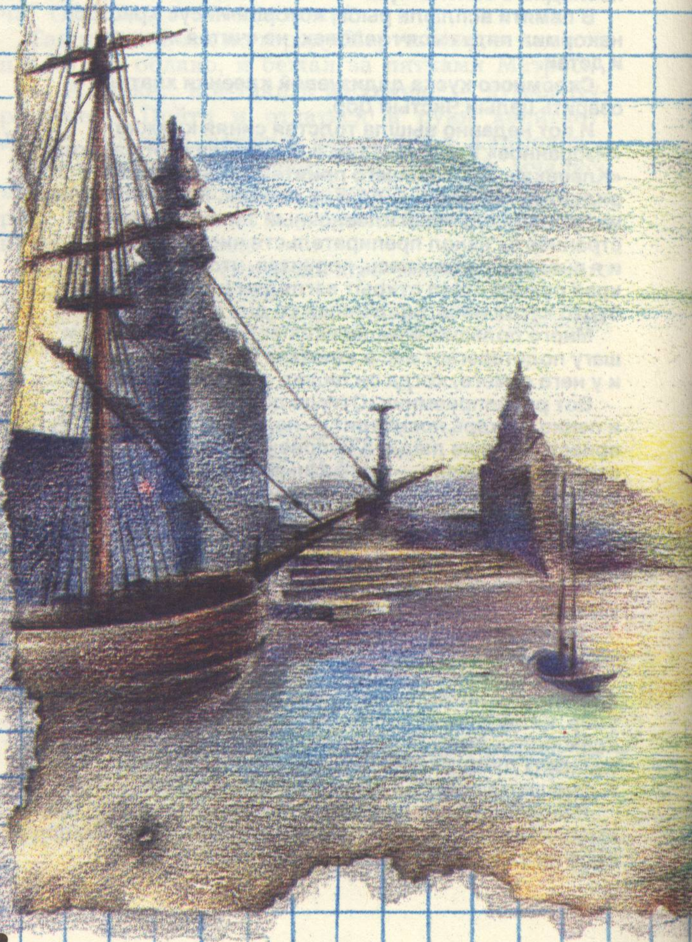
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

КАПИТАН. Я вижу, юнга, что Гумилев заинтересовал вас и наших читателей. А что пишут ребята про стихи Всеволода Некрасова, опубликованные в том же первом номере нашего журнала за этот год? Вы мне говорили, что получили много писем на эту тему.

[1] Н. Гумилев. КАПИТАНЫ. (Для ср. шк. возр.) Ленинград, Детская литература, 1988 г.
Н. Гумилев. СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ. Ленинград, Советский писатель, 1988 г.
Н. Гумилев. ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. Москва, «Правда», 1988 г.

[2] «Литературная газета» от 14 мая 1986 г. Статья Е. Евтушенко «Возвращение поэзии Гумилева».
Журнал «Вокруг света», 1988 г., № 2. Статья «Нетерпение достичь Харар: по маршруту путешествия Гумилева в Эфиопию».
Журнал «Простор», 1987 г. № 10. Статья «Трудная судьба поэта».
Журнал «Урал», 1988 г., № 2. А. Толстой. «Н. Гумилев». Воспоминания.

ЮНГА. Да так как-то...

КАПИТАН. Юнга, отвечайте прямо.

ЮНГА. Вообще-то некоторые читатели прислали очень сердитые письма. Вот послушайте, капитан, я прочту вам несколько отрывков: «Мы очень недовольны, что пишут такую чушь в «Пионере!», «Печатайте Пушкина, Лермонтова, Есенина, но не эту чепуху!!!», «Чему учат эти стихотворения, от них нет никакой пользы». И, знаете, возмущенные письма прислали даже некоторые взрослые.

КАПИТАН. Ну, взрослые привыкли за долгие годы, что все стихи, не отвечающие неким «стандартам», объявлялись чуждыми, порочащими строй и не достойными публикации. Вот и стихи Всеволода Николаевича Некрасова не печатали больше двадцати лет, несмотря на то что ценители поэзии давно уже знали и любили его творчество.

ЮНГА. Мне, честно признаться, стихи Некрасова были тоже не совсем понятны.

КАПИТАН. Надо ли объяснять стихи? Мы ведь не навязываем читателям «Пионера» ничьих вкусов, мы только хотим раздвинуть представление о поэзии, углубить его. Как вы думаете, юнга, что бы они сказали, если б прочли стихотворение японского средневекового поэта:

Вот листок упал,
Вот другой летит листок
В вихре ледяном...

КАПИТАН. А ведь в Японии существует поэтическая традиция таких трех- и пятистиший. Они называются танка и хокку.

ЮНГА. Знаете, капитан, некоторые читатели сердито писали в своих письмах: «Так и мы можем» — и присылали свои стихи, подражающие поэтической манере Некрасова. Вот, к примеру, одна девочка написала:

Любовь, любовь, любовь,
Любовь, любовь, любовь,
Любовь, любовь, любовь,
И вот настала первая любовь.

КАПИТАН. Ну что ж, мне это стихотворение нравится не меньше многих других из почты «Кораблика». Всеволод Некрасов предлагает непредвзятому читателю новое поэтическое пространство, в котором возможна игра, шутка. Наши сердитые читатели, приславшие свои «пародии», невольно в эту игру включились. Во всяком случае, эта публикация привлекла внимание ребят, заставила их заняться литературной критикой и поэтическими упражнениями. Настало время следующей задачи. Вы подобрали что-нибудь, юнга?

ЮНГА. Я недавно прочел два стихотворения, которые мне понравились, может, и у наших читателей они встретят отклик. Пусть напишут, кто их автор и все, что узнают о нем.

* * *

Ты, меня любивший фальшью
Истины — и правдой лжи,
Ты, меня любивший — дальше
Некуда! — За рубежи!

Ты, меня любивший дольше
Времени.— Десницы взмах! —
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

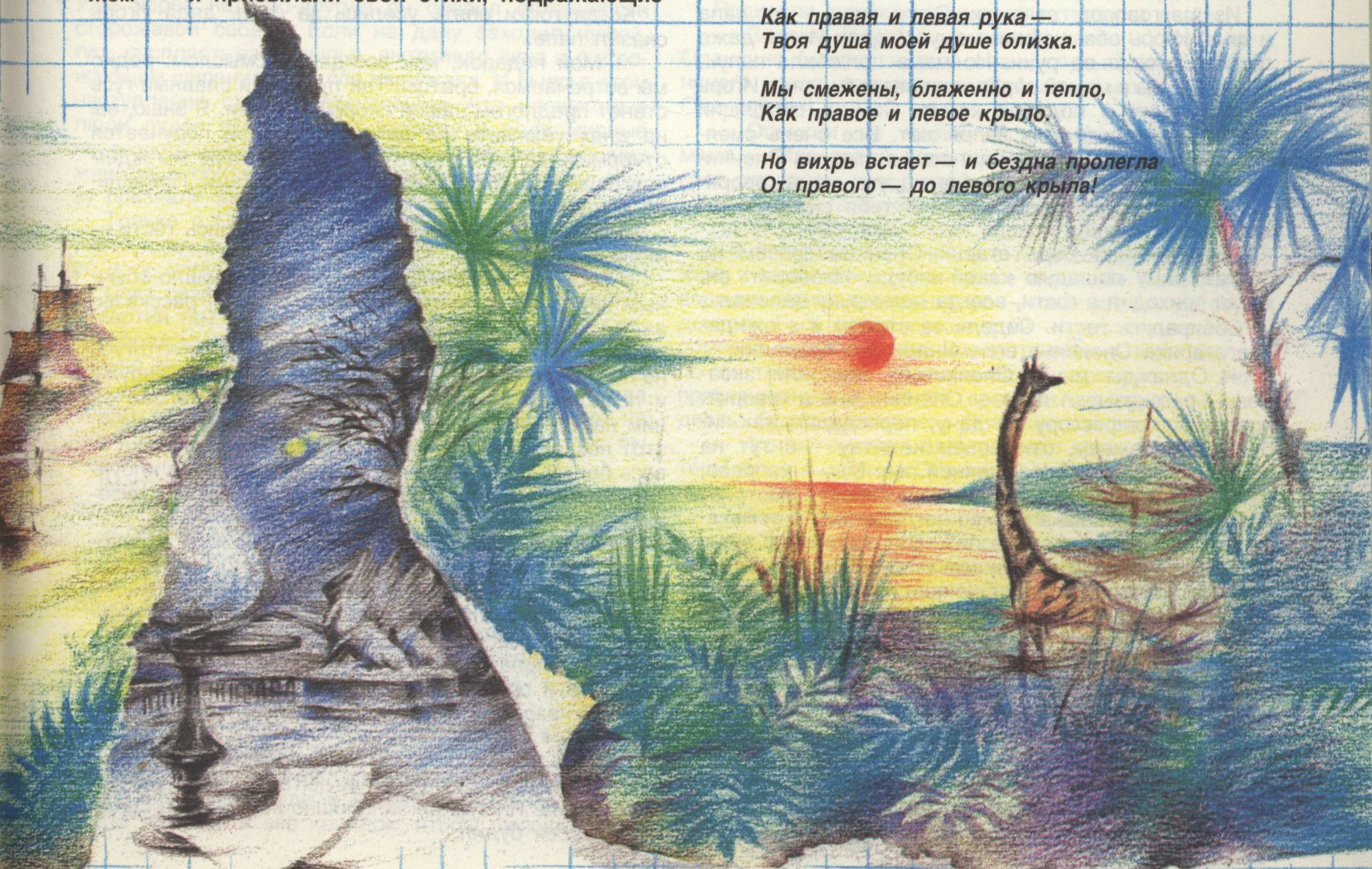

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ.

Сергей МАКЕЕВ

ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ

РАССКАЗ

Папа повязывал галстук перед зеркалом в ванной. А Сева стоял рядом и смотрел. И вот, когда узел получился ладный и аккуратный, папа вдруг сдернул галстук с шеи и воскликнул:

— Да что это я? На работу собираюсь, что ли? Ведь сегодня будут только свои, старая студенческая компания...

День рождения у папы только раз в году. А жаль! В этот день собираются папины друзья еще по институту. Они читают стихи собственного сочинения, поют смешные студенческие песни... Сева просто не узнавал своих родителей — такими они становились молодыми, озорными. Ни дать, ни взять — студенты. Или, как говорил папа, «студьоузы».

— Интересно, что придумает на этот раз старик Опенкин? — сказал папа, расставляя на праздничном столе тарелки.

— Как всегда, какую-нибудь глупость несусветную! — отозвалась мама из кухни.

Зря она так. Севе как раз особенно нравился дядя Игорь — «старик Опенкин». Дядя Игорь со всеми запросто. А какой выдумщик!

— Ну сколько можно сердиться? — сказал папа маме.— Все не можешь ему простить тот нелепый свадебный подарок? Давно пора забыть...

Мама промолчала.

Из разговоров старших Сева знал, что папа и дядя Игорь оба любили маму. И дядя Игорь даже первым просил ее руки. Но мама полюбила папу... А когда папа с мамой справляли свадьбу, дядя Игорь притащил им в подарок хомут. Самый настоящий хомут, в который коня запрягают. Все очень смеялись. Только мама рассердилась на старика Опенкина. И сколько папа ни защищал друга, мама говорила: «Знаешь, как-то обидно, что тебя считают домашней скотиной!»

Зря она так! Ведь старик Опенкин совсем не считал маму лошадью какой-нибудь. Наоборот: он, когда приходил в гости, всегда маме руку целовал...

Собирались гости. Сидели за столом и в ожидании старика Опенкина вспоминали его проделки.

— Однажды мы с Опенкиным завалили экзамен,— рассказывал папа.— Опенкин мне и говорит: поедем к профессору на дачу, пересдадим как-нибудь!.. Приезжаем, открываем калитку — и тут на нас бросается огромный цепной пес. Мы — направо, налево, а он нам дорогу загораживает, смотрим, профессор из окошка на нас поглядывает и усмехается: испытывает нас, что ли?.. Вдруг Опенкин встает на четвереньки и с ужасным воем бросается на пса! Тот просто обалдел. Опенкин на него наступает, пес пятится назад и, наконец, трусливо прячется в конуре... Хорошо, что я ухватил Опенкина за штанину, а то покусал бы собачку, честное слово!.. А профессор уже на крыльце нас встречает — зауважал! Понятно, через пять минут пятерки были у нас в кармане.

— А вот еще был случай с Опенкиным...— начал один из папиных друзей. Но раздался звонок в дверь. И все повалили в прихожую встречать опоздавшего гостя.

Сева, конечно, всех опередил и первым распахнул дверь.

На лестничной площадке стоял дядя Игорь, но Сева даже не сразу узнал его — борода, обычно подстриженная и причесанная, сейчас была взлохмачена. В руках он держал корзину, а в ней сидел гусь. Живой!

— Здорово, боярин! — загудел старик Опенкин, напирая на «о».— Проздравляем с днем рождения. Прими, отец родной, от обчества! — и с глубоким поклоном протянул корзинку папе.

Все засмеялись и захлопали в ладоши.

Дядя Игорь уже разделся в прихожей и пригладил бороду.

— Где ж ты добыл такого красавца? — спросил папа.

— Специально в деревню ездил! — похвалился Опенкин.— Ты меня знаешь: для любимого дружка — хоть сережку из ушка!

Гусь, как будто в подтверждение, загоготал.

Старые друзья обнялись.

Папа передал корзину с гусем Севе. Голова на длинной шее торчала из корзины, как перископ подводной лодки. Гусь встревоженно оглядывал шумное сборище, и было видно, что ему не по себе. И все-таки он высоко и горделиво держал голову.

Когда гости опять уселись за стол, дядя Игорь сказал папе:

— Мой подарок, как всегда, со смыслом: редко мы встречаемся, братцы! Так пусть сей славный гусь станет предлогом нашей скорой встречи. Я знаю, вы на днях уезжаете на дачу. Вот вам и поручается откормить за лето эту птицу. А в сентябре мы ждем приглашения на жареного гуся с яблоками. Правильно я говорю?

— Правильно, правильно,— согласились гости.— Молодец, Опенкин!

И веселье на папином дне рождения пошло обычным чередом: друзья пели, читали стихи, рассказывали смешные анекдоты...

Только Севы не было за столом. Потому что гусь не пожелал оставаться в корзинке, выбрался наружу и пошел осматривать квартиру. А Сева ползал за ним на коленках по всему дому... Он был забавный, этот незваный гость, и напоминал Севе снеговика — весь белый, а нос морковкой. Лапы — точно в клоунских башмаках. Или в огромных тапках, какие в музеях выдают...

Наверное, гусь совершенно измучился от далекого путешествия и новых впечатлений. Он залез под кровать Севы, сунул голову под крыло и уснул... Сева разделся и тоже тихо лег, чтобы не потревожить нового соседа.

Мама зашла пожелать ему спокойной ночи. Сева обнял ее и прошептал:

— Я назову его Мартин. Помнишь, как в сказке про Нильса...

Первые дни гусь вел себя неспокойно — часто гоготал, махал крыльями и пытался взлететь на подоконник. Иногда он заполошно вскрикивал среди ночи и всех будил.

— Чего-то ему не хватает,— сказала мама.— Может быть, его искупать? Ведь он водоплавающий!

Мама с Севой наполнили ванну до краев и принесли Мартина. Но гусь с отчаянным упорством вырывался и лезть в ванну не желал. Он шипел и бил Севу жестким, как фанера, крылом... Больше таких опытов не устраивали.

Постепенно Мартин обвыкся в городской квартире и доставлял хозяевам не больше хлопот, чем какая-нибудь кошка.

и друг друга. Старик Опенкин кричал, и голос его звенел по всей комнате:

— Привет, старик! Не зажал ли ты нашего гуся?.. Тогда жди нас в воскресенье... Ну, будь!

Папа все еще держал трубку в руке. Частые гудки плыли по комнате. И в такт гудкам часто билось Севино сердце. Он выбежал из комнаты.

Мама с папой переглянулись.

Они тихонько приоткрыли дверь в комнату сына. Сева сидел на полу и обнимал Мартина за шею.

А с приходом лета семья переехала на дачу.

Мартину здесь понравилось: хорошо, просторно. Уже через неделю-другую он освоил обязанности сторожевой собаки. Если на дачу заходил чужой, гусь распластывал крылья, вытягивал шею и с угрожающим шипением мчался на чужака. И было в этом наступлении столько бесстрашия, что незнакомые люди пулей вылетали за калитку и вели мирные переговоры через забор... Что же касается домашних животных, обитающих в дачном поселке, то они сразу признали Мартина царем зверей.

Только с Севой гусь Мартин был ласковым. Он часто клал ему голову на колени. Или терся щекой об ногу, упруго изгибая сильную шею.

Сева разведал небольшой пруд на краю поселка, и Мартин там с удовольствием плавал. На плаву гусь преображался и величаво скользил по воде. Куда только девалась его неуклюжая походка вразвалочку!.. Только когда Мартин вышел на берег, Сева понял, почему гуси так чудно ходят: гусь делает на суше не шаги, а гребки. Он и на земле как бы плывет...

Мартин следовал за мальчиком повсюду, даже на поле, где хозяин играл с друзьями в футбол.

В общем, Мартин сделался всеобщим любимцем. И папа как-то раз заметил:

— Да-а, жалко будет такого умницу... того, в духовку...

В этот момент Сева держал Мартина на руках. И руки у него опустились. Гусь шмякнулся на пол и недовольно крякнул — чего бросаетесь? — сердито встряхнулся и вышел из комнаты.

Близилась осень. Семья вернулась в город.

Однажды вечером позвонил дядя Игорь. Он, как всегда, говорил во весь голос — привычка студенческого общежития, где в комнатах жили по двенадцать человек и все кричали, чтобы слышать себя

— Если бы я был маленьким, как Нильс,— шептал он,— мы бы улетели отсюда... далеко-далеко....

Родители так же незаметно затворили дверь.

— Знаешь, ты права,— сказал папа.— У старика Опенкина бывают иногда очень глупые затеи... Ну, ничего, дело поправимое. Сейчас обзвоню наших. Они поймут!

— Опенкин не поймет,— убежденно сказала мама.— Мне порой кажется, что он больше любит свои сюрпризы, чем людей, которым их преподносит. Обидится он, вот увидишь...

На этот раз промолчал папа.

...В воскресенье у них все-таки собрались гости. Хотя и не было на столе гуся с яблоками. Зато была вареная картошка в мундире — любимое блюдо студентов. Был пирог с капустой — тесто для него помогал месить Сева. И настроение у всех было почти такое, как на папином дне рождения... Но приглашенные время от времени поглядывали на дверь, будто ждали, что Опенкин все же явится.

— А знаете что,— вдруг сказал папа,— собирайтесь! Айда к старику Опенкину. Небось, сидит один, надувшись...

— А что, поехали! — закричали все и повскакивали с мест. Папа распоряжался: велел собрать угощение со стола, кого-то послал на улицу ловить такси...

— А кто побудет с Севой? — забеспокоилась мама.

— Берем его с собой!

— А Мартин? — забеспокоился Сева.

— Он остается в доме за главного! — Папа строго посмотрел на гуся и серьезно спросил: — Справишься, гусь лапчатый?

Мартин слегка растопырил крылья, словно подбоченился, и, глядя папе прямо в глаза, ответил коротко и ясно: «Га!»

И это очень напоминало слово «да».

Рисунок А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Тим. СОБАКИН

ЧТО СНИТСЯ ФОНАРЯМ

От зари и до зари
ночью светят фонари.
В темноте молчат друзья —
По ночам шуметь нельзя!
В это время снится нам
день веселый —
шум и гам...
Карусель. Велосипед.
И сиреневый букет.

На рассвете тает ночь —
Отдохнуть она не прочь.
Фонари ложатся спать.
Новый день шумит опять!
И приснится фонарям:
Ночь гуляет по дворам,
Крепко спят
река и мост,
а над ними —
стаи звезд...
Темнота и тишина.
И пятнистая луна.

УСТАЛЫЙ СНЕГ

Светлой ночью шел,
шел
снег.
Долгой ночью шел,
шел
снег.
А наутро снег
вдруг
лег
на обочины
до-
рог.
Лег на поезд и
вок-
зал,
на корабль и
при-
чал...

Потому что шел
всю
ночь,
потому что снег
устал.

В МИРЕ ОБЛАКОВ

Жалко мне,
что я не птица,
а Сережа Каблуков!
Я хотел бы очутиться
в мире белых облаков.

В этом мире
много места —
весь воздушный океан!
Вот из облачного теста
возникает Великан.
Мимо звери проплывают
всех моделей,
всех систем —
и которые бывают,
и которых нет совсем...

Мы шагаем с Великаном
через воздух напрямик.
Ветер носит облака нам,
повторяя каждый миг:
«Не бывает тут покоя,
и поспорить я готов:
все огромное такое
в мире белых облаков!»

Спорить с ветром
я не стану,
наблюдая,
как внизу
кит плывет по океану,
точно перышко в тазу.

Аркадий ПАЛЬМ

ТАЙНА ОСТРОВА ОУК

Осень 1795 года. Североамериканская Новая Шотландия. Побережье Северной Атлантики — поблизости город Галифакс. Трое подростков — Джон Смит, Этони Воган и Даниэль Макджинис — играют в индейцев. Вот они высаживаются на небольшой островок Оук, что расположен недалеко от побережья. Свежий бриз срывает с дубов желтые листья. Перекликаются дневные птицы. Все дальше и дальше в глубь острова забираются мальчишки. Стрелы их луков падают возле гигантского дерева. Ребята подходят ближе. Что это? Кто отпилил узловатую ветвь на дубе и что могут означать полуистлевшие корабельные тали на ней? Внимательно оглядевшись, ребята обнаруживают, что в нескольких шагах от дуба земля просела. «Пиратский клад!» — решили мальчишки.

На следующее утро, вооружившись заступами, ребята вновь отправились на Оук, конечно же, за золотом. У них и мыслей иных нет. Удача сопутствует мальчишкам. Через часдругой заступы уткнулись в слой каменных плит. С трудом разобрав их, они увидели отверстие. Подземный ход?! Клад, несомненно, сам шел в руки. Удачей можно было бы считать платформу из дубовых бревен, обнаруженную на некоторой глубине. Но что за дьявольщина! Бревна слишком тяжелы, их просто так не поднять. Тем более пробка из бревен оказалась необычайно толстой. Подростки поступили благоразумно: они прекратили поиск, замаскировали раскопы и дали клятву вернуться сюда, когда станут постарше и посильней.

Минуло девять лет. И вот молодые люди вновь возле таинственного места.

Проходили в работе сутки за сутками. На глубине около двадцати четырех метров кладоискателей поджидала неожиданность. Они обнаружили странную кладку из древесного угля, насыпанного на циновки из кокосового волокна и манильской пеньки. Странная прокладка была тщательно обработана корабельной шпаклевкой. «Пиратский почерк»,— решили друзья и продолжили раскопки «денежной шахты».

Тогда они так и не нашли сокровищ. Лишь продолговатый плоский камень достался молодым людям. Они извлекли камень из-под циновок, дивясь нанесенным на него таинственным письменам. Позже он исчез. Но осталась фотография загадочной надписи, обошедшая впоследствии многие газеты и журналы мира.

Раскроем теперь номер газеты, издававшейся в Галифаксе в 1894 году, и прочтем: «Сегодня и ежедневно без выходных — пароходные рейсы к Острову Сокровищ». Небольшой островок Оук наводняет толпа кладоискателей.

1895 год. Ровно сто лет как продолжаются поиски сокровищ. Остров перекопан вдоль и поперек. Исчезла сама «денежная шахта», на ее месте трясина. Распространено поверье, что остров отдаст свой клад, как только упадет последний дуб. Гигантская дубрава тает изо дня в день.

1897 год. «Денежная шахта» откопана заново. Рядом с ней по периметру возникло еще три десятка шахт.

1898 год. Сенсация: «денежная шахта» сообщается с морем системой туннелей. Гудят буровые станки. Обнаружен обрывок пергамента с едва различимыми буквами. Найден треугольник, выложенный из камня. Вершина его указывает на «денежную шахту».

1909 год. Предприняты попытки опустить на глубину кессон с водолазами. Безуспешно.

1912 год. Пользуется популярностью гипотеза о железном ящике, набитом золотом.

1935 год. На Оук протянуты линии электропередачи. Гремят взрывы. Гудят насосы, откачивая воду. Результат поисков равен нулю.

1955 год. Остров посещают ясновидцы, лозоискатели[1], медиумы. Никакого толку.

1965 год. За дело берется инженер-нефтяник Данфилд. Мощные экскаваторы делают из шахты глубокую воронку. Оук клада не отдает.

1972 год. В пробуренную скважину опускается телекамера. На экране видна полость, заполненная водой. И вдруг — отрубленная рука!

Руководитель работ опускается вниз в водолазном костюме. Но больше никаких находок.

[1] Лозоискатель — человек, который с помощью ивового прутика умеет обнаруживать пустоты в толще земли.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

Однажды случилось, сержант Виктор Строй нашел в красном уголке казармы старый журнал «Вокруг света» и прочитал в нем об удивительной находке, сделанной тремя подростками на острове Оук. Внимание Строя привлекло письмо, начертанное на камне: сочетание треугольников, черточек, точек, якобы содержащих сведения о месте захоронения клада. Типичная криптограмма. Неужели никто не мог прочитать? Виктор срисовал ее в свой блокнот. Покой был потерян.

Проходили годы. Виктор поселился в Запорожье. Он прочитал множество книг по истории Соединенных Штатов, Англии, Франции XVIII века. То было пестрое время войн, пиратства, торговли «черным деревом» — рабами из Африки. Зачитал до дыр «Остров Сокровищ» Роберта Луиса Стивенсона. Постепенно круг интересов Виктора сужается. Не клад, не золото, а подземные гидротехнические сооружения — вот что главное. Кто их сделал? Он разделяет мнение исследователей о том, что никакими пиратами на острове не пахнет. Пиратам не под силу было сооружение хитроумной системы туннелей, соединивших чрево шахты с морем. Кому они понадобились примерно в 1780 году? Те, кто сооружал водоводы, пользовались компасом, иначе говоря, строители учитывали направления на магнитный и географический полюсы. Зная это, можно было по величине магнитного склонения определить вполне точно дату инженерной постройки — 1780 год. Деталь эта в рассуждениях Виктора Строя оказалась ключевой.

Ведь как расшифровывали криптограмму, найденную тремя молодыми людьми? Тексту придавали тот смысл, который хотели. Мечтали-то о золоте. Вот и получили текст: «Десятью футами ниже лежит два миллиона фунтов стерлингов». Позже надпись на камне взялся расшифровывать профессор Мичиганского университета Росс Вильгельм. У него и вовсе получилась абракадабра. «Начиная с отметки 80 сыпать в водосток маис или просо. Ф.» Среди многих расшифровок обратим внимание на версию кандидата технических наук А. Власова. Вот она: «Здесь плита уровня моря. Золото опущено на расстоянии 162+180 футов отсюда». Хотят авторы того или нет, в их расшифровке слышен голос попугая пирата Сильвера: «Пиастры!»...

Мысль Виктора Строя была обращена к разгадке тайны самого подземелья. Кто мог столь гениально в техническом отношении обручить шахту с морем, снабдив сооружение

ОКТЯБРЬ

пн	2	9	16	23	30
вт	3	10	17	24	31
ср	4	11	18	25	
чт	5	12	19	26	
пт	6	13	20	27	
сб	7	14	21	28	
вс	1	8	15	22	29

Один из самых популярных в мире футболистов — аргентинец Диего Марадона. Многие годы трибуны знаменитых стадионов мира, заполненные неистовыми болельщиками, просто взрывались после того, как Марадона забивал свой очередной гол или проводил блестящий пас. Про этого великого футболиста даже сложены песни.

хитроумным секретом?

Ведь что происходило в Новой Шотландии в конце XVIII века? В Северной Америке бушует война за независимость. Американские войска теснят англичан по всему фронту. Джордж Вашингтон со своей армией грозит осадой Нью-Йорку, где находится большой гарнизон английских солдат. Главнокомандующий британской армией сэр Генри Клинтон вынашивает план отступления в Новую Шотландию к Галифаксу. Здесь еще сохраняется верность английской короне. Вихри сложнейших политических амбиций кружатся подле берегов Северной Атлантики. Клинтон опасается и за казну. По имеющимся данным, британские власти отправили на содержание войск около 17 миллионов фунтов стерлингов. Часть из них была истрачена. Но оставалось еще достаточно много воинской казны, требовавшей сокрытия. На войне как на войне. Можно предположить, что именно инженерное подразделение, входившее в подчинение Клинтона, получило приказ устроить тайник на острове Оук в бухте Махон, позже названной бухтой Смита. Такой тайник и был сделан. Иное дело, были ли в него помещены деньги? А если и были, то остались ли на месте? Или в удобное для Клинтона время вынуты. Этого мы, пожалуй, не узнаем никогда. Но все это действо по сооружению тайника, находка «денежной шахты», ее раскопки породили множество легенд. Легенды остались жить в сознании многих поколений.

А что Виктор Строй? Он предложил английским ученым свое прочтение криптограммы с острова Оук: «Я гидроизолировал меморандум армейской казны в глубине камня. Сноусанк». Впервые названа фамилия инженера, соорудившего «денежную шахту». Может быть, Виктор вернул Англии имя одного из талантливых ее сыновей?

* * *

Как сообщают газеты, на Оук готовится новая экспедиция. А Виктор Строй работает над следующим текстом. Это письмо французского «джентльмена удачи» ла Бюза. Когда его вели на эшафот, он бросил в толпу листок пергамента, крикнув: «Мои сокровища тому, кто прочитает».

Рисунки И. ГАЛИМОВА.

Алексей СТАРИКОВ

Марсианин

Необычен, до смешного странен,
проведя в пути немалый срок,
прилетел на Землю марсианин
и по трапу
из ракеты
стек.

И посадкой мягкою доволен,
он, в большую лужу превратясь,
оградил себя защитным полем
от любых опасностей тотчас.

А пото́м, ландшафт окинув оком
и увидев местный ИВЦ,
что построен был неподалеку,
тут же оказался на крыльце.

Просочившись
в щель дверную споро,
каплевидным стал он, а затем
не спеша потек по коридору
к залу персональных ЭВМ.

И когда, открыв тихонько двери,
он попал в просторный
светлый зал,
то глазам своим с трудом поверил —
столько там мальчишек увидал.

На экранах множества дисплеев
шли бескомпромиссные бои —
школьники сбивали, не жалея...

МАРСИАН НЕСЧАСТНЫХ КОРАБЛИ!

В тишине компьютерного зала
слышен был лишь клавиш перебор...

Звездному пришельцу плохо стало:
он, сгустившись, вытек в коридор,
превратился тут же снова в лужу,
а затем — в стремительный ручей.
И сбежал из ИВЦ наружу,
чтобы быть подальше от людей.

И закрылся вновь в своей ракете.
Грохот дюз.
Все скрылось в пыльной мгле...

Что же на Оранжевой планете
он теперь расскажет о Земле?

А. АНТОНОВ

ПРО НОСЫ

Нос-помощник, нос-помеха,
Нос, трясущийся
от смеха,
Нос-помойка, нос-нахал,
Нос, торчащий
из прорехи,
Нос милого жениха.
Нос с горбинкой,
гордый нос,
Нос, который не дорос.
Нос, потерянный в лесу,
Нос с бровями на носу.
Нос ботинка, корабля,
Нос холеный короля.
Д...д...д...дрожащий нос
цвета «медный купорос».
Нос, налитый,
синей сливой,
Раскрасневшийся,
сопливый,
Слишком длинный,
прищемленный,
Смело в небо
устремленный.
Нос противной суеты,
Нос, засунутый в цветы.
Нос картошкой,
нос хромой,
Сытый, нежный, озорной.
Хобот, кнопка, пылесос —
Это все про нос, про нос!
С носом жить,
остаться с носом,
Носом ткнуть, лупить,
дразнить.
Носом в просо,
просом в носо,
Носом хлюпать и вопить.
Нос рогатый, нос босой,
Нос с зеленой полосой.
Нос зевнул, пошел вперед,
Нос попал в носоворот...

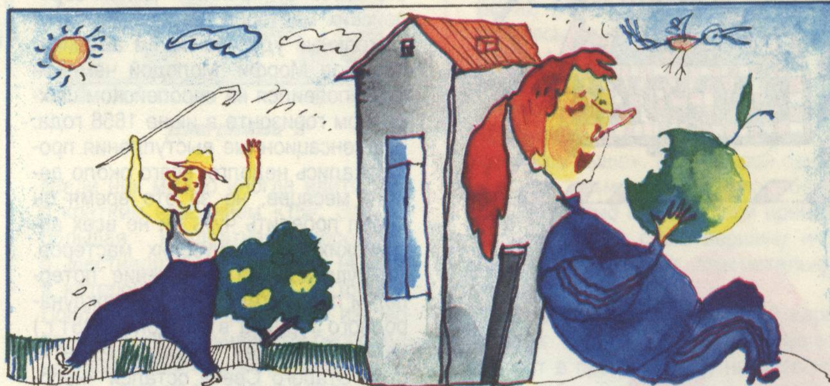
Нос-носенок, нос-носец,
Нос-носище, все — конец!!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМЧИК

Как оказалось, вредные советы может давать не только Григорий Остер. Внимание! Свой вредный совет дает вам шестиклассница Галина Романова из города Волжска:

Если вы нарвали яблок
У соседа в огороде,
И не знаете, куда бы
Их на время положить,
Не давайте их соседу —
Он не скажет вам «спасибо»,
Съешьте вы их лучше сами,
Потихоньку, за углом.

У кого еще есть вредные советы — присылайте! Мы посмотрим, чей вреднее.

Объявление

Сеня Скромный ищет хорошую девочку, чтобы поцеловаться.

Поход в кино (театр), мороженое, посещение кафе и чтение стихов — гарантируются.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

...побывали вчера Лена Д. и Вася В. Там Лена съела три пирожных, кекс, ром-бабу и две конфеты, а Вася еще коржик и несколько бутербродов!

Тяжело было расставаться ребятам с этим прекрасным миром театра...

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

О, АМЕРИКА!

«ДЕДУШКА БЕНДЕР ВОСКЛ Я АМЕРИКЕ ТЧК СКОРО ЖДИ ДОМОЙ ТЧК ТВОЙ ВНУК ОСЯ»,— гласила телеграмма. А вслед за ней в редакцию пришел пакет, обклеенный разноцветными марками, с новым шахматным выпуском. Американским. Молодец, Ося! Он не просто путешествует, а, путешествуя, работает.

МЕТЕОР НА ЕВРОПЕЙСКОМ ГОРИЗОНТЕ

До середины прошлого века споры за звание сильнейшего шахматиста были «внутренним» делом европейских мастеров. Первый и сокрушительный удар нанес им американец Пол Морфи. Молодой чемпион США появился на европейском шахматном горизонте в июне 1858 года. Его сенсационные выступления продолжались недолго, всего около десяти месяцев, но за это время он сумел победить чуть ли не всех английских и французских мастеров. Сокрушительное поражение потерпел и победитель первого международного турнира в Лондоне (1851 г.) немец Андерсен. Среди шахматистов Старого Света остался «непобитым» лишь Стаунтон, под различными предлогами неоднократно уклонявшийся от матча с Морфи и тем самым как бы признававший его превосходство.

Всех любителей шахмат восхищал и разгромный стиль игры Морфи, который всегда предпочитал атаковать, не останавливаясь перед жертвами. За время этих гастролей Морфи сыграл немало великолепных партий, которые изучаются и современными шахматистами. Но, пожалуй, самым известным, даже знаменитым его творением стала партия, сыгранная в октябре 1858 года в парижской опере в антракте «Севильского цирюльника». Обстановка, прямо скажем, для шахматного творчества необычная. Правда, и партнеры были «не те» — сиятельные консультанты герцог Брауншвейгский и граф Изуар.

Морфи — Консультанты
Защита Филидора

1. e4 e5 2. Kf3 d6 3. d4 Cg4? 4. de C:f3 5. Ф:f3 de 6. Cc4 Kf6? 7. Фb3! Фe7. Забавный момент. Белые могли сейчас просто взять пешку, после чего черные затягивали сопротивление, разменивая ферзей — 8. Ф:b7 Фb4 +. Морфи, конечно, отчетливо представлял «класс» игры своих партнеров и спешил закончить партию «до звонка». Впрочем, в подобных открытых позициях он, даже встречаясь с сильными противниками, всегда отдавал предпочтение энергичному развитию фигур, а не скромным или сомнительным материальным приобретениям.

8. Kc3 c6 9. Cg5 b5? Еще одна ошибка, после которой начинается красивая атака с жертвами коня, ладьи и, наконец, ферзя.

10. K:b5! Полезно запомнить такую заповедь шахмат: «имеющий преимущество обязан атаковать», иначе перевес может постепенно испариться.

10... cb 11. C:b5 + Kbd7 12. 0—0—0 Лd8 13. Л:d7! Л:d7 14. Лd1 Фe6 15. C:d7 +. Неплохо и 15. C:f6 Ф:b3 16. C:d7 ×, однако Морфи приготовил более изящный финал.

15... K:d7 16. Фb8 +! K:b8 17. Лd8 ×.

Когда Морфи вернулся в США, его встретил торжественный прием. Однако, к большому сожалению, сильнейший шахматист мира до конца своих дней ни в турнирах, ни в матчах больше не играл...

Каким-то странным и печальным образом через сто с лишним лет его судьбу повторил другой великий американский шахматист — Роберт Фишер. Он завоевал звание чемпиона мира в 1972 году, но после этого не только не сыграл ни одной серьезной партии, но и вообще до сих пор скрывается где-то от всех своих многочисленных поклонников...

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

НОВЫЙ КОНКУРЕНТ

Эта партия, игравшаяся в первом туре первенства, привлекала особое внимание. Чемпионка мира, игравшая черными, встретилась с достойной соперницей. Критический момент наступил после 34-го хода белых.

Диаграмма 1

Здесь черные приняли неожиданное для всех решение: они отдали свою ладью — **34...Лe8.**

Пора открыть секрет: партия эта была сыграна во втором чемпионате мира по шахматам среди электронно-вычислительных машин в 1977 году. Белыми играла американская программа «Дачесс», черными — победительница первого чемпионата наша «Каисса».

Реакция комментаторов на последний ход была однозначной и самодовольной: ну уж, человек ладью так «не зевнет», а чего потребуешь от «железки»...

Быть может, кто-нибудь из читателей подумал точно так же. Не торопитесь с выводами... Посмотрите, как сама «Каисса» мотивировала свое решение: если 34... Kpg7, то 35. Фf8 +!! Kp:f8 36. Ch6 + и 37. Лc8 + с неизбежным матом. Неплохо, и не только для машины — во всяком случае, ни один «белковый» шахматист этого варианта не заметил!

Разумеется, практичнее все же было сыграть 34... Kpg7, поскольку красивый вариант с жертвой ферзя «соперница» могла и не найти.

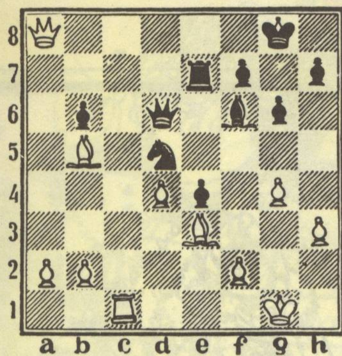

Диаграмма 1

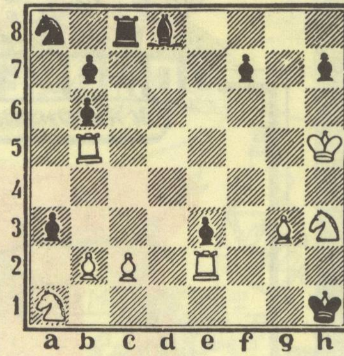

Диаграмма 2

А кроме того, ЭВМ «любит» выигрывать материал, и вполне возможно, что белые предпочли бы не жертвовать ферзя, а выиграть фигуру — 35. g5, но тогда они сами проигрывали — 35... К:е3 36. gf + Ф:f6 37. fe Фg5 + и 38... Ф:b5.

Выходит, тактическая зоркость и чрезмерное «уважение» к партнерше подвели «Каиссу».

Если 15—20 лет назад игра ЭВМ была своеобразной «экзотикой», то сейчас положение радикально изменилось: компьютеры стали сражаться так сильно, что даже гроссмейстеры побаиваются играть с ними в одних турнирах...

«ВСЕ ВЫШЕ...»

Если у кого-нибудь из вас сохранились игрушки ваших родителей, то среди них можно иногда найти игру с кратким названием «15». Это небольшая квадратная коробочка с шестнадцатью гнездами (4 × 4), в которой расположены 15 фишек. Последовательно двигая их из первоначального случайного беспорядка, надо попытаться расположить их четко от 1 до 15. Иногда это удается, частенько — ничего не получается.

Автором этой чрезвычайно популярной в свое время игры был американский математик прошлого века С. Лойд. Но еще больше он прославился как оригинальный и остроумный составитель шахматных задач, которые не потускнели даже за сто с лишним лет.

В том же 1858 году, когда Морфи завоевывал шахматную Европу, Лойд составил такую необычную задачу.

Диаграмма 2

Мат в пять ходов

1. b4. (угрожает 2. Лf5) **1... Лс5 2. bc a2** (иначе 3. Лb1 ×) **3. c6 Cc7** (надеясь на 4. Лd5 С:g3 или 4. Лf5 Cf4) **4. cb** с неизбежным **5. cbФ(С)** ×.

Этой задаче автор дал девиз «Excelsior», что можно перевести как «Все выше». Как и герой одноименной поэмы Лонгфелло, белая пешка упрямо и без потери времени взбирается на свою вершину и за пять ходов делает стремительную карьеру.

В практической игре такой марш-бросок пешки встречается редко. Но вот в прошлом году на Всесоюзном отборочном турнире к 56-му чемпионату СССР уникальная коллекция пополнилась еще одним экземпляром.

Неверов — Зайчик
Волжский гамбит

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 a6 4. Kc3 c5 5. d5 b5 6. Cg5 b4 7. Ke4 d6 8. Фd3 Ce7 9. de C:e6 10. C:f6 gf 11. 0–0–0 Лa7 12. e3 Лd7 13. Фc2 Фa5 14. Kpb1 Kc6 15. Cd3 0–0 16. b3 Фb6 17. Kg3 Лa8 18. C:h7 + Kpf8 19. Cf5 Kd8 20. Фe4 Лda7 21. h4 a5 22. h5 a4 23. h6 ab 24. h7 Kpe8 25. h8Ф + Kpd7 26. C:e6 + fe 27. Лh7 Л:a2 28. Л:e7 + Kpc8 29. Ф:e6 + Kpb8 30. Ф:d6 +. Черные сдались ввиду скорого мата.

Просматривая эту партию, обратите внимание на то, как за пять ходов (быстрее невозможно) белая пешка «h» прорвалась на заветную последнюю горизонталь.

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

— Скажите, пожалуйста, что с этим бедным шахматистом, который возомнил себя Капабланкой?

— Ему уже значительно легче, теперь он считает себя Таррашем.

* * *

Вопрос мастеру:

— Сколько нужно времени, чтобы научиться хорошо играть в шахматы?

— Это зависит от наличия у вас таланта, воли, скромности.

— А если у меня нет этих качеств.

— Пять минут!

* * *

Мальчик смотрит партию гроссмейстеров:

— По-моему, они играют ничуть не лучше меня. Не сделали еще и десяти ходов, а уже проиграли по ферзю!

Рисунок А. БАЛДИНА.

ЧИТАЙ В НОЯБРЕ:
повесть-сказку С. Иванова «Зимняя девочка»,
рассказ В. Порудоминского «Комдив»,
очередные выпуски рубрик «Зеленая карета» и «Клип-клуб».

Сдано в набор 04.08.89.
Подписано к печати 21.08.89. А 00343.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1065.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Дурная поговорка: «Готовь сани летом, а телегу — зимой»,— заметил Винни-Пух.— Почему нельзя все в порядок приводить именно тогда, когда это потребуется?

— Сколько лет на свете живешь,— изумился Матроскин,— а все такой наивный! Во-первых, никогда времени не хватает. Во-вторых, помчишься в магазин за нитками, а там ниток нужного цвета как раз и нету! Вот и будешь сидеть, горевать. Так что поговорка очень для нашей жизни правильная.

Папа Карло поддержал Матроскина:

— Я бы, например, сегодня занялся пушной проблемой.

— Какой-какой? — переспросил Винни-Пух.

— Пушной. Или меховой, если тебе так больше нравится. Зима на носу, а что у нас с шапками и шубами творится? Надо их посмотреть, мех почистить, проветрить...

Пушное дело

— Возьмем овчинный полушубок Домовенка. М-да, оставляет желать лучшего... Но не все потеряно! Вот это засаленное место на самом виду посыпаем тальком и мягкими движениями втираем внутрь. Потом тальк вымываем водой, не замочив самой кожи. Мех, как и кошку с собакой, нельзя гладить против шерсти. Так что моем мех по направлению волоса, сушим и встряхиваем.

— А тут еще такое пятно огромное,— расстроился Домовенок.

— Пятно попробуем взять измором,— пообещал папа Карло.— Притащи-ка мне из мастерской опилки и бутыль с бензином. Смачиваем опилки бензином и натираем этой кашей пятно. Трем, трем...

— А дырки не будет? — забеспокоился хозяин.

— Ни дырки не будет, ни пятна! — завораживающим голосом фокусника произнес папа Карло.— Получай свое обмундирование и больше не пачкай!

Белоснежка принесла свою белую кроличью шубку.

— Белый мех надо чистить манной крупой,— со знанием дела пояснил папа Карло.— Повесь, Белоснежка, свою шубу на вешалку и посыпь манкой. Крупу надо втереть и потом выбить шубу. Если какие-то пятна все же не поддались обработке, стоит потереть их тряпкой, смоченной в бензине. После бензина белый мех следует натереть картофельным крахмалом и через некоторое время как следует встряхнуть.

— Хорошенькая встряска,— заметила Белоснежка.— Шуба как новенькая.

— Погоди, это еще не все,— заметил папа Карло.— Можно довести мех до полного блеска. Для этого надо смочить шубу или шапку глицерином или уксусом и, не давая высохнуть, потереть тряпочкой, смоченной в спирте. Если мех длинноворсный, его можно сразу после этого расчесать. А если это цигейка или каракуль, то лучше подождать, пока мех высохнет. Можно даже погладить мех теплым утюгом через ткань, держа утюг на весу. При глажке мех еще должен быть влажным от нанесенного спирта.

Матроскин, понаблюдав за Домовенком и Белоснежкой, достал с антресолей и свою старую ушанку и критически оглядел ее.

— М-да, пожалуй, манной кашей тут не обойдешься. Кожа вся высохла...

— Не разводи панику,— сурово заметил папа Карло.— Давай отпорем подкладку и приготовим раствор: на один литр воды 50 граммов обыкновенной поваренной соли и одну столовую ложку уксусной эссенции. Этим составом мы смочим мездру, растянем ее и помнем. Пусть она несколько часов полежит, а потом мы ее снова смочим нашей смесью и снова растянем. Если эластичности не прибавится, повтори всю процедуру пару раз. Можно приготовить и специальную эмульсию. Желток растереть со столовой ложкой вазелина, добавить еще пол чайной ложки вазелина и растворить в половине литра теплой воды. Эмульсией тоже надо протереть мездру, просушить при комнатной температуре и размять мех.

Винни-Пух решил, что самое время предложить знаменитому чистильщику папе Карло и свою жилетку «на рыбьем меху», то есть на синтетическом.

Папа Карло внимательно посмотрел и посоветовал:

— Во-первых, надо запомнить, что искусственный мех нельзя чистить ацетоном и уксусной эссенцией, а искусственный каракуль не переносит бензина. Жирные пятна с искусственного меха удаляют смесью из равных частей бензина и крахмала. Кашицу втирают в мех, дают улетучиться бензину и вычищают щеткой оставшийся крахмал. Хорошо действует и бензиновое мыло. Пол-литра воды надо довести до кипения, уменьшить огонь и, непрерывно помешивая, растворить в воде половину куска натертого на терке «Детского» мыла. Если вода будет сильно выкипать, потребуется долить жидкости. Потом смесь остужается, и туда вливается стакан бензина и стакан теплой воды. Это и есть бензиновое мыло. Оно может храниться в плотно закупоренной посудине. Перед употреблением его разбавляют 1:1 теплой водой. Лучше всего использовать щетку с жестким и коротким волосом — обмакнуть ее в бензиновое мыло и тщательно протирать рукава, воротник. Затем вещь следует протереть влажной тряпочкой, просушить при комнатной температуре и осторожно расчесать редким гребнем с тупыми зубьями.

— А я хочу сказать,— вступила в разговор Белоснежка,— что даже из самого старого меха можно скроить и сшить что-нибудь новенькое. Если мех совсем старый, то его можно наклеить на бязь резиновым клеем. Ровным слоем клея промазать бязь и мездру, немного подсушить и сильно прижать бязь сверху к мездре, быстро расправив все морщинки. Шить мех лучше всего нитками нейлоновыми, игла должна быть тонкая, смазанная мылом. Складывая меховые детали волосом внутрь, помните, что он не должен вылезать из-под шва и попадать в отверстие от иглы. Предлагаю вам модель шапочки, у которой козырек и ушки представляют одно целое. Головка из шести клиньев.

Вначале сшейте клинья головки — на швы при крое оставьте припуск 0,3—0,5 см. Для шапки из мягкого меха нужна подкладка — она шьется чуть меньше самой головки. По краю головки пришейте кромку из плотного материала, скроенную по долевой нитке. Готовую подкладку прикрепите в центре и в нескольких местах по швам. Верх головки соединяется с козырьком и ушками швом через край. Потом потайным швом окончательно пришивается подкладка. Еще имейте в виду, что старый мех годится на стельки, на опушку для варежек да и на варежки, у которых меховой может быть только верхняя часть.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

75–30

Спокойно

Припев:

Для окончания

Музыка Игоря ПИНХАСОВА.

Слова Владимира КОЖЕМЯКИНА.

ФИОЛЕТОВЫЙ ФРЕГАТ

Нарисован на листке
Фиолетовый фрегат.
Я держу листок в руке,
А в снастях ветра гудят.
Фиолетовых чернил
Для фрегата не жалел.
Я хотел, чтоб он поплыл
Или даже полетел.
Отыскал я океан,
Где найти его нельзя,
И сквозь солнечный туман
Я увидел паруса.
И тогда нарисовал
В море ветреный закат,
И по гребням волн взлетал
Фиолетовый фрегат.

ПРИПЕВ:
Мой фрегат,
Придуманный мечтою,
Пусть горят
Созвездья над тобою.
Корабли
Стремительного счастья
У земли
Не требуют участья.

Разлинованная жизнь
На домашних якорях.
На листке фрегат лежит
И тоскует о морях.
Он бы взял на абордаж
Мой покой и мой уют.
Фиолетовый мираж
Над волнами узнаю!

ПРИПЕВ.

ISSN 0130-8009. Пионер. 1989. № 10. 1—64